

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издается с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрякина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”

Т. 24,
№ 3 / 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Белова Н.А. Каторжники в местах заключения Вологодской области (1943–1954 годы).....	5
Лукьянов В.Ю. Российско-американские отношения конца XX – первой четверти XXI века: тенденции и перспективы.....	16
Шуняков Д.В. Награждение военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).....	28

ЛИНГВИСТИКА

Аверина А.В. Омонимия частиц в немецком языке.....	38
Ван Цяньцян. Прагматический потенциал прозвищ в произведениях Юй Хуа.....	49
Горшунов Ю.В. Английские эвфемизмы на тему здоровья и болезни.....	59
Лаенко Л.В., Пигловская В.В. Лексико-семантическая группа английских номинаций небольшого возвышения над землей как способ репрезентации типов знания.....	69
Смирнова И.В., Коржукова Е.С. Персуазивная роль этнонимов в испанском электоральном дискурсе.....	81
Табачников Ю.Ю. Способы выражения коммуникативных угроз негативному лицу адресата и адресанта в немецкой лингвокультуре.....	90

ФИЛОСОФИЯ

Завьялова Г.И., Недорезов В.Г., Писарчик Л.Ю. Проблема интенциональности в философии сознания Дж. Сёрла.....	100
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

Редактор
Е.А. Лочехина
Ведущий редактор
А.В. Крюкова
Переводчик
С.В. Бирюкова
Документовед
Е.В. Орёл
Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:

163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:

163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины,
д. 17, ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 28.06.2024.

Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 15,86. Уч.-изд. л. 12,79.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8631.

Адрес типографии:

Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2024

Прилуцкий А.М. Комментарий в блогосфере как религиозно-философский источник (по материалам православного сегмента Интернета).....	111
Прохоров М.М. Опыт истолкования соотношения созерцания и преобразования в учении И. Канта.....	121

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Федуленкова Т.Н. Константы национальной лингвокультурной картины мира.....	134
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голдин В.И. Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России (1917–1922): опыт истории и уроки для современности.....	138
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Он был настоящим историком: памяти профессора А.Н. Зашихина.....	145
Наши рецензенты.....	147
К сведению авторов.....	149

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 24,
No. 3 / 2024

CONTENTS

HISTORY

Belova N.A. Hard Labour Prisoners in the Penal Institutions of the Vologda Region (1943–1954).....	5
Luk'yanov V.Yu. Russia–United States Relations in the Late 20th – First Quarter of the 21st Centuries: Trends and Prospects.....	16
Shunyakov D.V. Awarding Military Personnel of NKVD Troops During the Great Patriotic War.....	28

LINGUISTICS

Averina A.V. Particle Homonymy in the German Language.....	38
Wang Qianqian. Pragmatic Potential of Nicknames in the Novels by Yu Hua.....	49
Gorshunov Yu.V. English Euphemisms for Health and Disease....	59
Laenko L.V., Piglovskaya V.V. Lexico-Semantic Group of English Words for an Elevation of Land as a Means of Representing Types of Knowledge.....	69
Smirnova I.V., Korzhukova E.S. Persuasive Role of Ethnonyms in Spanish Electoral Discourse.....	81
Tabachnikov Yu.Yu. Means of Expressing Communicative Threats to the Addressee's and Addresser's Negative Face in German Linguoculture.....	90

PHILOSOPHY

Zavyalova G.I., Nedorezov V.G., Pisarchik L.Yu. The Problem of Intentionality in J. Searle's Philosophy of Mind.....	100
Prilutskiy A.M. Comments in the Blogosphere as a Source for Religious Studies (Based on the Orthodox Segment of the Internet)....	111
Prokhorov M.M. The Experience of Interpreting the Relationship Between Contemplation and Transformation in I. Kant's Teaching...	121

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor

E.A. Lochekhina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-99

E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-21

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;

vestnik@narfu.ru

Publication date 28.06.2024.

Writing paper. Format 84x108 ¹/₁₆.

Conv. printer's sh. 15.86.

Acad. publ. sh. 12.79.

Circulation 1000 copies. Order no. 8631.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after

V.N. Bulatov

ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2024

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Fedulenkova T.N. Constants of the National Linguocultural Worldview 134

ACADEMIC LIFE

Goldin V.I. Allied Intervention in the Russian Civil War (1917–1922): Historical Experience and Lessons for the Present..... 138

OBITUARIES

He Was a True Historian: In Memory of Professor A.N. Zashikhin..... 145

Our Peer-Reviewers..... 147

Information for Authors..... 149

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 5–15.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 5–15.

Научная статья

УДК 94(47).084.8:343.81

DOI: 10.37482/2687-1505-V343

Каторжники в местах заключения Вологодской области (1943–1954 годы)

Надежда Алексеевна Белова

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России, Вологда, Россия,

e-mail: nade-belova@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса, связанного с содержанием в военные и послевоенные годы в местах лишения свободы, расположенных на территории Вологодской области, специфической категории заключенных – осужденных, приговоренных к каторжным работам за пособничество фашистам по указу Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 года. На основе анализа архивных документов и опубликованных данных рассматриваются порядок этапирования каторжников и особенности размещения нетрудоспособных и больных осужденных данной категории в тюрьмах региона, их материально-бытовое обеспечение и медицинское обслуживание в период отбывания наказания. Уделено внимание специфике агентурно-оперативной работы среди заключенных и дополнительным режимным ограничениям в их отношении. Сделан вывод о том, что данный контингент, независимо от физического состояния, содержался в условиях строгой изоляции в силу своей особой опасности для государства и был лишен ряда льгот, предоставляемых менее опасным категориям заключенных. Правовое положение каторжников в период отбывания наказания определялось ведомственными нормативно-правовыми актами, соблюдение требований которых в местах заключения региона постоянно контролировалось территориальными и центральными органами управления НКВД-МВД СССР. Вывоз каторжного контингента из тюрьмы № 1 г. Вологды в 1950 году был обусловлен ее перепрофилированием. Особый порядок содержания осужденных, приговоренных к каторжным работам, в лагерном отделении № 6 в пос. Новозеро Белозерского района отменен в 1954 году в связи с пересмотром карательной политики после смерти И.В. Сталина.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система России, Вологодская область, каторжники, изменники Родины, отдельный лагерьный пункт, лагерное отделение

Для цитирования: Белова, Н. А. Каторжники в местах заключения Вологодской области (1943–1954 годы) / Н. А. Белова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 5-15. – DOI 10.37482/2687-1505-V343.

Original article

Hard Labour Prisoners in the Penal Institutions of the Vologda Region (1943–1954)

Nadezhda A. Belova

VILE of the FPS of Russia, Vologda, Russia,

e-mail: nade-belova@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Abstract. This article studies the penitentiary treatment during the war and post-war years in the Vologda Region penal institutions of a specific category of convicts, namely, those sentenced to hard labour (katorga) for aiding the fascists by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 39 of April 19, 1943. Based on the analysis of archival documents and published sources, the following are considered: prisoner transport, placement of disabled and diseased convicts of this category in the region's prisons, their material and living conditions as well as medical care during the sentence period. Moreover, attention is paid to the specifics of intelligence and operational work among the prisoners and additional regime restrictions applied to them. It is concluded that, since these people presented a particular threat to the state, irrespective of their physical condition they were kept in close confinement and deprived of a number of privileges given to the less dangerous categories of prisoners. The legal status of convicts during their sentence was determined by departmental normative legal acts; how well their requirements were met by the region's penal institutions was continuously monitored by the local and central authorities of the NKVD–MVD of the USSR. In 1950, the convicts were relocated from Vologda Prison No. 1 due to its repurposing. The special penitentiary treatment of those sentenced to hard labour in Camp Department No. 6 in Novozero village, Belozersk district, was abolished in 1954 due to the revision of the punitive policy after Joseph Stalin's death.

Keywords: *penitentiary system of Russia, Vologda Region, hard labour convicts, traitors to the Motherland, separate camp point, camp department*

For citation: Belova N.A. Hard Labour Prisoners in the Penal Institutions of the Vologda Region (1943–1954). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V343

Обеспечение надежной изоляции лиц, представляющих повышенную опасность для общества, актуализирует необходимость обобщения и анализа исторического опыта, накопленного при отбывании наказания особо опасными категориями преступников, одной из которых в советский период являлись осужденные к каторжным работам. До настоящего времени содержание каторжников¹ в местах заключения в военные и послевоенные годы остается одной из наименее изученных тем в истории советской пенитенциарной системы. В научной литературе она освещена лишь фрагментарно. Вопросы, связанные с правовым регулированием каторжных работ в СССР как меры уголовного наказания и применением

их в судебной практике, получили отражение в публикациях А.Е. Епифанова [1], И.Н. Федотовой [2], В.В. Луканина [3], Д.Н. Шкаревского [4], Г.Р. Кудояровой [5] и др. Режим содержания заключенных в каторжных отделениях исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) изучался Ю.Г. Пилявцом [6]. Отдельные сюжеты о содержании каторжников в Воркутлаге рассмотрены Н.В. Упадышевым [7]. Пребывание этого контингента в отдельном лагерном пункте (ОЛП) № 1 «Створ» Поньшского ИТЛ упомянуто в статье В.В. Мингалева [8].

Содержание каторжников в местах заключения Вологодской области специально не изучалось, что и определяет новизну настоящей работы. Методологически она базируется на

¹В статье используется этот термин, поскольку данный контингент именно так именовался в документах НКВД-МВД СССР.

принципах историзма и объективности, также в исследовании применяются историко-сравнительный и историко-генетический методы.

Привлечение новых архивных материалов позволяет с достаточной полнотой раскрыть вопросы, связанные с пребыванием осужденных к каторжным работам в местах лишения свободы, дислоцированных на территории региона, и тем самым приблизиться к созданию объективной характеристики данного контингента.

Наказание в виде ссылки на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет в отношении лиц, уличенных в период оккупации в пособничестве фашистам, было введено указом Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 года «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» [9, с. 112–113].

Для содержания и использования каторжников на особо тяжелых работах приказом НКВД СССР № 00968 от 11 июня 1943 года предусматривалась организация отделений каторжных работ при Воркутинском, Норильском, Северо-Восточном и Карагандинском ИТЛ (последний – для нетрудоспособных и больных), а также вводилась в действие Инструкция о порядке содержания в лагерях НКВД [9, с. 114–115].

Порядок отправки каторжников к местам отбывания наказания был установлен Инструкцией по учету и этапированию заключенных, приговоренных к каторжным работам. Инструкция была утверждена приказом НКВД СССР № 001241 от 17 июля 1943 года [10, с. 519–522]. Согласно п. 13, тюремная администрация обязывалась этапировать данный контингент отдельно от остальных заключенных в вагонзаках² непосредственно в лагерь,

где были созданы каторжные отделения. При необходимости пересадок в пути следования конвою предписывалось сдавать осужденных в пересыльный пункт Управления исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК) и отделы исправительно-трудовых колоний (ОИТК)³ НКВД, а при их отсутствии – в местную тюрьму. В этих случаях начальник пересыльного пункта или тюрьмы обязывался лично принимать каторжников от конвоя, сверять данные открытых листов с личными делами, размещать каторжников в отдельных от остальных заключенных камерах и организовывать первоочередную дальнейшую отправку [10, с. 521]. В п. 14 Инструкции предписывалось осуществлять отправку данного контингента из тюрем в Норильлаг и Севвостлаг с учетом поступления этапов до закрытия навигации (прибытие вагонзаков на ст. Красноярск – до 1 сентября, на ст. Находка – до 15 ноября), а в Воркутлаг и Карлаг – круглогодично. В примечании к этому пункту, со ссылкой на упомянутый приказ НКВД от 11 июня 1943 года, указывалось, что первоочередную отправку годных к труду каторжников в текущем году следовало производить в Норильлаг [10, с. 521].

В связи с появлением новой категории заключенных Управление НКВД по Вологодской области 19 июля 1943 года получило разъяснение от начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина, уточнявшее порядок работы с приговоренными к каторжным работам. В нем указывалось, что направлять данный контингент разрешается только в те лагеря, где были организованы каторжные отделения (Норильлаг, Воркутлаг, Севвостлаг и Карлаг). При этапировании каторжников предписывалось строго руководствоваться Инструкцией от 17 июля 1943 года, а осужденных, ошибочно отправленных в другие места заключения, следовало направлять

²Специальных вагонов, предназначенных для перевозки заключенных.

³УИТЛК и ОИТК – территориальные органы ГУЛАГа, структура которых была достаточно гибкой: нередко УИТЛК реорганизовывались в ОИТК и наоборот. Реорганизация в УИТЛК осуществлялась в тех случаях, когда численность заключенных становилась достаточно большой для повышения статуса этих подразделений либо когда в подчинении территориального органа ГУЛАГа появлялись ИТЛ или лагерные отделения.

в вышеупомянутые лагеря без нарядов. Особо отмечалось, что нетрудоспособные и больные подлежали отправке в Карлаг, а все работоспособные с 1 сентября 1943 года – в Воркутлаг⁴.

Вследствие того что в Вологодской области наиболее оборудованной для содержания особо опасных категорий заключенных была тюрьма № 1 г. Вологды, в ней находились до суда подсудимые, обвиняемые в пособничестве фашистам, и осужденные за совершенные деяния по указу № 39 от 19 апреля 1943 года до их отправки к местам отбывания наказания. Ввиду строгости требований, предъявляемых к охране и изоляции каторжного контингента, через тюрьму № 1 осуществлялось и этапирование транзитно-пересыльных осужденных, следовавших в каторжные отделения лагерей через территорию Вологодской области.

Следует отметить, что в Тюремный отдел (ТО) Вологодского УНКВД из Тюремного управления (ТУ) НКВД СССР неоднократно поступали документы и их разъяснения с коррективами, вносимыми в порядок этапирования каторжников. Например, было сообщено, что на основании указания НКВД СССР № 160 от 12 мая 1944 года прекращалось их направление в тюрьму № 5 (с. Александровское Иркутской области), установленное директивой НКВД № 530 от 13 декабря 1943 года⁵.

10 октября 1945 года до руководства ТО была доведена информация из распоряжения замнаркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова о прекращении до особого указания отправки на пересыльные пункты ГУЛАГа каторжников, негодных к тяжелому физическому

му труду на шахтах Воркутлага. Задержанных с отправкой лиц в силу их особой опасности предписывалось размещать в отдельных камерах наиболее крепких тюрем, а для постовой службы выделять вполне проверенных и дисциплинированных надзирателей⁶. Уже в 4-м квартале 1945 года в тюрьму № 1 г. Вологды доставили 219 каторжников, годных к легкому физическому труду. Прибывших разместили в отдельном корпусе в строгом соответствии с указаниями НКВД, обеспечив полную изоляцию от внешнего мира и других заключенных⁷.

Для содержания инвалидов из числа каторжников директивным указанием начальника ГУЛАГа № 42/196542 от 21 августа 1945 года было предписано оборудовать в Белозерском районе ОЛП № 6 на базе Новозерской инвалидной колонии № 11⁸. На 1 октября того же года это учреждение (единственный ОЛП среди ИТК) функционировало в составе Вологодского ОИТК⁹. По состоянию на 1 января 1947 года в нем содержалось 862 каторжника¹⁰, на 1 октября того же года – 707¹¹, на 1 января 1948 года – 690¹².

Отправка каторжного контингента из тюрьмы № 1 г. Вологды осуществлялась силами сотрудников учреждения согласно плану перевозок заключенных и выделяемым ТУ НКВД СССР лимитам на основании нарядов ГУЛАГа. Так, для намеченного на 20–21 мая 1947 года вывоза в тюрьму № 3 г. Тобольска 400 каторжников 3-й и 4-й категорий трудоспособности (годных к легкому физическому труду и инвалидов) УМВД по Тюменской области выделило 20 крытых вагонов. Для сопровождения эшелона предписывалось назначить опытного офицера,

⁴Арх. УМВД России по Волог. обл. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9. Л. 97.

⁵Там же. Д. 10. Л. 33.

⁶Там же. Д. 14. Л. 68.

⁷Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 58. Л. 30.

⁸Там же. Ф. 39. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

⁹Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 57. Л. 20.

¹⁰Там же. Д. 62. Л. 30.

¹¹Там же. Д. 65. Л. 41.

¹²Там же. Д. 67. Л. 30.

оперативного сотрудника, фельдшера и хозобслугу из числа осужденных за маловажные преступления с небольшим остатком срока, а самих этаплируемых одеть и обуть по сезону. Этап был подготовлен к 15 мая¹³, однако отправить в Тобольскую тюрьму удалось лишь 380 транспортабельных каторжников¹⁴.

Приказом МВД СССР № 0023 от 9 января 1947 года тюрьма № 1 г. Вологды была включена в число 6 тюрем страны, в которых с целью разгрузки следственных тюрем предусматривалось выделить 5 тыс. мест для осужденных к каторжным работам, непригодных к физическому труду. Для Вологодской тюрьмы был определен лимит в 400 мест [1, с. 22].

Директивой МВД СССР № 7 от 16 января 1947 года на каторжников был распространен режим содержания, установленный Положением о тюрьмах для осужденных (утвержден приказом НКВД СССР № 001477 от 14 декабря 1939 года), а затем требованием Положения о срочных тюрьмах, введенного приказом МВД СССР № 263 от 2 июня 1947 года и заменившего предыдущий нормативный акт¹⁵.

В камерах тюрьмы № 1 г. Вологды, где размещались каторжники, распоряжением ТУ МВД СССР № 20/1/12774 от 3 июля 1947 года было предписано вывесить правила тюремного режима для содержащихся в срочных тюрьмах МВД СССР¹⁶.

Пониженная трудоспособность тюремного контингента из числа осужденных к каторжным работам вызвала особую озабоченность руководства ТУ МВД СССР. В связи с этим распоряжением № 20/1/12235 от 23 июня 1947 года каторжников, отнесенных к 3-й категории трудоспособности (годных к легкому физическому труду), предлагалось разделить на две группы. В первую следовало включить лиц со-

вершенно бесперспективных в отношении оздоровления и улучшения физического состояния (с неизлечимыми недугами, старческого возраста и проч.). Во вторую – заключенных, состояние которых могло быть улучшено путем проведения лечебных и оздоровительных мероприятий (физически ослабленных, истощенных). Для представителей второй группы предусматривались выделение отдельных камер и проведение оздоровительных мероприятий, включая дополнительный сон, перевод на больничное питание и т. п. Затем по мере необходимости предписывалось подвергать этих лиц медицинскому освидетельствованию, при улучшении самочувствия переводить в 1-ю и 2-ю категории (годные к выполнению физических работ – тяжелых и средней тяжести соответственно) и этапировать в лагерь для трудоустройства¹⁷.

Представляется, что появление этого нормативного акта было обусловлено практиковавшимся руководством региональных тюремных отделов назначением больничного питания большинству прибывавших в тюрьмы каторжников, неполноценных по своему физическому состоянию ввиду резкой ослабленности. В частности, начальник ТУ МВД СССР М.В. Кузнецов в своем распоряжении № 20/1/6285 от 31 марта 1947 года со ссылкой на акт приема в тюрьму № 1 г. Вологды 11 каторжников, которые были доставлены 17 февраля 1947 года из тюрьмы № 1 г. Ленинграда и которым было назначено больничное питание по вышеупомянутому мотиву, просил начальника УМВД по Вологодской области К.В. Боровкова поручить руководству ТО перепроверить правильность отбора каторжников. При этом М.В. Кузнецов требовал снять с больничного питания больных неизлечимыми недугами и полных ин-

¹³Арх. УМВД России по Волог. обл. Ф. 23. Оп. 1. Д. 22. Л. 98.

¹⁴Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 64. Л. 40.

¹⁵Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 27. Л. 27.

¹⁶Там же. Д. 23. Л. 64.

¹⁷Там же. Д. 20. Л. 34.

валидов, в отношении которых исключалась возможность восстановления здоровья в целях дальнейшего использования на работах. Также он просил К.В. Боровкова сообщить о результатах проверки и предупредить руководителя ТО Н.Ф. Курицына, чтобы тот впредь такие акты в главк не высылал, т. к. «Тюремному управлению известно, какой контингент каторжников находится в Вологодской тюрьме»¹⁸.

Тем не менее ввиду недостаточности лимитов больничного питания заключенных руководство ТО УМВД Вологодской области и в дальнейшем обращалось в главк с просьбами о дополнительной его выдаче осужденным к каторжным работам, содержащимся в тюрьме № 1.

Так, в ответ на подобную просьбу в июле 1948 года ГУ МВД СССР с учетом нахождения в учреждении 573 каторжников, нуждавшихся в больничном питании, разрешило временно увеличить его норму, составлявшую 6 % от общего количества заключенных, до 9 %. Однако при распределении больничного питания предписывалось исключить из числа нуждавшихся «необратимых хроников», на которых оно уже не могло оказать «никакого лечебного воздействия». В итоге было выявлено 92 ослабленных каторжника, которых в перспективе предполагалось привлечь к труду. Их сконцентрировали в камерах № 175 и 200. Раздачу пищи этим лицам контролировал медработник, также они получали пивные дрожжи¹⁹.

По приказу МВД СССР № 0418 от 25 июня 1949 года были установлены новые категории трудоспособности заключенных. В связи с этим по указанию ГУ МВД СССР № 20/1/8702 от 25 августа того же года в тюрьме № 1 было проведено медицинское освидетельствование каторжников. По его результатам из 534 чел.

годными к физическому труду, отнесенными ко 2-й категории трудоспособности, были признаны 418, к 3-й категории – 21 чел., инвалидами считались 95²⁰. Введение новой системы учета трудоспособности не улучшило общего физического состояния каторжников, но формально привело к максимальному сокращению количества нетрудоспособных лиц в составе этого контингента.

Среди содержащихся в тюрьме № 1 осужденных к каторжным работам было значительное число лиц, нуждавшихся в психиатрической помощи. Так, в 1948 году 24 каторжника были направлены в местную Кувшиновскую психбольницу и один осужденный переведен на принудительное лечение в психиатрическую тюремную больницу г. Казани²¹.

Поскольку все каторжники, задержанные с отправкой в лагерь, имели серьезные проблемы со здоровьем, а значительная их часть страдала неизлечимыми недугами, именно эта категория давала самый высокий процент смертности среди заключенных тюрьмы № 1. В частности, 19 из 24 чел., скончавшихся в этом учреждении в 1-м полугодии 1947 года, были каторжниками²². Таковыми являлись и 9 из 10 умерших в период с 1 января по 15 марта 1948 года²³.

В целях улучшения лечебной работы и сокращения смертности среди каторжного контингента приказом начальника ТО УНКВД Вологодской области № 6/484 от 18 марта 1948 года предписывалось: применять как «могучее лечебное средство» наложение пневмоторакса при туберкулезном процессе; проводить трудовое использование «как оздоровительную меру в борьбе со смертностью»; предоставлять ослабленным и истощенным лицам дневной постельный режим в общих камерах и использовать по

¹⁸Арх. УМВД России по Волог. обл. Ф. 23. Оп. 1. Д. 20. Л. 13.

¹⁹Там же. Д. 26. Л. 43.

²⁰Там же. Д. 30. Л. 3.

²¹Там же. Д. 24. Л. 44.

²²Там же. Д. 20. Л. 59.

²³Там же. Д. 23. Л. 16.

возможности пивные дрожжи и рыбий жир, а с началом весны – дикорастущую зелень²⁴. Однако принятие подобных мер в послевоенных условиях не могло привести к существенному сокращению числа смертных случаев. Например, 24 из 28 чел., умерших в тюрьме № 1 в 1949 году, являлись осужденными к каторжным работам. Причиной смерти были указаны сердечные заболевания (11 случаев), туберкулез легких (8) и прочие заболевания (5)²⁵.

Каторжному контингенту в течение первого года отбывания наказания была запрещена переписка с родственниками, а в дальнейшем разрешалось отправлять близким родственникам одно письмо в месяц. Поскольку поступавшие письма подвергались цензуре, далеко не все они доходили до адресатов. Так, 21 апреля 1947 года в тюрьму № 1 из ТО УМВД были возвращены просмотренные письма на эстонском языке в количестве 29 шт. В приложенной к ним справке были указаны те, которые разрешалось вручить, а остальные предписывалось уничтожить по акту²⁶.

Особое внимание в тюрьме № 1 и ОЛП № 6 уделялось агентурно-оперативной работе среди каторжников, прежде всего нацеленной на выявление их преступных связей и получение материалов на оставшихся на свободе лиц, не наказанных за пособничество фашистам. Например, в 1947 году в ОЛП № 6 агентурным путем было установлено, что в д. Лужки Дновского района Псковской области проживает Д.И. Иванов, который в период оккупации работал полицейским и принимал участие в расстреле советских граждан. Информация была передана в райотдел МГБ СССР²⁷.

Следует отметить, что в постановлении Совмина СССР № 416-159с от 21 февраля 1948 года

«Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР» [11, с. 326–327] каторжники среди категорий особо опасных государственных преступников не значились. Не были они упомянуты и в приказе МВД СССР, МГБ СССР и генпрокурора СССР № 00279/00108/72сс от 16 марта 1948 года «Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении последних по отбытии наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ» [10, с. 138–141]. Это обстоятельство побудило начальника ТО УМВД Вологодской области Д.И. Крюкова 8 мая 1948 года обратиться в региональное УМВД за разъяснением²⁸.

Ответ заместителя министра внутренних дел СССР В.С. Рясного на запрос начальника УМВД Вологодской области К.В. Боровкова о том, подпадает ли данный контингент под действие указанного приказа, был положительным. В нем сообщалось, что материалы на содержащихся в Вологодской тюрьме № 1 каторжников, осужденных по ст. 58 УК РСФСР и соответствующим статьям УК союзных республик, в соответствии с вышеупомянутым приказом представляются на рассмотрение областной комиссии для решения об их переводе в особые лагеря или тюрьмы МВД²⁹.

Однако первоначально каторжников, содержавшихся в тюрьме № 1, в силу их физического состояния реализация приказа № 00279/00108/72сс от 16 марта 1948 года затронула незначительно, поскольку этим документом предписывалось тяжелобольных, неизлечимых «хроников» и беспомощных ин-

²⁴Арх. УМВД России по Волог. обл. Ф. 23. Оп. 1. Д. 23. Л. 16.

²⁵Там же. Д. 34. Л. 22.

²⁶Там же. Д. 22. Л. 41.

²⁷Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 67. Л. 33.

²⁸Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 28. Л. 79.

²⁹Там же. Д. 27. Л. 116.

валидов всех категорий осужденных, подлежавших переводу в особые лагеря и тюрьмы, при наличии заключений медицинско-экспертных комиссий оставлять по месту прежнего содержания [10, с. 138]. Так, по состоянию на 7 февраля 1950 года из отбывавших наказание в этом учреждении 523 каторжников (в их числе 4 чел. 1-й категории трудоспособности, 387 – 2-й категории, 97 инвалидов и 35 коечных больных) лишь 5 были признаны подлежащими переводу в особые лагеря³⁰.

Необходимость ускоренной разгрузки тюрьмы № 1 г. Вологды от осужденных к каторжным работам была обусловлена ее перепрофилированием по приказу МВД СССР № 0065 от 19 января 1950 года в срочную тюрьму для содержания неисправимого уголовно-бандитствующего элемента, водворяемого в тюрьму в целях укрепления порядка в исправительно-трудовых лагерях и колониях³¹.

В связи с этим обстоятельством дальнейшее пребывание каторжников на территории учреждения было признано недопустимым. Трудоспособные подлежали отправке в лагеря, а «лагерный балласт» по указанию ТУ МВД СССР от 2 февраля 1950 года предписывалось вывезти в Белозерский ОЛП. Из последнего осужденные иных категорий вывозились в другие места заключения региона, на месте оставались только нетранспортабельные инвалиды и больные³².

Однако быстро разгрузить тюрьму от каторжного контингента не удалось. В условиях зимнего времени не было возможности срочно вывезти в лагерь даже 96 годных к труду осужденных к каторжным работам³³. На 1 июня 1950 года в тюрьме № 1 оставалось 86 каторжников,

в т. ч. 17 нетранспортабельных больных и 7 подлежавших вывозу в особые лагеря³⁴. 25 августа 5 из 7 находившихся в учреждении каторжников (по указанию ТУ МВД СССР № 20/1/9014 от 18 августа 1950 года) были этапированы в тюрьму № 3 г. Тобольска Тюменской области³⁵.

По состоянию на 30 августа в тюрьме № 1 г. Вологды оставались два последних представителя данного контингента, которые в силу своей нетранспортабельности не могли быть этапированы³⁶.

Мероприятия по упорядочению содержания приговоренных к каторжным работам, предусмотренные распоряжением МВД СССР № 67с от 19 января 1951 года «О местах содержания осужденных к каторжным работам» [11, с. 372–373], не затронули контингент ОЛП № 6, поскольку содержащихся в специальных лагерных отделениях каторжан³⁷ ряда территориальных органов и лагерей, к числу которых был отнесен ОИТК УМВД по Вологодской области, было предписано оставить на месте. При этом подразделение не упоминалось в качестве места, куда в дальнейшем следовало направлять приговоренных к каторжным работам для отбывания наказания.

Приказом начальника УМВД по Вологодской области М.И. Бузланова № 00303 от 16 октября 1951 года (в соответствии с приказами МВД СССР № 00361 1951 года и ГУЛАГа МВД СССР № 61/сс от 7 августа 1951 года) ОЛП № 6 реорганизован в специальное лагерное отделение № 6 для содержания каторжников в пос. Новозеро (почтовое отделение Карл Либкнехт) Белозерского района³⁸.

Согласно утвержденному приказом начальника УМВД по Вологодской области

³⁰Арх. УМВД России по Волог. обл. Ф. 23. Оп. 1. Д. 66. Л. 15.

³¹Там же. Д. 66. Л. 1.

³²Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 559. Л. 84.

³³Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 66. Л. 56.

³⁴Там же. Л. 64.

³⁵Там же. Л. 98.

³⁶Там же. Л. 100.

³⁷В данном документе использован именно этот термин.

³⁸Арх. УМВД России по Волог. обл. Ф. 23. Оп. 1. Д. 77. Л. 218.

№ 0019 от 19 апреля 1952 года плану размещения заключенных по лагерным отделениям и колониям ОИТК (с учетом планового наполнения, наличия жилплощади, производственных признаков и требований Инструкции МВД СССР № 0190 от 27 марта 1947 года) лимит наполнения лагерного отделения № 6 был установлен в 800 мест, 650 из которых предназначалось для содержания каторжников и 150 – для прочих заключенных³⁹. К этому времени лагерное отделение в пос. Новозеро стало местом содержания «забалансового» контингента (лиц, совершенно непригодных к труду), т. е. инвалидов разных категорий осужденных, независимо от степени их социальной опасности.

Во исполнение распоряжения МВД СССР № 150с от 18 мая 1954 года «О порядке содержания осужденных к каторжным работам в лагерных подразделениях при ИТЛ и УИТЛК МВД-УМВД» [1, с. 31] каторжники лагерного отделения № 6 были уравнены в правах с прочими заключенными. На них был распространен режим содержания, предусмотренный Инструкцией по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР, объявленной приказом МВД СССР № 0190 от 27 марта 1947 года.

С этого времени приговоренные к каторжным работам перестали выделяться в особую категорию контингента мест заключения.

Таким образом, на основании всего изложенного можно сделать вывод о том, что каторжники, находящиеся в военные и послевоенные годы в местах лишения свободы Вологодской области, в силу своей особой опасности для государства, независимо от физического состояния, были изолированы от внешнего мира и других заключенных и лишены ряда льгот, которые предоставлялись менее опасным категориям осужденных. Суровость исполнения наказания должна была убедить в его справедливости как самих преступников, так и общество в целом. Правовое положение каторжного контингента определялось ведомственными нормативно-правовыми актами – соблюдение их требований в местах отбывания наказания контролировали территориальные и центральные органы управления НКВД-МВД СССР. Вывоз каторжного контингента из тюрьмы № 1 г. Вологды в 1950 году был связан с ее перепрофилированием, а отмена особого порядка содержания осужденных к каторжным работам в лагерном отделении № 6 в пос. Новозеро Белозерского района в 1954 году обусловлена пересмотром карательной политики государства после смерти И.В. Сталина.

Список литературы

1. Епифанов А. Ссылка на каторжные работы как мера наказания гитлеровских военных преступников и их пособников // Вед. уголов.-исполн. системы. 2010. № 6(97). С. 20–31.
2. Федотова И.Н. Каторга в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Кузбас. ин-та. 2012. № 2(10). С. 22–26.
3. Луканин В.В. Каторжные работы в СССР как мера уголовного наказания // Уголов.-исполн. право. 2015. № 2(20). С. 105–110.
4. Шкаревский Д.Н. О применении каторжных работ военными трибуналами в СССР (1943 – начало 1950-х гг.) // Воен.-юрид. журн. 2015. № 2. С. 12–15.
5. Кудоярова Г.Р. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 в судебной практике СССР // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 1. С. 28–31.
6. Пиливец Ю.Г. Режим содержания осужденных к каторжным работам в СССР 1943–1954 гг. // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уго-

³⁹Арх. УМВД России по Волог. обл. Ф. 23. Оп. 1.

Белова Н.А.

Каторжники в местах заключения Вологодской области (1943–1954 годы)

ловно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тез. выступлений и докл. участников: в 8 т. Рязань: АПИУ ФСИН России, 2017. Т. 7. С. 201–206.

7. *Упадышев Н.В.* Воркутинский исправительно-трудовой лагерь в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2012. № 3. С. 35–40.

8. *Мингалев В.В.* Раскопки ОЛП № 1 «Створ» // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 8. Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования проблемы сохранения и музеефикации: сб. науч. тр. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 403–411.

9. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. док. / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М.: Объед. ред. МВД России, 2008. 638 с.

10. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; науч. ред. В.Н. Шостаковский; под общ. ред. А.Н. Яковлева. М.: Материк: Междунар. фонд «Демократия», 2002. 885 с.

11. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров; отв. сост. Н.И. Владимирцев. М.: РОССПЭН, 2004. 696 с.

References

1. Epifanov A. Ssylka na katorzhnye raboty kak mera nakazaniya gitlerovskikh voennykh prestupnikov i ikh posobnikov [Exile to Penal Servitude as a Punishment for German War Criminals and Their Accomplices]. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy*, 2010, no. 6, pp. 20–31.

2. Fedotova I.N. Katorga v Sovetskom Soyuze v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Penal Servitude in the Soviet Union in Days of the Great Patriotic War]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2012, no. 2, pp. 22–26.

3. Lukanin V.V. Katorzhnye raboty v SSSR kak mera ugolovnogo nakazaniya [Hard Labor in the USSR as a Type of Criminal Penalty]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, 2015, no. 2, pp. 105–110.

4. Shkarevskiy D.N. O primeneniі katorzhnykh rabot voennymi tribunalami v SSSR (1943 – nachalo 1950-kh gg.) [On Application of Penal Labor by Military Tribunals in the USSR (1943 – Beginning of the 1950s)]. *Voенно-yuridicheskiy zhurnal*, 2015, no. 2, pp. 12–15.

5. Kudoyarova G.R. Realizatsiya Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 19 aprelya 1943 g. № 39 v sudebnoy praktike SSSR [Implementation of the Decree of the Supreme Soviet Presidium of the USSR from the 19th of April, 1943 No. 39 in Forensic Practice in the USSR]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 1, pp. 28–31.

6. Pilyavets Yu.G. Rezhim sodержaniya osuzhdennykh k katorzhnym rabotam v SSSR 1943–1954 gg. [Penitentiary Treatment of Those Sentenced to Penal Servitude in the USSR, 1943–1954]. *III Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum “Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie” (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii)* [3rd International Penitentiary Forum “Crime, Punishment, Correction” (to the 20th Anniversary of the Entry into Force of the Penal Code of the Russian Federation)]. Ryazan, 2017. Vol. 7, pp. 201–206.

7. Upadyshev N.V. Vorkutinskiy ispravitel'no-trudovoy lager' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Vorkuta Correction and Labour Camp in the Years of the Great Patriotic War]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2012, no. 3, pp. 35–40.

8. Mingalev V.V. Raskopki OLP № 1 “Stvor” [Excavations of the Special Camp Station Number 1 “Stvor”]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii. Vyp. 8. Arkheologicheskie pamyatniki Povolzh'ya i Urala: sovremennyye issledovaniya problemy sokhraneniya i muzeifikatsii* [Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition. Iss. 8. Archaeological Monuments of the Volga Region and the Urals: Modern Studies on Preservation and Museumization]. Perm, 2012, pp. 403–411.

9. Vladimirtsev N.I., Kokurin A.I. (comps.). *NKVD-MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoy Ukraine, v Zapadnoy Belorussii i Pribaltike (1939–1956)* [NKVD–MVD of the USSR in the Fight Against Banditry and the Armed Nationalist Underground in Western Ukraine, Western Byelorussia and the Baltics (1939–1956)]. Moscow, 2008. 638 p.

10. Yakovlev A.N. (ed.). *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerey). 1918–1960* [The Gulag (Chief Administration of the Camps). 1918–1960]. Moscow, 2002. 885 p.

11. Petrov N.V. (ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. T. 2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry* [The History of Stalin's Gulag: Late 1920s – First Half of the 1950s. Vol. 2. The Penal System: Structure and Personnel]. Moscow, 2004. 696 p.

Информация об авторе

Н.А. Белова – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России (адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2).

Information about the author

Nadezhda A. Belova, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Philosophy and History, VILE of the FPS of Russia (address: ul. Shchetinina 2, Vologda, 160012, Russia).

Поступила в редакцию 18.01.2024

Одобрена после рецензирования 28.03.2024

Принята к публикации 02.04.2024

Submitted 18 January 2024

Approved after reviewing 28 March 2024

Accepted for publication 2 April 2024

Лукьянов В.Ю.

Российско-американские отношения конца XX – первой четверти XXI века...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 16–27.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 16–27.

Научная статья

УДК [4(470)+94(73).092.9]:327

DOI: 10.37482/2687-1505-V344

Российско-американские отношения конца XX – первой четверти XXI века: тенденции и перспективы

Владимир Юрьевич Лукьянов

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Аннотация. В статье рассматриваются отношения России и США конца XX века – первых десятилетий XXI века как важнейшая проблема современных международных отношений. Анализ проводится в историко-политической ретроспективе – начиная с периода 1990-х годов и заканчивая современностью. Применительно к периоду 1990-х годов, определяемому как «время дружбы и партнерства», раскрываются причины сближения сторон, а также события конца 1990-х, ставшие поворотной точкой ухудшения отношений России и США, – начало расширения НАТО на Восток и бомбардировка Белграда авиацией НАТО. Рассматривая события 2000–2010-х годов, автор отмечает противоречивость развития российско-американских отношений, наличие тенденций и к их улучшению (создание Совета Россия – НАТО после 11 сентября 2001 года, политика «перезагрузки» конца 2000-х), и к ухудшению, вызванному такими событиями, как интервенция США в Ирак в 2003 году, российско-грузинский конфликт в августе 2008 года, гражданская война в Сирии, украинский политический кризис и присоединение Крыма к России в 2014 году. Анализируя российско-американские отношения последних 10 лет (2014–2024 годы), автор приходит к выводу, что отношения между Россией и США могут быть охарактеризованы как враждебные, что не оставляет шансов на их нормализацию путем непосредственного контакта сторон. Тенденция к неуклонному ухудшению отношений, наметившаяся в конце 1990-х и постоянно усиливавшаяся в период 2000–2020-х, вызвана, по мнению автора, непримиримостью позиций сторон в вопросе о принципах устройства системы международных отношений. Если США стремятся к построению монополярного – американоцентричного – мира, то Россия настаивает на принципе многополярности. Единственный путь к улучшению отношений России и США – стабилизация системы международных отношений. Анализу именно этой проблемы посвящена заключительная часть статьи.

Ключевые слова: российско-американские отношения, внешняя политика России, внешняя политика США, монополярный мир, многополярный мир, биполярность

Для цитирования: Лукьянов, В. Ю. Российско-американские отношения конца XX – первой четверти XXI века: тенденции и перспективы / В. Ю. Лукьянов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 16-27. – DOI 10.37482/2687-1505-V344.

Original article

Russia–United States Relations in the Late 20th – First Quarter of the 21st Centuries: Trends and Prospects

Vladimir Yu. Luk'yanov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia,

e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>

Abstract. The article studies the relations between Russia and the USA in the late 20th – first decades of the 21st centuries as a central problem of modern international relations. The analysis is performed in the historical-political retrospect, from the 1990s to the present day. When it comes to the 1990s, viewed as a time of friendship and partnership, the reasons for the rapprochement between the two countries are described, as well as the events of the late 1990s – eastward NATO expansion and the NATO bombing of Belgrade – which were the turning point for the decline in Russia–US relations. Talking about the 2000s – 2010s, the author indicates the contradictions in the development of the bilateral relations, namely, a trend towards both improvement (establishment of the NATO–Russia Council following the attacks of September 11, 2001 and the “reset” policy in the late 2000s) and deterioration (as a result of the US-led invasion of Iraq in 2003, Russo-Georgian conflict in August 2008, Syrian civil war, Ukrainian political crisis and the accession of Crimea to Russia in 2014). According to the author, Russian-American relations over the past decade (2014–2024) could be described as hostile, which eliminates the possibility for their normalization through direct contacts between the two parties. The downward trend in Russia–US relations, which emerged in the late 1990s and continued to grow during the 2000s – 2020s, can be explained by the two countries’ irreconcilable positions on the system of international relations. The United States seek to create a unipolar – Americentric – world, while Russia insists on multipolarity. According to the author, the only way to improve relations between Russia and the USA is to stabilize the system of international relations. This problem is discussed in the final part of the article.

Keywords: *Russia–US relations, Russia’s foreign policy, US foreign policy, unipolar world, multipolar world, bipolarity*

For citation: Luk'yanov V.Yu. Russia–United States Relations in the Late 20th – First Quarter of the 21st Centuries: Trends and Prospects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 16–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V344

Одной из важнейших проблем современности являются отношения России и США – государств, играющих особую роль в международных отношениях. Россия и США – ядерные сверхдержавы, несущие основную ответственность за предотвращение ядерной войны. Отношения сторон на международной арене имеют определяющее значение и для развития геополитической ситуации. Россия претендует на статус одного из главных центров многополярного

мира, что вызывает резкое неприятие США. С учетом сказанного анализ российско-американских отношений представляется актуальным.

Проблеме отношений России и США посвящено значительное количество работ как отечественных, так и зарубежных ученых.

Говоря об отечественных экспертах, следует выделить Т.А. Шаклеину, А.Д. Богатурова и С.М. Рогова. В исследованиях Т.А. Шаклеиной осуществлен комплексный анализ отношений

Россия – США в период 1990-х годов и первых десятилетий XXI века [1, 2]. В трудах А.Д. Богатурова представлен обзор глобальных тенденций развития международных отношений. Значительное место отводится анализу российско-американских отношений в контексте неприятия Россией концепции монополярности мира [3]. В монографии С.М. Рогова рассматриваются изменения, произошедшие во внешней политике США в результате событий 11 сентября 2001 года: новая расстановка сил на мировой арене, международный терроризм как фактор международных отношений, изменения в российско-американских отношениях [4].

В коллективных монографиях сотрудников Института США и Канады Российской академии наук подводятся итоги развития отношений России и США в период 1990-х годов [5], раскрываются отношения сторон в контексте важнейших геополитических проблем современности – борьба с международным терроризмом, фактор Восточной Европы в российско-американских отношениях, помощь США России в рамках поддержки демократии [6].

Детальный анализ российско-американских отношений дается в сборнике научных статей участников международной конференции, прошедшей в МГИМО в 2008 году [7]. В публикациях рассматривается взаимодействие России и США как на глобальном уровне, так и в отдельных аспектах – в политике, идеологии, энергетической сфере, на постсоветском пространстве.

Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева и К.В. Хозинская в своей монографии осмысливают проблему формирования имиджа России в американском обществе – представление о существующем в России политическом режиме, внутренней и внешней политике, значении России в мире и т. д. [8]. Следует отметить справочное издание фундаментального характера Э.А. Иваняна, содержащее более 1300 статей и охватывающее период в три столетия, на протяжении которых формировались отношения двух государств¹.

Проблемам российско-американских отношений уделяют серьезное внимание и западные, в первую очередь американские, эксперты.

Фундаментальное исследование известного американского историка С. Коена посвящено анализу тенденций развития России в период 1990-х годов в контексте отношений Россия – США [9]. В статье З. Бжезинского дается прогноз развития отношений России и США на постсоветском пространстве [10]. В работе Дж. Миршаймера, написанной в 2014 году, рассматривается начавшийся украинский политический кризис [11].

Необходимо отметить труды, в которых осмысливается проблема формирования так называемого либерального миропорядка, подразумевающего глобальное доминирование США, и которые затрагивают проблему отношений России и США [12–15].

Цель предлагаемой статьи – прогноз перспектив развития отношений России и США на основе анализа, проведенного в исторической ретроспективе – от момента образования современной России до наших дней.

С нашей точки зрения, российско-американские отношения конца XX – первых десятилетий XXI века прошли три этапа развития.

Первый этап – период 1990-х годов – можно определить как время «дружбы и партнерства». Переход России к демократии открывал, казалось бы, пути к сотрудничеству России и США. В 1990-х к власти в России пришли политики, считавшие, что будущее России – это союз с Западом. Во внешней политике доминировал прозападный, проамериканский, вектор: «...фундаментальным принципом внешней политики России в начале 1990-х гг. ... было заявлено стратегическое партнерство между РФ и США, которые воспринимались как естественный союзник России» [16, с. 23].

Немалую роль в позитивном характере отношений России и США в период 1990-х иг-

¹Энциклопедия российско-американских отношений XVIII–XX века / авт.-сост. Э.А. Иванян. М.: Междунар. отношения, 2001. 696 с.

рал и сложившийся в США образ России как государства, идущего по пути демократии, что было связано с проводимыми в России либеральными реформами и внешней политикой, носившей откровенно прозападный, прежде всего проамериканский, характер [8, с. 17].

В 1992 году президент России Б.Н. Ельцин в ходе визита в США, выступая в Конгрессе, подчеркнул, что в отношениях США и России наступает эпоха сотрудничества². В 1990-е годы был подписан ряд соглашений, основное содержание которых подтверждало, что Россия и США являются союзниками практически во всех сферах – политике, экономике, контроле над ядерным оружием³.

Важным аспектом развития российско-американских отношений в период 1990-х стало сотрудничество по линии Россия – НАТО. С учетом того, что основу альянса составляли США, участие России в программе «Партнерство во имя мира» (1994) и подписание «Основополагающего акта Россия – НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности» (1997) означали и улучшение отношений России и США.

Ситуация начинает меняться в конце XX столетия. В 1999 году происходят события, послужившие стартовой точкой ухудшения отношений как между Россией и США, так и между Россией и Западом в целом. Мы имеем в виду первое расширение НАТО на Восток и вмешательство альянса в войну в Югославии – бомбардировку Белграда, которая была резко негативно воспринята в России. Широкую известность получил «разворот над Атлантикой» самолета премьер-министра России Е.М. Примакова, ставший символом протеста против операции НАТО в Югославии.

Однако главная причина ухудшения отношений России и США заключалась не только и даже не столько в югославских событиях и начале процесса расширения НАТО. Бомбардировки Белграда и начало расширения НАТО говорили о том, что США и Запад в целом претендуют на единоличный контроль геополитических процессов, игнорируя мнение России: «...объявленное стратегическое партнерство РФ и США на практике оказалось взаимодействием на неравноправной основе, в ущерб интересам РФ и в пользу интересов США» [17, с. 27]. Был необходим поиск «реалистической модели партнерства России и США», далекой от завышенных ожиданий скорейшей интеграции России в западные структуры [5, с. 141].

Второй этап развития российско-американских отношений – 2000-е – первая половина 2010-х – характеризуется углублением геополитических противоречий сторон.

Отношения России и США в указанный период развивались противоречиво. С одной стороны, оставались возможности для сотрудничества. В начале XXI века произошло событие, открывавшее, казалось бы, возможность для сближения сторон – террористический акт 11 сентября 2001 года. Сразу после теракта была принята совместная декларация президентов США и России – Дж. Буша-младшего и В.В. Путина – о новых отношениях России и НАТО: «...Россия и члены НАТО все в большей степени выступают как союзники в борьбе с терроризмом, региональной нестабильностью и другими угрозами»⁴. В 2002 году был создан Совет Россия – НАТО, целью которого стало военное

²Ельцин Б.Н. Выступление в Конгрессе США 17.06.1992 г. URL: <https://www.mediamera.ru/post/25615> (дата обращения: 22.04.2023).

³Кемп-Дэвидская декларация президентов России и США (1992). URL: <https://www.ria.ru/20220201/declaratsiya-1770299266.html> (дата обращения: 22.09.2023); Хартия российско-американского партнерства и дружбы. URL: <https://www.avalon-law.ru/2019/11/06/1992-hartiya-rossijsko-amerikanskogo-partnerstva-i-druzhby/> (дата обращения: 10.10.2023); Российско-американские отношения в 1992–1996 годах. Справка. URL: <https://www.ria.ru/20110404/360851191.html> (дата обращения: 01.10.2023).

⁴Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки. URL: <https://ria.ru/20020524/153893.html> (дата обращения: 19.02.2024).

сотрудничество сторон⁵. Продолжился процесс ядерного разоружения. В этом же году стороны подписали договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов⁶.

С другой стороны, в начале XXI века США и Запад в целом предпринимают шаги, вызвавшие резкое осуждение России. Прежде всего мы имеем в виду ввод войск США в Ирак в 2003 году, который президент России В.В. Путин расценил как агрессию⁷. В 2004 году произошло второе расширение НАТО: в ряды альянса вступили Болгария, Литва, Латвия, Эстония, Румыния, Словакия, Словения. В результате НАТО вплотную приблизилось к границам России.

В 2008 году автономия Сербии – Косово – провозгласила себя независимым государством. Это событие привело к очередному витку напряженности в отношениях России и США. Россия трактовала отделение Косово как прецедент, способный подорвать систему европейской безопасности⁸. По мнению же США, отделение Косово не противоречило нормам международного права⁹. Важнейшей причиной ухудшения отношений России и США стал и российско-грузинский конфликт 2008 года, который Запад трактовал как агрессию России против Грузии¹⁰.

Говоря о периоде 2000-х годов, нельзя не остановиться и на знаменитой Мюнхенской

речи президента России В.В. Путина 2007 года. В своем выступлении В.В. Путин подверг страны Запада, прежде всего США, очень жесткой критике, суть которой сводилась к трем основным тезисам.

Первый – категорическое неприятие Россией однополюсной модели мироустройства, которую пытаются построить США и Запад в целом.

Второй – критика в адрес США за интервенции, осуществляемые без согласования с Советом Безопасности ООН.

Наконец, третий – критика процесса расширения НАТО, который Россия воспринимает как угрозу ее национальной безопасности¹¹.

В условиях роста напряженности президентами России и США – Д.А. Медведевыми и Б. Обамой – был инициирован переход к так называемой политике «перезагрузки» как попытке урегулировать спорные вопросы и перейти к сотрудничеству. Каковы же причины «перезагрузки»?

Для США основная причина попытки нормализации отношений с Россией заключалась в осознании провала построения американоцентричного мира, в необходимости поиска коллективного решения геополитических проблем, о чем заявил президент США Б. Обама, выступая в ООН¹². Росло сопротивление претензиям

⁵Совет Россия – НАТО. URL: www.ria.ru/20220528/sovnet-1790834240.html (дата обращения: 20.02.2024).

⁶Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных потенциалов. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1686025/ (дата обращения: 12.09.2023).

⁷Владимир Путин: война в Ираке – политическая ошибка. URL: https://www.ng.ru/politics/2003-03-21/1_putin.html (дата обращения: 21.09.2023).

⁸Владимир Путин о независимости Косово. URL: www.kommersant.ru/doc/736946 (дата обращения: 02.08.2023).

⁹США считают независимость Косова «особым случаем». URL: <https://www.ria.ru/20080218/99536263.html> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁰Statement by the NATO Secretary General on the Events in South Ossetia. URL: <https://www.nato.int/docu/pr/2008/p08-100e.html> (дата обращения: 21.09.2023).

¹¹Выступление Президента России В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Германия, 10 февраля 2007 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1727764/ (дата обращения: 20.09.2023).

¹²Президент США Барак Обама впервые обращается к Генассамблее ООН. URL: <https://www.epochtimes.ru/content/view/28635/2/> (дата обращения: 21.09.2023).

США на гегемонию со стороны других держав, прежде всего Китая. США основательно «увязли» в Ираке и Афганистане и понимали, что без помощи России не удастся решить иранскую и северокорейскую ядерные проблемы. Наконец, США беспокоил и факт сотрудничества России и Китая [18]. Т.А. Шаклеина, подводя итоги президентства Дж. Буша-младшего в сфере внешней политики, определила его как «катастрофическое лидерство» США [1, с. 111–119].

Для России необходимость «перезагрузки» определялась опасением изоляции после российско-грузинского конфликта 2008 года. Даже партнеры по Содружеству независимых государств (СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Межгосударственному неформальному объединению наиболее динамично развивающихся крупных стран (БРИКС) воздержались тогда от прямой поддержки России [18].

Российско-американские отношения начинают улучшаться. Россия предоставляет коридор для транспортировки грузов для западной коалиции в Афганистан, а при поддержке США становится членом Всемирной торговой организации. В 2010 году Россия и США подписали соглашение о сокращении стратегических наступательных вооружений¹³.

Улучшение отношений оказалось, однако, недолгим. Стороны возвращаются к конфронтации, причиной которой стали два события, произошедшие на мировой арене.

Первое – гражданская война в Сирии. Сторонами конфликта были президент Сирии Б. Асад и антиасадовская прозападная оппо-

зиция. Ситуация осложнялась участием в войне Исламского государства (ИГИЛ)¹⁴; которое имело целью создание на территории Сирии халифата – государства, живущего по законам радикального ислама, и воевало как против Б. Асада, так и против его оппозиции.

Россия и США приняли участие в войне именно под предлогом борьбы с ИГИЛ. Однако Москва и Вашингтон помимо борьбы с ИГИЛ преследовали и собственные цели. Россия заявила о поддержке президента Б. Асада, в то время как США поддерживали оппозицию [19].

Второе событие – начавшийся в конце 2013 года политический кризис на Украине, ставший «точкой невозврата» в отношениях России и США.

Украинский политический кризис – 2014–2024 годы – обозначил начало третьего этапа развития российско-американских отношений, который характеризуется превращением России и США в геополитических противников. Если в период 2000-х стороны предпринимали попытки к нормализации отношений (создание Совета Россия – НАТО, политика «перезагрузки»), то в период 2014–2024 годов развитие ситуации идет по ухудшающейся траектории.

Главным событием в ходе кризиса стало присоединение Крыма к России в 2014 году. Руководство США заявило, что «присоединение» является оккупацией полуострова Россией¹⁵. Неприятие США вызвали и образование на Юго-Востоке Украины Луганской и Донецкой Народных Республик, и последовавшее за этим их признание Россией¹⁶.

Именно украинский кризис окончательно похоронил надежду на нормализацию си-

¹³Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 15.09.2023).

¹⁴Деятельность ИГИЛ запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁵Обама надеется на дипломатическое решение крымского вопроса. URL: <https://www.interfax.ru/world/364791> (дата обращения: 23.09.2023); Евросоюз и США не признают присоединение Крыма и Севастополя к России. URL: www.ria.ru/20140318/1000093671.html (дата обращения: 25.09.2023).

¹⁶«Так заканчивается послевоенный мир»: западные СМИ о признании ДНР и ЛНР. URL: <http://www.rbc.ru/politics/22/02/2022/62148f00a794782ffe7f572> (дата обращения: 02.10.2023).

туации. Если до событий 2013–2014 годов российско-американские отношения можно было охарактеризовать как напряженные, но оставляющие возможность для диалога, то теперь они перешли в стадию открытой конфронтации.

Меняется восприятие России на мировой арене. Если в период «перезагрузки» Б. Обама признавал Россию геополитическим партнером, то теперь позиционировал ее как государство, агрессивная политика которого является результатом неспособности оказать влияние на ситуацию в мире иным путем кроме агрессии¹⁷. В 2015 году была принята новая Стратегия национальной безопасности США. Если в предыдущей Стратегии, принятой в 2010 году, Россия называлась потенциальным партнером США¹⁸, то в Стратегии 2015 года – противником¹⁹.

Курс на усиление конфронтации с Россией продолжился и в 2016–2024 годах – во время президентских сроков Д. Трампа и Дж. Байдена. В декабре 2017 года принимается новая Стратегия национальной безопасности США,

в которой Россия (наряду с Китаем) названа геополитическим противником²⁰. В 2019 году Россия и США выходят из договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, аргументируя это нарушениями договора противостоящей стороной²¹.

Курс внешней политики США в отношении России не изменился и при Дж. Байдене.

Главным событием, повлиявшим на российско-американские отношения последнего времени, стала, безусловно, специальная военная операция России на Украине. Сразу после ее начала в феврале 2022 года Дж. Байден выступил с обращением, в котором назвал действия России агрессией, а Россию – государством-изгоем, против которого объединился весь цивилизованный мир²². В 2022 году была принята новая Стратегия национальной безопасности США, повторявшая основной тезис Стратегии 2017 года: Россия наряду с Китаем является геополитическим противником США²³.

Отношения сторон не изменились и в 2024 году. Важнейшей проблемой остается украин-

¹⁷Обама: Россия – всего лишь региональная держава. URL: <https://topwar.ru/42375-obama-rossiya-vsego-lish-regionalnaya-derzhava.html> (дата обращения: 19.09.2023).

¹⁸Стратегия национальной безопасности США 2010. URL: <https://www.constitutions.ru/?https://www.constitutions.ru/?p=5602> (дата обращения: 20.08.2023).

¹⁹National Security Strategy. Febr. 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 12.02.2023).

²⁰National Security Strategy and Transcript of Remarks. URL: www.lawfaremedia.org/article/documents-december-2017-national-security-strategy-and-transcript-remarks (дата обращения: 20.02.2023).

²¹Официальное сообщение Министерства иностранных дел Российской Федерации (О прекращении действия договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности от 8 декабря 1987 года). URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020001> (дата обращения: 03.09.2023); Выход США из договора о РСМД 2 августа 2019 года. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-on-august-2-2019-ru/> (дата обращения: 03.09.2023).

²²Полная речь Байдена о военной спецоперации России на Украине. URL: <https://mt.newizv.ru/blog/43942694645/Polnaya-rech-Baydena-o-voennoy-spetsoperatsii-Rossii-na-Ukrayine> (дата обращения: 22.09.2023).

²³National Security Strategy. Oct. 2022. URL: <https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).

ский кризис, в котором США, как и ранее, занимают жесткую антироссийскую позицию²⁴. Отношения США и России в целом можно охарактеризовать сегодня как враждебные.

Таким образом, базовой тенденцией развития российско-американских отношений после распада СССР стало их неуклонное ухудшение. Если в 1990-е годы Россия и США позиционировали друг друга как партнеры, то на сегодняшний день они стали даже не противниками, а, скорее, врагами. Необходимо ответить на вопрос: в чем причины произошедшего?

Стороны возлагают ответственность друг на друга. Руководство США утверждает, что причина происходящего – агрессивная внешняя политика России: агрессия против Грузии, Украины и Сирии. Именно это вынуждает США занять антироссийскую позицию.

Россия, в свою очередь, также обвиняет США и Запад в целом в проведении агрессивной внешней политики – интервенциях в Ирак, Ливию, Афганистан, Югославию, Сирию, дестабилизации ситуации на постсоветском пространстве путем организации «цветных революций». Именно постоянные интервенции, совершаемые странами Запада, вынуждают Россию идти на конфронтацию с США и их союзниками.

По нашему мнению, причины сложившейся ситуации лежат значительно глубже. Главная причина конфликта России и США – диаметрально противоположное видение принципов устройства системы международных отношений, начавшей формироваться после распада СССР. США считают основой геополитической стабильности монополярность, базирующуюся на гегемонии США. Позиция России заклю-

чается в том, что международные отношения должны строиться на принципе многополярности, на праве каждого государства выбирать как модель внутривластного устройства, так и курс внешнеполитического развития²⁵. Именно принципиально разные подходы к вопросу устройства международных отношений делают конфликт сторон неизбежным.

По мысли А.Д. Богатурова, конфликт России и США предопределяется и тем, что «слабая Россия, идеал отечественных пораженцев ельцинской поры, для союза с Вашингтоном бессмысленна, а для роли сателлита слишком тяжела» [3, с. 261]. Иными словами, в качестве равноправного союзника США никогда Россию не примут, а на роль сателлита Россия не подойдет и не согласится. Кроме того, для России неприемлема и проводимая США политика «всемирного торжества демократии», подразумевающая утверждение демократии любыми, в т. ч. и насильственными, методами [7].

Фактором, усиливающим напряженность в отношениях сторон, является и неприятие США существующей в России модели государственно-политического устройства. В адрес России звучат обвинения в авторитарном характере политического режима, отсутствии прав и свобод, подавлении оппозиции и т. д.²⁶ Однако значение этого фактора не следует, с нашей точки зрения, преувеличивать. Главной причиной ухудшения отношений России и США выступают все же геополитические противоречия. Критика по поводу отсутствия демократии – скорее инструмент внешней политики США для нейтрализации России как геополитического противника.

²⁴Байден пообещал Путину, что США не изменят позицию по Украине. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6560764> (дата обращения: 02.03.2024).

²⁵Путин заявил о неизбежности создания многополярного мира. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/651d7509a79472bfe385882> (дата обращения: 03.10.2023).

²⁶Госдеп заявил об «ужасном нарушении прав человека» в России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/02/2021/602726119a79477bd023ecd8> (дата обращения: 03.12.2023); «Политический шантаж»: США обвинили Россию в нарушении прав человека. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/05/12_a_13080307.shtml (дата обращения: 03.12.2023); В Конгрессе США призвали ввести новые санкции за нарушение прав человека в России. URL: <https://www.dailystorm.ru/news/v-kongresse-ssha-prizvali-vvesti-novye-sankcii-za-narusheniya-prav-cheloveka-v-rosii> (дата обращения: 03.12.2023).

В заключение необходимо ответить на вопрос: существует ли возможность улучшения российско-американских отношений? Думается, нормализация ситуации путем непосредственных контактов сторон невозможна. Отношения государств достигли такого уровня конфронтации, при котором контакты даже по важнейшим вопросам – контроль над ядерным оружием, урегулирование наиболее серьезных геополитических противоречий – представляются крайне маловероятными.

Для решения этой дилеммы необходимо изменение геополитической ситуации, что в перспективе приведет к нормализации российско-американских отношений. Главная проблема современности, как нам представляется, заключается в незавершенности процесса создания новой системы международных отношений, начавшегося после окончания «холодной войны». Основной геополитической тенденцией конца XX – первых десятилетий XXI века стало создание монополярного, американоцентричного, мира. Однако сегодня эта политика встречает все большее противодействие, прежде всего со стороны России и Китая, которые неоднократно озвучивали свое видение будущего как многополярность²⁷. Именно противостояние идей монополярного и многополярного мира является источником нестабильности. Решение этого вопроса поможет как стабилизировать ситуацию в мире в целом, так и найти пути нормализации отношений России и США. Что же для этого необходимо? По нашему мнению, существует два варианта развития ситуации.

Первый – восстановление биполярной модели, формирование двух противостоящих геополитических центров: «коллективного Запада» и «коллективного анти-Запада». Процесс

формирования полюса «анти-Запада» идет достаточно активно. Центральным его звеном выступают Россия и Китай, а структурными единицами – ШОС и БРИКС. Именно БРИКС все в большей степени позиционирует себя как «коллективный анти-Запад». Показательны итоги последнего саммита БРИКС, состоявшегося в августе 2023 года в г. Йоханнесбурге (ЮАР). Важнейшим итогом саммита можно назвать коллективное заявление стран БРИКС о приверженности идеям многополярного мира – с критикой в адрес Запада²⁸. Примечательно, что идею новой биполярности озвучивает и противоположная сторона – США и НАТО. На последних саммитах альянса было отмечено также, что будущее НАТО – противостояние с Россией и Китаем, которые являются главной угрозой евроатлантической безопасности [20].

Второй вариант – смягчение позиций США, подразумевающее если не отказ от гегемонии, то по крайней мере отказ от гегемонии в ее радикальной форме, т. е. то, что Л.Е. Гринин определил как «мягкое лидерство» США [21, с. 28], включающее два аспекта.

С одной стороны, государства мира признают необходимость лидерства США, но не как гегемона, а как «первого среди равных». С другой стороны, США отказываются от наиболее радикальных методов достижения доминирования – интервенций, санкций и т. д. США используют инструменты «мягкой силы» и – самое главное – признают право других государств на наличие собственных геополитических интересов.

Одним из вариантов «мягкого лидерства» стала идея «глобального концерта», воспроизводящая в новых геополитических реалиях механизм Европейского концерта, су-

²⁷Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 09.09.2023).

²⁸Йоханнесбургская декларация–II. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/ (дата обращения: 18.09.2023).

ществовавшего в рамках Венской системы международных отношений XIX века²⁹. Суть Европейского концерта заключалась в том, что 5 сильнейших государств Европы того времени – Россия, Великобритания, Франция, Пруссия, Австрия – коллективными усилиями обеспечивали мир в Европе по окончании Наполеоновских войн. В нынешних геополитических реалиях необходимо создание «глобального концерта», участниками которого стали бы США, Китай, Россия, Евросоюз, Индия и Япония. Эти 6 важнейших геополитических акторов должны отказаться от навязывания какой-либо модели государственно-политического устройства, признать право государств на геополитическую самостоятельность и объеди-

нить усилия ради создания стабильной системы международных отношений³⁰.

Таким образом, развитие российско-американских отношений может проходить по двум возможным сценариям: формирование биполярной модели «Запад» – «анти-Запад», в рамках которой Россия и США останутся противниками, а их отношения неизбежно будут ухудшаться и далее, либо реализация идеи «мягкого лидерства» США, создание системы «глобального концерта», оставляющей надежду на сближение позиций, преодоление конфронтации, присущей современным российско-американским отношениям. Какой из этих вариантов реализуется – покажет будущее.

Список литературы

1. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2017. 336 с.
2. Шаклеина Т.А. Отношения России и США в начале 2020-х годов: новые перспективы для формирования незападоцентричного мирового порядка // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Обществ. науки. 2023. № 4(853). С. 48–55.
3. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.
4. Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М.: ИСКРАН, 2001. 89 с.
5. Давыдов Ю.П., Кременюк В.А., Уткин А.И., Батюк В.И., Шаклеина Т.А. Россия и США после «холодной войны» / отв. ред. В.А. Кременюк. М.: Наука, 1999. 143 с.
6. Капустина Е.Б., Кременюк В.А., Мирзаян Г.В., Писарев В.Д., Подлесный П.Т., Смирнов П.Е., Теребов О.В., Троицкий М.А., Шаклеина Т.А. США и Россия: актуальные проблемы двусторонних отношений (2001–2008 гг.) / отв. ред. Т.А. Шаклеина, В.А. Кременюк. М.: ИСКРАН, 2009. 201 с.
7. Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / отв. ред. А.Д. Богатуров, Т.А. Шаклеина. М.: КРАСАНД, 2010. 352 с.
8. Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (Образы современной России в работах американских авторов): 1992–2007 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 384 с.
9. Коен С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России / пер. с англ. И.С. Давидян. М.: АИРО-XX, 2001. 303 с.
10. Brzezinski Z. The Premature Partnership // Foreign Aff. 1994. Vol. 73, № 2. P. 67–82.
11. Mearsheimer J.J. Why the Ukrainian Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Aff. 2014. Vol. 93, № 5. P. 77–89.
12. Ikenberry G.J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton Univ. Press, 2011. 312 p.
13. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? // Int. Aff. 2018. Vol. 94, № 1. P. 7–23.

²⁹Хаас Р., Канчан Ч. Новый концерт держав. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/novyj-konzert-derzhav/> (дата обращения: 09.09.2023).

³⁰Там же.

14. Mearsheimer J.J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. N. H.: Yale Univ. Press, 2018. 328 p.
15. Walt S.M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of the U.S. Primacy*. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 384 p.
16. Кузнецов Д.В. Первые контакты между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки на высшем уровне, 1991–1992 гг. // *Американистика на Дал. Востоке*. 2022. Вып. 1(8). С. 9–27.
17. Кузнецов Д.В. Развитие российско-американских отношений в 1993–1999 гг. // *Американистика на Дал. Востоке*. 2023. Вып. 2(9). С. 9–31.
18. Иванов И.С. «Перезагрузка» в российско-американских отношениях: тактический шаг или стратегический выбор? // *Междунар. жизнь*. 2012. № 9. С. 22–33.
19. Хлопов О.А. Результаты и перспективы военной кампании США в Сирии // *Colloquium-J*. 2020. № 7-4(59). С. 4–8. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11500>
20. Иванов О.П. Трансформация НАТО: от потепления климата до замерзания в политике // *Обозреватель – Observer*. 2022. № 11–12(394–395). С. 5–16. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_11-12_5
21. Гринин Л.Е. Контуры нового мирового порядка // *Философия и о-во*. 2015. № 3–4. С. 7–33.

References

1. Shakleina T.A. *Rossiya i SShA v mirovoy politike* [Russia and the US in World Politics]. Moscow, 2017. 336 p.
2. Shakleina T.A. Russia and the United States at the Beginning of 2020s: New Perspectives for the Formation of Non-West World Order. *Vestn. Moscow State Linguist. Univ. Soc. Stud.*, 2023, no. 4, pp. 48–55 (in Russ.).
3. Bogaturov A.D. *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Rossii* [International Relations and Foreign Policy of Russia]. Moscow, 2017. 480 p.
4. Rogov S.M. *11 sentyabrya 2001 g.: reaktsiya SShA i posledstviya dlya rossiysko-amerikanskikh otnosheniy* [September 11, 2001: US Reaction and Consequences for Russia–United States Relations]. Moscow, 2001. 89 p.
5. Davydov Yu.P., Kremenyuk V.A., Utkin A.I., Batyuk V.I., Shakleina T.A. *Rossiya i SShA posle “kholodnoy voyny”* [Russia and the US After the Cold War]. Moscow, 1999. 143 p.
6. Kapustina E.B., Kremenyuk V.A., Mirzayan G.V., Pisarev V.D., Podlesnyy P.T., Smirnov P.E., Terebov O.V., Troitskiy M.A., Shakleina T.A. *SShA i Rossiya: aktual'nye problemy dvustoronnikh otnosheniy (2001–2008 gg.)* [The USA and Russia: Current Problems of Bilateral Relations (2001–2008)]. Moscow, 2009. 201 p.
7. Bogaturov A.D., Shakleina T.A. (eds.). *Liderstvo i konkurentsiya v mirovoy sisteme: Rossiya i SShA* [Leadership and Competition in the Global System: Russia and the USA]. Moscow, 2010. 352 p.
8. Batalov E.Ya., Zhuravleva V.Yu., Khozinskaya K.V. “Rychashchiy medved” na “dikom Vostoke” (*Obrazy sovremennoy Rossii v rabotakh amerikanskikh avtorov*): 1992–2007 gg. [The “Growling Bear” in the “Wild East” (Images of Modern Russia in the Works of American Authors): 1992–2007]. Moscow, 2009. 384 p.
9. Cohen S.F. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. New York, 2000. 304 p. (Russ. ed.: Koen S. *Proval krestovogo pokhoda. SShA i tragediya postkommunisticheskoy Rossii*. Moscow, 2001. 303 p.).
10. Brzezinski Z. The Premature Partnership. *Foreign Aff.*, 1994, vol. 73, no. 2, pp. 67–82.
11. Mearsheimer J.J. Why the Ukrainian Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin. *Foreign Aff.*, 2014, vol. 93, no. 5, pp. 77–89.
12. Ikenberry G.J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton, 2011. 312 p.
13. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? *Int. Aff.*, 2018, vol. 94, no. 1, pp. 7–23.
14. Mearsheimer J.J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, 2018. 328 p.
15. Walt S.M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of the U.S. Primacy*. New York, 2018. 384 p.
16. Kuznetsov D.V. Pervye kontakty mezhdru Rossiyskoy Federatsiey i Soedinennymi Shtatami Ameriki na vysshem urovne, 1991–1992 gg. [The First Contacts Between the Russian Federation and the United States of America at the Highest Level, 1991–1992]. *Amerikanistika na Dal'nem Vostoke*, 2022, no. 1, pp. 9–27.
17. Kuznetsov D.V. Razvitie rossiysko-amerikanskikh otnosheniy v 1993–1999 gg. [Development of Russian-American Relations in 1993–1999]. *Amerikanistika na Dal'nem Vostoke*, 2023, no. 2, pp. 9–31.

18. Ivanov I.S. “Perezagruzka” v rossiysko-amerikanskikh otnosheniyakh: takticheskiy shag ili strategicheskiy vybor? [The “Reset” in Russia–US Relations: A Tactical Step or a Strategic Choice?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2012, no. 9, pp. 2–33.

19. Khlopov O.A. Rezul'taty i perspektivy voennoy kampanii SShA v Sirii [The Results and Prospects of US Military Campaign in Syria]. *Colloquium-J.*, 2020, no. 7-4, pp. 4–8. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11500>

20. Ivanov O.P. Transformatsiya NATO: ot potepeniya klimata do zamerzaniya v politike [NATO Transformation: From Climate Warming to Freezing in Politics]. *Obozrevatel' – Observer*, 2022, no. 11–12, pp. 5–16. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_11-12_5

21. Grinin L.E. Kontury novogo mirovogo poryadka [Contours of a New World Order]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2015, no. 3–4, pp. 7–33.

Информация об авторе

В.Ю. Лукьянов – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67).

Information about the author

Vladimir Yu. Luk'yanov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of International Entrepreneurship, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (address: ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russia).

Поступила в редакцию 16.10.2023

Одобрена после рецензирования 25.03.2024

Принята к публикации 29.03.2024

Submitted 16 October 2023

Approved after reviewing 25 March 2024

Accepted for publication 29 March 2024

Шуныков Д.В.

Награждение военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 28–37.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 28–37.

Научная статья

УДК 94(47).084.3:342.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V345

Награждение военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

Дмитрий Викторович Шуныков

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,

e-mail: konigsberg039@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2649-4179>

Аннотация. В статье анализируется опыт наградной практики войск НКВД в период Великой Отечественной войны. Констатируется, что войска НКВД в 1941–1942 годах принимали активное участие в боях наравне с формированиями Красной армии. После 1943 года основной служебно-боевой деятельностью комиссариата стала охрана тыла действующей армии. При написании статьи использовались проблемно-хронологический, историко-типологический и компаративный методы исследования, статистический анализ наградного материала. На основе изучения архивных и опубликованных данных, личных документов утверждается, что гратификация в начальный период войны не соответствовала потребностям войск. Отмечается, что в 1942–1944 годах были осуществлены децентрализация системы награждения путем делегирования наградных прав командирам (начальникам) формирований войск НКВД, а также расширение их наградного арсенала путем учреждения новых орденов и медалей. Наградная практика свидетельствует, что специализированных наград для отличия заслуг по охране тыла, важных объектов, железных дорог и в борьбе с националистическим подпольем учреждено не было. Военнослужащие войск НКВД поощрялись едиными государственными наградами – наравне с представителями других силовых структур, входящих в состав советских Вооруженных сил (Красная армия и ВМФ). Автор приходит к выводу, что в силу специфики выполняемых задач (в тыловом районе действующей армии) применение государственных наград к сотрудникам (коллективам) войск НКВД происходило редко. Основная масса отличий осуществлялась на ведомственном уровне – сотрудники отмечались материальными (ценные подарки и премирование) или моральными (грамоты и благодарности) наградами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, войска НКВД, пограничные войска СССР, внутренние войска СССР, гратификация, награждение, государственная награда

Для цитирования: Шуныков, Д. В. Награждение военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Д. В. Шуныков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 28-37. – DOI 10.37482/2687-1505-V345.

Original article

Awarding Military Personnel of NKVD Troops During the Great Patriotic War (1941–1945)

Dmitriy V. Shunyakov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia,

e-mail: konigsberg039@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2649-4179>

Abstract. The article analyses the practice of awarding People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) troops during the Great Patriotic War. It is pointed out that in 1941–1942 NKVD troops took an active part in the battles alongside Red Army units. After 1943 the commissariat's main service and combat activity was protecting the army's rear. The problem-chronological, typological historical, and comparative methods, as well as statistical analysis of the award data were used in this paper. Having studied archival materials, published data and personal documents, the author argues that during the initial phase of the war, awarding failed to meet the needs of the troops. It is noted that in 1942–1944 the award system was decentralized by delegating award rights to commanders (chiefs) of NKVD troops; their award arsenal was expanded with new orders and medals. The award practice indicates that there were no specialized awards to distinguish accomplishments in protecting the rear, important facilities and railways or in fighting against the nationalist underground. NKVD troops were presented with uniform state awards on the same basis as representatives of other agencies that were part of the Soviet Armed Forces (Red Army and Navy). The author comes to the conclusion that, due to the specific nature of the tasks performed (in the army's rear), state awards were rarely given to employees (groups of employees) of NKVD troops. The majority of distinctions were departmental and included material (valuable gifts and money) or moral (certificates of merit and acknowledgement) rewards.

Keywords: *Great Patriotic War, NKVD troops, Soviet border troops, Soviet internal troops, gratuity, awarding, state decoration*

For citation: Shunyakov D.V. Awarding Military Personnel of NKVD Troops During the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 28–37. DOI: 10.37482/2687-1505-V345

Введение. Обращение к исторической литературе показало, что тема награждения сотрудников войск НКВД в годы Великой Отечественной войны является недостаточно изученной. В исследованиях О.М. Белоусова и И.С. Черномазова [1], С.В. Бунина [2] и других экспертов [3–11] вопрос награждения рассматривается поверхностно, статистический анализ в них отсутствует. В ряде работ приводится наградная статистика конкретных войск, в частности пограничных. Наиболее подробно наградная статистика представлена в труде «От

внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации» под общей редакцией В.В. Золотова [11], но и в нем можно найти данные только о сотрудниках НКВД – Героях Советского Союза, а также о коллективных награждениях. Модернизация наградного производства не раскрывается вовсе [1–11]. Настоящая статья дополняет вышеупомянутые исследования, рассматривая наградное производство войск НКВД как составной элемент наградной системы Вооруженных сил (ВС) СССР на протяжении войны.

Наравне с государственными наградами приводятся и ведомственные формы поощрения, такие как материальные (ценные подарки, премирование) и моральные (благодарности, грамоты) награды, а также коллективные отличия (благодарности, награждения орденами, почетные наименования части).

Исследование имеет целью комплексный анализ совершенствования персонифицированного и коллективного награждения сотрудников войск НКВД как составного элемента системы награждения ВС СССР в целом и ведомства внутренних дел в частности, выявление особенностей функционирования наградного производства в годы войны.

Теоретическая значимость заключается в уточнении статистики наградного производства сотрудников войск НКВД. Практическая значимость обусловлена комплексным подходом к исследованию наградной системы войск НКВД в период Великой Отечественной войны. Статистические результаты настоящей статьи могут применяться при подготовке обобщающих работ о служебно-боевой деятельности войск НКВД и специальных курсов по истории и фалеристике.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования являются неопубликованные материалы о деятельности наградных органов, хранящиеся в Российском государственном военном архиве (РГВА), а также опубликованные в сборниках документов [12–17]. Анализ данных показал, что войска НКВД сыграли большую роль в битвах за Ленинград, Москву, Сталинград, Кавказ, на Курской дуге, в сражениях заключительного периода войны. В военных действиях 1941–1942 годов формирования НКВД вели бои с противником наравне с частями Красной армии. Из-за специфики служебно-боевого применения части НКВД не имели тяжелого вооружения и компенсировали недостаток оружия личным мужеством. Начиная с середины 1943 года и до конца войны основными направлениями деятельности войск НКВД являлись уничтожение (пленение) разрозненных военных групп противника, оставшихся в тылу наших войск после проведения

крупномасштабных наступательных операций, борьба с саботажем и националистическим подпольем. За отличия сотрудники (формирования) войск НКВД награждались государственными орденами и медалями аналогично частям Красной армии. Государственное и военное руководство серьезно модернизировало наградное производство действующей армии, делегировав наградные полномочия командному составу на местах (от командира полка и выше) и увеличив перечень наград. При этом процесс награждения «солдат правопорядка» в начальный период войны осложнялся передачей формирований войск НКВД в подчинение командованию Красной армии, которое просто включало военнослужащих войск НКВД в общие списки награждения, даже не уведомляя об этом НКВД. После 1942 года ситуация изменилась к лучшему.

Анализ наградной практики свидетельствует, что входящие в состав ВС НКО и НКВД имели схожие наградные системы. Существовал единый перечень государственных наград для военнослужащих Красной армии, ВМФ и войск НКВД – отличия были только в ведомственных наградах, обусловленных спецификой применения силовых структур [18, 19].

Обращение к воспоминаниям военнослужащих войск НКВД, а также к летописи применения формирований в годы войны определило обстоятельства, в которых выполнялся служебный долг. Ветераны свидетельствуют, что действовать приходилось в суровых условиях войны, нередко при недостатке продовольствия, вооружения, боеприпасов. Получение государственных наград было редкостью, поощрение осуществлялось преимущественно устными благодарностями, реже – материальным стимулированием.

Мы опирались на два основных принципа – объективности (целостное и объективное отражение объекта исследования) и историзма (рассмотрение объекта в контексте общих исторических условий). В ходе работы использовали совокупность общенаучных и исторических методов: проблемно-хронологический,

историко-типологический, компаративный и статистический.

Результаты. Структура войск НКВД в ходе войны подверглась серьезным изменениям. По состоянию на 22 июня 1941 года в их состав входили войска различного назначения: пограничные – ПВ), охранявшие сухопутную и морскую границу СССР; оперативные (внутренние – ВВ), входящие в состав ПВ; войска по охране железных дорог и объектов промышленности (охрана соответствующих объектов), а также конвойные (КВ), отвечающие за наружную охрану тюрем и конвоирование заключенных и подследственных арестованных. В 1943 году добавились войска по охране тыла действующей армии, правительственной высокочастотной связи, местной противовоздушной обороны [17, с. 72, 79, 137–139]. Численность войск НКВД к началу войны составляла, тыс. чел.: ПВ – 168; ВВ – 25,5 (мотострелковая дивизия им. Дзержинского, 14 мотострелковых и 4 кавалерийских полка, 4 отдельных стрелковых батальона); войска по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий – 61,6 (10 дивизий и 8 бригад); КВ – 38,3 (2 дивизии и 7 бригад). Всего – 293,4 тыс. чел., что составляло 5,1 % от общей численности ВС СССР (5,7 млн чел.) [4, с. 112–126, 134, 136]. По другим данным, общая численность войск НКВД (14 дивизий, 18 бригад, 21 полк) составляла 337 тыс. чел., или 5,9 % [3, с. 191–192]. С началом Великой Отечественной войны в соответствии с мобилизационным планом МП-41 произошло резкое увеличение численности войск НКВД, в результате чего войска насчитывали, тыс. чел.: ПВ – 193,4; ВВ – 65,1 (из них 36 % около западной границы СССР); войска по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий – 179,3; КВ – 44,4. Всего – 482,2 тыс. чел. [5, с. 78–86]. Рост численности войск НКВД шел в течение всей войны.

На протяжении всей войны (особенно в 1941–1943 годах) организация управления войсками НКВД неоднократно менялась. На момент нападения фашистской Германии на

СССР единого центрального органа управления войсками НКВД не было. Общее руководство ими осуществлял заместитель наркома внутренних войск по войскам, на котором замыкались управления войсками (всего 4). Через два месяца после начала войны, 26 августа, создается единое Главное управление войск НКВД. Однако 19 января 1942 года единый центр упраздняется и воссоздаются главные управления войск. Между тем опыт наступательных действий под Москвой показал, что при занятии населенных пунктов части Красной армии вынуждены оставлять в них гарнизоны, ослабляя тем самым свой наступательный потенциал. Во исполнение постановления Государственного комитета обороны (ГКО) № 1099сс от 4 января 1942 года, возлагавшего несение гарнизонной службы на войска НКВД в составе Главного управления ВВ, 28 апреля 1942 года создается Управление войск по охране тыла действующей армии, которое 4 мая 1943 года обособлено в Главное управление войск НКВД по охране тыла действующей армии. Главное управление частей высокочастотной связи создается 10 июня 1943 года после их включения в состав НКВД. С лета 1943 года организация управления войсками НКВД оставалась неизменной [5, с. 86–91].

Ввиду опыта войны и характера задач структура каждого вида войск НКВД совершенствовалась. В отношении ВВ произошли укрупнение формирований и их организация по аналогии с Красной армией. Отдельные подразделения сводились в полки и бригады, несколько полков (от 4 до 6) – в дивизии. В ряде случаев обстановка требовала организации региональных органов управления войсками. Так, в 1943 году создаются два управления внутренних войск – Северо-Кавказского и Украинского округов. В целях оптимального применения войск по охране тыла созданы фронтовые (отдельных армий) управления охраны войскового тыла. Соединения (части) войск НКВД находились в подчинении начальника войск по охране тыла, являвшегося заместителем командующего фронтом [5, с. 93–99].

Подробное изучение структуры войск НКВД необходимо для понимания наградного производства. Поскольку ПВ и ВВ НКВД и НКО входили в состав ВС СССР, порядок награждения в ведомствах был идентичен. Минимальной административной единицей, подававшей ходатайство о награждении, являлся полк (отдельная бригада). Непосредственный командир отличившегося подавал в штаб полка рапорт с подробным описанием обстоятельств. Строевая часть полка (бригады) оформляла наградные листы и отправляла их вверх по инстанциям для согласования (строевая часть дивизии – наградное отделение Главного управления войск – аттестационная комиссия НКВД) [14, с. 234]. Так, штаб 136-го стрелкового полка 6-й стрелковой дивизии ВВ НКВД оформил материал на представление к правительственным наградам командиров и бойцов полка, отличившихся при ликвидации 10 июля 1944 года окруженной группы немецких солдат и власовцев в районе совхоза «Первое мая» восточнее Минска [7, с. 65–70]. После согласования в инстанциях наградной материал оказывался в наградной комиссии при Президиуме Верховного Совета СССР. Президиум Верховного Совета издавал указ о награждении, и руководители государства в Москве вручали орден или медаль отличившемуся¹. Ведомственные награды вручались на основании приказов наркома внутренних дел.

Усложненная наградная процедура мирного времени оказалась абсолютно неприемлемой в условиях войны. Бюрократизированный процесс, при котором представление к награждению проходило множество согласовывающих инстанций, занимал неоправданно много времени. Ситуация на фронте не позволяла обеспечить прибытие всех отличившихся в Москву. Совершенно очевидно, что наградная процедура нуждалась в упрощении. В сентябре 1941 года произошла частичная децентрализация наградного процесса путем предоставле-

ния прав награждения военнослужащих войск НКВД от красноармейца до командира полка Военным советам фронтов и отдельных армий. Военный совет готовил приказ о награждении и вручал награды, утверждались протоколы Президиумом Верховного Совета [12, с. 171]. Из сообщения командования 30-й армии о стажировке снайперов 13-го пограничного полка с 22 июля по 4 ноября 1942 года: «Военный совет 30-й армии 13 пограничников-снайперов наградил медалями и 6 человек представил к правительственной награде через Военный совет Западного фронта» [16, с. 394–396].

Практика показала, что частичная децентрализация не была особо эффективной. Потребность действующей армии в награждении привела к наделению наградными правами командиров воинских формирований (от полка до фронта). В ноябре 1942 года командиры получили возможность в соответствии с занимаемой должностью осуществлять награждение строго ограниченным перечнем наградных знаков. Так, награждать медалями рядовой и сержантский состав имели право командиры частей (полков войск НКВД) и соединений (бригад, дивизий). Командир соединения кроме медалей вручал указанным категориям военнослужащих ордена Красной Звезды и Славы 3-й степени. Также наградной арсенал командира соединения позволял награждать офицеров до командира роты орденом Красного Знамени [12, с. 360–361, 384–384; 13, с. 74–75, 83, 87–88, 136, 203–205, 247–248, 303].

Наградное производство осталось тем же, с той лишь разницей, что представление (наградной лист) проходило согласовывающие инстанции до соответствующего наградного органа, где составлялся приказ о награждении и отличившимся вручались ордена и медали. В целях сокращения времени со дня утверждения представления до вручения награды каждому наградному органу предоставлялся строго подотчетный лимит орденов и медалей

¹Советские конституции: хрест.: в 4 ч. Ч. 3. СССР, 1936–1977 гг. / сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2015. 418 с.

в соответствии с наградными полномочиями. В случае награждения высшими государственными наградами СССР наградной материал через Главные управления того или иного вида войск попадал в отдел кадров НКВД. После рассмотрения и утверждения наградные листы поступали в наградную комиссию при Президиуме Верховного Совета СССР [14, с. 398]. К примеру, в докладной записке на имя Председателя ГКО И.В. Сталина от 22 февраля 1945 года нарком внутренних дел Л.П. Берия ходатайствовал о награждении офицеров, сержантов и рядовых войск НКВД за отличие в проведении чекистско-войсковых операций по ликвидации националистов в западных областях Украины [6, с. 148].

Военнослужащих, части войск НКВД отмечали государственными наградами, едиными для ВС СССР (за исключением «флотоводческих» орденов и медалей, которыми могли наградить только представителей морских пограничных сил), специальных наград для них предусмотрено не было [19, с. 46]. Специфическая служебно-боевая деятельность поощрялась ведомственным знаком «Заслуженный работник НКВД», награждение утверждалось приказом наркома внутренних дел.

Формирования войск НКВД поощрялись орденами, присвоением почетного наименования, объявлением благодарности от вышестоящего командования. Например, за отличия при обороне Сталинграда орденом Ленина награждена 10-я стрелковая дивизия НКВД [1, с. 73], 79-му пограничному полку войск НКВД присвоено почетное наименование «Сталинградский» [16, с. 422], а 21-й отдельной стрелковой бригаде ВВ НКВД приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 2 февраля 1943 года объявлена благодарность [20, с. 379].

Сведения о количестве персонифицированных награждений сотрудников войск НКВД в годы Великой Отечественной войны весьма противоречивы. В частности, начальник Главного штаба ВВ МВД России генерал-полковник

С.В. Бунин утверждает, что число награжденных превышает 100 тыс. чел., из них 306 Героев Советского Союза (в т. ч. 4 – дважды Герои) [2, с. 14]. В справке политотдела войск НКВД по охране тыла действующей армии от 17 мая 1945 года указано, что орденами и медалями было награждено 17 350 военнослужащих (из них 4776 (27,5 %) офицеров, в т. ч. 18 генералов), еще 18 стали Героями Советского Союза [16, с. 543]. По состоянию на 1 октября 1943 года во ВВ НКВД СССР 3131 военнослужащий отмечен правительственными наградами². Вопрос о количестве награжденных нуждается в специальном исследовании.

Данные по коллективным награждениям более репрезентативны. Всего за годы войны произошло 38 награждений орденами (34 формирования, в т. ч. 4 – дважды), 21 присвоение почетных наименований и одно присвоение звания «Гвардейский». Половина орденов (с учетом повторных награждений) – 19 (50 %) – вручена в победном 1945 году, в переломном 1943-м – 13 (34,2 %). В 1944 году состоялось 4 (10,5 %) награждения, а в 1942-м – 2 (5,3 %). Больше всего отличий заслужили формирования НКВД (ордена/почетные наименования): по охране тыла действующей армии – 27/16; по охране железных дорог – 4; ВВ – 3/5; по охране особо важных предприятий промышленности – 2 и учебных заведений – 2. Единственное формирование НКВД – сторожевой корабль СКА-056 морской пограничной службы – был удостоен звания «Гвардейский» в 1943 году [9, с. 50; 11, с. 66–73].

Для поощрения отличившихся военнослужащих широко применялось материальное стимулирование «боевой» работы, аналогичной Красной армии [19, с. 42–44]. Так, старшему помощнику начальника разведывательного отдела Управления войск НКВД по охране тыла Брянского фронта майору Гринченко объявлена благодарность и выдано вознаграждение в 500 р. за организацию пленения агента германской разведки, сброшенного на парашюте в тыл для

²РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 842. Доклад по работе с начсоставом войск ВВ НКВД на 1 октября 1943 г. Л. 39–45.

выполнения разведывательного задания³. Приказом начальника пограничных войск НКВД СССР № 017 от 23 мая 1944 года трое пограничников 71-го Бахерденского пограничного отряда Туркменского округа награждены премией (500, 300 и 250 р.) за ликвидацию нарушителей границы из Ирана [10, с. 463].

Поощрение производилось по служебной иерархии. Приказом НКВД СССР «Об объявлении благодарности личному составу 7-й заставы 98-го пограничного полка» в августе 1942 года начальник заставы капитан Юров повышен в должности до командира батальона, заместителем начальника заставы младшему лейтенанту Слеткову досрочно присвоено звание «лейтенант» с назначением на должность начальника 7-й заставы. Группе красноармейцев и младшим командирам присвоены очередные звания [16, с. 409–410]. Пограничник 98-го Львовского погранотряда С.П. Ведерников вспоминал, что за задержание шпиона в 1944 году собаковод Кротова повысили в должности до старшего наряда и вручили золотые часы, а его самого наградили месячным отпуском⁴.

Самым массовым отличием сотрудников войск НКВД оставалось объявление благодарностей командирами и начальниками различного ранга. В приказе НКВД СССР № 0196 от 6 ноября 1942 года «О результатах боевой стажировки артиллерийских частей и подразделений ВВ на фронте» была объявлена благодарность начальника ВВ группе начальствующего состава, обеспечившей обучение артиллеристов [8, с. 114–115]. Рядовой дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского Г.И. Гусев вспоминал, что за отличия в охране общественного порядка в Москве, «как всегда, обходились устными благодарностями»⁵.

Заключение. В годы Великой Отечественной войны НКВД имел аналогичную НКО и ВМФ наградную систему. Поощрительная система каждого ведомства включала два уровня награждения. Органы государственного управления, производившие награждения высшими званиями и орденами СССР, составляли верхний уровень, а низший с 1942 года – ведомственные органы, осуществлявшие награждение ограниченным перечнем государственных наград, дифференцированных сообразно занимаемому награжденным органом месту в иерархии ведомства.

Номенклатура персонифицированных и коллективных отличий была аналогична довоенной. Индивидуальное награждение осуществлялось государственными знаками отличия, ценными подарками, благодарностями и грамотами различного уровня, повышением в звании и должности. Коллективное поощрение производилось орденами, присвоением почетного гвардейского звания, наименования, зачислением в списки части отличившихся сотрудников, объявлением благодарности. В период 1942–1945 годов наградной арсенал был серьезно расширен за счет учреждения новых орденов и медалей. Наградные критерии орденов и медалей содержали положения, отражавшие специфику боевых действий каждого ведомства, включая войска НКВД.

Проблемы с подсчетом количества награжденных сотрудников войск НКВД являются отражением организационного хаоса в начальный период Великой Отечественной войны (1941–1942 годы). В соответствии с указом «О военном положении» от 22 июня 1941 года значительное количество формирований войск оказалось в оперативном подчинении армейского командования фронтов (армий), которое

³РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 4. Приказ начальника ВВ НКВД № 193 от 2 ноября 1942 г. «С объявлением благодарности старшему помощнику начальника разведывательного отдела Управления войск НКВД по охране тыла Брянского фронта майору т. Гринченко». Л. 56.

⁴Ведерников Сергей Петрович. URL: <https://iremember.ru/memoirs/nkvd-i-smersh/vedernikov-sergey-petrov> (дата обращения: 22.10.2023).

⁵Гусев Георгий Иванович. URL: <https://iremember.ru/memoirs/nkvd-i-smersh/gusev-georgiy-ivanovich/> (дата обращения: 23.10.2023).

использовало их по своему усмотрению (без согласования с наркомом внутренних дел или его заместителем по войскам), в т. ч. на передовой [12, с. 12]. Соответственно, отличившихся бойцов и командиров войск НКВД зачастую включали в общий список представленных к награждению через Военные советы фронтов (армий). Вследствие единых с Красной армией званий установить по общим спискам сотрудников

НКВД не представляется возможным. Ситуация изменилась после децентрализации наградного производства в 1942–1943 годах и перехода ВС в наступление, когда войска НКВД сосредоточились на выполнении задач в оперативном тылу. Наградные органы формирований НКВД осуществляли награждение, отправляя наградные списки для утверждения через отдел кадров НКВД в Президиум Верховного Совета СССР.

Список литературы

1. Белоусов О.М., Черномазов И.С. Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны // Рост. науч. журн. 2017. № 5. С. 60–105.
2. Бунин С. Службно-боевая деятельность войск НКВД в годы Великой Отечественной войны // Акад. вестн. внутр. войск МВД России. 2015. № 1. С. 9–15.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. / М-во обороны Рос. Федерации. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. 848 с.
4. Бунин С.В., Марценюк Ю.А., Беркутов А.С., Климов А.А., Ченцов А.С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд: в 3 т. Т. I. Войска НКВД накануне Великой Отечественной войны (1939–1941). М.: Ред. журн. «На боевом посту» внутр. войск МВД России, 2015. 280 с.
5. Бунин С.В., Марценюк Ю.А., Беркутов А.С., Климов А.А., Ченцов А.С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Военно-исторический труд: в 3 т. Т. II. Войска НКВД в первый и второй периоды Великой Отечественной войны (1941–1943). М.: Ред. журн. «На боевом посту» внутр. войск МВД России, 2015. 328 с.
6. Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. арх. док. М.: Ред. журн. «На боевом посту» войск нац. гвардии Рос. Федерации, 2017. Вып. 1. 168 с.
7. Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. арх. док. М.: Ред. журн. «На боевом посту» войск нац. гвардии Рос. Федерации, 2018. Вып. 3. 106 с.
8. Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. арх. док. М.: Ред. журн. «На боевом посту» войск нац. гвардии Рос. Федерации, 2019. Вып. 5. 192 с.
9. Новиков В. Гвардейский корабль «москитного флота» // Армейск. сб. 2022. № 4. С. 50–57.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. V, кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 года). М.: Кучково поле, 2007. 728 с.
11. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Золотова. 2-е изд. М.: Ред. журн. «На боевом посту» войск нац. гвардии Рос. Федерации, 2019. 160 с.
12. Русский архив: Великая Отечественная / под общ. ред. В.А. Золотарева Т. 13(2-2). Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. М.: Терра, 1997. 448 с.
13. Русский архив: Великая Отечественная / под общ. ред. В.А. Золотарева. Т. 13(2-3). Приказы народного комиссара обороны СССР 1943–1945 гг. М.: Терра, 1997. 456 с.
14. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: справ.-стат. материалы / под общ. ред. ген. армии А.П. Белобородова. М.: Воениздат, 1963. 624 с.
15. Жилин В.А. Организационное строительство Вооруженных Сил: история и современность. М.: Воентехиздат, 2002. 584 с.
16. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. док. М.: Наука, 1968. 708 с.
17. Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: справ. / под ред. А.Н. Яковлева, авт.-сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: МФД, 2003. 768 с. (Россия. XX век. Документы).
18. Шуняков Д.В. Награды удостоены... Статистические данные по награждению советскими орденами и медалями в годы Второй мировой войны // Воен.-ист. журн. 2021. № 5. С. 46–50.

Шуняков Д.В.

Награждение военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

19. Шуняков Д.В. Материальное премирование боевой и служебной деятельности бойцов и командиров Красной армии (1918–1946 гг.) // Экон. ист. 2023. Т. 19, № 1. С. 38–46. <https://doi.org/10.15507/2409-630X.060.019.202301.038-046>

20. Лагодский С.А., Ржевцев Ю.П. Сталинград: подвиг солдат правопорядка. М.: Объед. ред. МВД России, 2013. 487 с.

References

1. Belousov O.M., Chernomazov I.S. Voyska NKVD v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Troops of the NKVD During the Great Patriotic War]. *Rostovskiy nauchnyy zhurnal*, 2017, vol. 5, pp. 60–105.

2. Bunin S. Sluzhebno-boevaya deyatel'nost' voysk NKVD v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Service and Combat Activities of the NKVD Troops During the Great Patriotic War]. *Akademicheskii vestnik vnutrennikh voysk MVD Rossii*, 2015, no. 1, pp. 9–15.

3. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov. T. 1. Osnovnye sobytiya voyny* [The Great Patriotic War of 1941–1945. Vol. 1. Key Events of the War]. Moscow, 2011. 848 p.

4. Bunin S.V., Martsenyuk Yu.A., Berkutov A.S., Klimov A.A., Chentsov A.S. *Voyska NKVD v Velikoy Otechestvennoy voyne. Voенно-istoricheskii trud. T. I. Voyska NKVD nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny (1939–1941)* [NKVD Troops in the Great Patriotic War. Military Historical Work. Vol. 1. NKVD Troops on the Eve of the Great Patriotic War (1939–1941)]. Moscow, 2015. 280 p.

5. Bunin S.V., Martsenyuk Yu.A., Berkutov A.S., Klimov A.A., Chentsov A.S. *Voyska NKVD v Velikoy Otechestvennoy voyne. Voенно-istoricheskii trud. T. II. Voyska NKVD v pervyy i vtoroy periody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1943)* [NKVD Troops in the Great Patriotic War. Military Historical Work. Vol. 2. NKVD Troops During the 1st and 2nd Phases of the Great Patriotic War (1941–1943)]. Moscow, 2015. 328 p.

6. *Neizvestnye stranitsy istorii voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii* [Unknown Pages of the History of the National Guard Forces Command of the Russian Federation]. Moscow, 2017. Iss. 1. 168 p.

7. *Neizvestnye stranitsy istorii voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii* [Unknown Pages of the History of the National Guard Forces Command of the Russian Federation]. Moscow, 2018. Iss. 3. 106 p.

8. *Neizvestnye stranitsy istorii voysk natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii* [Unknown Pages of the History of the National Guard Forces Command of the Russian Federation]. Moscow, 2019. Iss. 5. 192 p.

9. Novikov V. Gvardeyskiy korabl' "moskitnogo flota" [Guard Ship of the Mosquito Fleet]. *Armeyskiy sbornik*, 2022, no. 4, pp. 50–57.

10. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voyne. T. V, kn. 1. Vpered na zapad (1 yanvarya – 30 iyunya 1944 goda)* [State Security Apparatus of the USSR in the Great Patriotic War. Vol. 5, book 1. Moving Westward (1 January – 30 June 1944)]. Moscow, 2007. 728 p.

11. Zolotov V.V. (ed.). *Ot vnutrenney strazhi Rossiyskoy imperii k voyskam natsional'noy gvardii Rossiyskoy Federatsii* [From the Internal Guards of the Russian Empire to the National Guard Forces Command of the Russian Federation]. Moscow, 2019. 160 p.

12. Zolotarev V.A. (ed.). *Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 13(2-2). Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR 22 iyunya 1941 g. – 1942 g.* [Russian Archives: Great Patriotic War. Vol. 13 (2-2). Orders of the People's Commissar for Defence of the USSR, 22 June 1941–1942]. Moscow, 1997. 448 p.

13. Zolotarev V.A. (ed.). *Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 13(2-3). Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR 1943–1945 gg.* [Russian Archives: Great Patriotic War. Vol. 13 (2-3). Orders of the People's Commissar for Defence of the USSR, 1943–1945]. Moscow, 1997. 456 p.

14. Beloborodov A.P. (ed.). *Voенnye kadry Sovetskogo gosudarstva v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Soviet Military Personnel During the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, 1963. 624 p.

15. Zhilin V.A. *Organizatsionnoe stroitel'stvo Vooruzhennykh Sil: istoriya i sovremennost'* [Institution-Building of the Armed Forces: History and Modernity]. Moscow, 2002. 584 p.

16. *Pogranichnye voyska v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945* [Border Troops During the Great Patriotic War. 1941–1945]. Moscow, 1968. 708 p.

17. Kokurin A.I., Petrov N.B. (comps.). *Lubyanka: Bodies of VChK–OGPU–NKVD–NKGB–MGB–MVD–KGB. 1917–1991*. Moscow, 2003. 768 p. (in Russ.).

18. Shunyakov D.V. Nagrody udostoeny... Statisticheskie dannye po nagrazhdeniyu sovetskimi ordenami i medalyami v gody Vtoroy mirovoy voyny [The Award Goes to... Statistics on Awarding Soviet Orders and Medals in the Second World War]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 2021, no. 5, pp. 46–50.

19. Shunyakov D.V. Material Bonuses for Combat and Service Activities of Fighters and Commanders of the Red Army (1918–1946). *Ekonomicheskaya istoriya*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 38–46 (in Russ.). <https://doi.org/10.15507/2409-630X.060.019.202301.038-046>

20. Lagodskiy S.A., Rzhevtsev Yu.P. *Stalingrad: podvig soldat pravoporyadka* [Stalingrad: A Feat of Law Enforcement Soldiers]. Moscow, 2013. 487 p.

Информация об авторе

Д.В. Шуняков – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела архивного хранения Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19).

Information about the author

Dmitriy V. Shunyakov, Cand. Sci. (Hist.), Deputy Head of the Archives Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (address: ul. Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russia).

Поступила в редакцию 26.10.2023

Одобрена после рецензирования 29.03.2024

Принята к публикации 02.04.2024

Submitted 26 October 2023

Approved after reviewing 29 March 2024

Accepted for publication 2 April 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 38–48.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 38–48.

Научная статья

УДК 81'373.423:811.112.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V346

Омонимия частиц в немецком языке

Анна Викторовна Аверина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

e-mail: anna.averina@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3117-6362>

Аннотация. Целью настоящей работы является систематическое описание омонимичных частиц немецкого языка. Обращение к данному вопросу обусловлено потребностью в раскрытии условий, при которых указанное описание становится возможным. Рассмотрена специфика каждого класса частиц. Посредством использования методов контекстуального и компонентного анализа, а также описательного метода показано, в каких случаях частицы *ja*, *doch*, *bloß*, *nur*, *eben* и *schon* способны проявлять омонимичные свойства. В соответствии с особенностями, характерными для каждого разряда, представлено описание случаев применения частиц в соответствующей роли. На основе анализа фактического материала, взятого из немецких корпусов DWDS и DECOW 16A, предложены следующие критерии выявления омонимичных частиц: функции; позиция в структуре предложения; скопус, или сфера действия; ударность/безударность. Модальные частицы представлены как каузальные коннекторы, способные устанавливать логические связи между предложениями и одновременно участвовать в передаче установки говорящего; контрастные (ударные) частицы являются маркерами контрадикторного, или комплементарного, контраста; фокусные и усилительные частицы относятся к одному слову в предложении – и их интерпретация возможна на уровне словосочетания. Модальные и контрастные частицы предлагается рассматривать как грамматикализованные единицы; частицы, участвующие в организации разговора, выступают в функции прагматикализованных элементов; значение фокусных и усилительных частиц может быть интерпретировано в узком контексте, поскольку их семантика не полностью утрачена. Работа вносит вклад в описание омонимии частиц немецкого языка. Полученные результаты могут быть использованы на практических занятиях по немецкому языку на старших курсах языковых вузов и в курсе теоретической грамматики немецкого языка.
Ключевые слова: немецкий язык, омонимия частиц, модальные частицы, фокусные частицы, ударные частицы

Для цитирования: Аверина, А. В. Омонимия частиц в немецком языке / А. В. Аверина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 38-48. – DOI 10.37482/2687-1505-V346.

Original article

Particle Homonymy in the German Language

Anna V. Averina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

e-mail: anna.averina@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3117-6362>

Abstract. The purpose of this article is a systematic description of homonymous particles of the German language. The author turned to this issue since there is a need to reveal the conditions under which the particles *ja*, *doch*, *bloß*, *nur*, *eben* and *schon* can exhibit homonymous properties. Contextual and component analysis as well as the descriptive method are used in the study. The specific features of each class of particles are studied, in accordance with which, cases of the use of particles in the appropriate role are described. Based on the analysis of factual material from the DWDS и DECOW 16A corpora, the following criteria for identifying homonymous particles are proposed: functions; position in the sentence structure; scope of application; presence/absence of stress. Modal particles are represented as causal connectors capable of establishing logical connections between sentences and simultaneously conveying the speaker's attitude; contrastive (stressed) particles are markers of contradictory or complementary contrast; focus and intensifying particles are associated with one word in a sentence and can be interpreted at the level of the phrase. It is suggested to consider modal and contrastive particles as grammaticalized units; discursive particles act as pragmatized elements; the meaning of focus and intensifying particles can be interpreted in a narrow context since they retain some of their semantics. The paper makes a contribution to the description of German particle homonymy. The results obtained can be used in practical German classes during senior years at language universities and in the course of theoretical grammar of the German language.

Keywords: *German language, particle homonymy, modal particles, focus particles, stressed particles*

For citation: Averina A.V. Particle Homonymy in the German Language. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 38–48. DOI: 10.37482/2687-1505-V346

Введение. Немецкий язык располагает богатым набором частиц, которые отличаются друг от друга по целому ряду критериев, способны выполнять разные функции и присутствовать в различных типах высказываний. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые частицы проявляют свойство омонимии, т. е. могут быть фокусными, модальными или дискурсивными, например:

(1) *Einer musste es ja machen*¹;

(2) *Ich habe Angst vor Menschen und das ist ein Fehler und Warum? Ja weil es sie nunmal überall auf der Welt gibt, ob schwarz, klein, dick, dünn aber Menschen*².

Частица *ja* в (1) использована в качестве модальной, в (2) выполняет функцию дискурсивной, служащей для усиления интенции говорящего.

В связи с этим в тщательном рассмотрении нуждается ряд вопросов: для каких частиц не-

¹Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 02.10.2023).

²DECOW 16A. URL: <https://www.webcorpora.org/> (дата обращения: 02.10.2023).

мецкого языка это характерно; по каким параметрам они относятся к соответствующему классу; каким образом можно их охарактеризовать с позиции грамматикализации/прагматикализации. Решение этих вопросов позволит выявить частицы, обладающие омонимическими свойствами, а также будет способствовать описанию соответствующих для проявления омонимии условий. Этим и определяется актуальность настоящей публикации.

Цель статьи – представить систематическое описание омонимичных частиц немецкого языка. Из цели проистекают следующие задачи: 1) проанализировать специфические особенности различных классов частиц и их функциональное назначение; 2) определить, какие частицы немецкого языка способны проявлять омонимичные свойства; 3) дать описание омонимичных частиц.

В теоретическом отношении работа вносит определенный вклад в изучение омонимии частиц немецкого языка. Практическая значимость определяется тем, что полученные результаты могут быть использованы на практических занятиях по немецкому языку на старших курсах языковых вузов, а также в курсе теоретической грамматики немецкого языка.

Теоретической базой послужили труды М. Турмэр [1], Й. Майбауэра [2], Х.-В. Эромса [3], В. Абрахама [4, 5], Г. Хельбига и Й. Буша [6] и Э. Хенчель и Х. Вайдта [7] и др. В работе М. Турмэр получает подробное освещение семантика предложений с частицами [1]; в исследовании Й. Майбауэра описаны ситуации, в которых могут быть использованы ударные частицы [2]; в монографии В. Абрахама большое внимание уделяется синтаксису частиц [4]. Омонимия частиц раскрывается в грамматике Г. Хельбига и Й. Буша [6]. Автор настоящей статьи учитывает дифференциацию частиц, предложенную в грамматике «Duden» [8]. Вопросы, связанные с синтаксическими свойствами частиц, их ударностью и омонимией, представлены в некоторых публикациях автора [9, 10]. При оценке степени грамматикализации частиц автор опирается на критерии, выдвинутые К. Леманном [11].

Материалы и методы. В качестве материалов исследования использованы примеры, отобранные из корпусов DWDS и DECOW 16A. Корпус DWDS включает в себя различные подкорпуса, для отбора фактического материала был избран подкорпус, содержащий тексты политических выступлений, а также газетные тексты. Корпус DECOW 16A содержит 777 685 885 предложений (17 116 160 документов), отобранных с немецкоязычных сайтов и представляющих как сообщения с форумов, так и различного рода онлайн-сообщения. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров с частицами *ja, doch, bloß, nur, eben, schon* и *etwa*, проявляющими свойство омонимии. Для определения принадлежности частицы к соответствующему разряду применялись следующие методы: метод контекстуального анализа, позволивший описать семантику предложения с соответствующей частицей; метод компонентного анализа, посредством которого высказывания с одной и той же частицей были разделены на соответствующие группы в зависимости от реализуемых ею функций; описательный метод, использованный для интерпретации и систематизации отобранного фактического материала.

Результаты

Виды частиц в немецком языке. В грамматиках немецкого языка частицы рассматриваются в узком и широком смысле слова. Частицы в широком смысле – это неизменяемые слова. К этому классу слов могут быть отнесены предлоги, союзы, модальные слова, собственно частицы [12]. Частицы в узком смысле – это слова, обладающие следующими свойствами: 1) они не могут служить ответом на вопрос; 2) к ним нельзя задать вопрос; 3) они не могут быть отрицаемы (см. аналогичное описание: [6, 7]).

Внутри класса частиц выделяют соответствующие разряды. Так, например, в грамматике «Duden» описаны усилительные (Intensitätspartikeln), фокусные (Fokuspartikeln), отрицательные (Negationspartikeln), модальные (Modalpartikeln) и разговорные (Gesprächspartikeln)

частицы [8]. Усилительные частицы – это слова типа *sehr* или *überaus*, занимающие позицию перед прилагательным/наречием и выполняющие функцию интенсификатора. Скопус, или сфера действия, усилительных частиц распространяется только на то слово, перед которым они находятся, например:

(3) *Und der kleine Mensch kann zusehen, wie sich um ihn her die Götter streiten und ihren überaus irdischen Geschäften nachgehen*³.

В (3) частица *überaus* относится к прилагательному *irdischen*, значение частицы может быть интерпретировано и вне контекста.

Фокусные частицы занимают позицию перед компонентом предложения, который должен получить в высказывании наибольшее выделение: *sie markieren den Teil des Satzes mit dem größten Mitteilungswert* [8, S. 589], т. е. является значимым в коммуникативном отношении и представляет собой релативный компонент предложения. Это можно проследить на следующем примере:

(4) *Nur bei dem Thema Tierwohlabgabe, die Sie ja unterstützen, hat er Nein gesagt*⁴.

Фокусная частица *nur* в (4) относится к предложному дополнению *Thema Tierwohlabgabe*.

Модальные частицы относятся ко всему предложению, всегда безударны и занимают позицию в среднем поле предложения. Особое внимание В. Абрахам обращает на то, что модальные частицы занимают позицию именно в верхней части среднего поля, следуя за местоимениями [4, 5]:

(5) *Wir müssen ihn wohl ein wenig beobachten*⁵.

Модальная частица *wohl* в (5) занимает позицию после местоимения, смещение частицы в правую часть после *ein wenig* вряд ли допустимо. По наблюдениям автора настоящей статьи, модальные частицы выступают как коннекторы,

служащие для создания каузальных отношений на уровне микротекста. Это можно проследить на примере следующих высказываний:

(6) *Wir stellen heute aber auch fest: Dem Justizministerium dürfte es reichen mit den öffentlichen Auftritten, es ist heute hier im Parlament gar nicht vertreten, und Bundeskanzler Kurz, der doch irgendwie auch die Verantwortung für die gesamte Bundesregierung, also für jeden einzelnen Minister, auch für den Innenminister, trägt, schweigt. (Abg. Rosenkranz: Dann müssen Sie halt den Kanzler fragen!)*⁶;

(7) *Ich wünsche mir deshalb, dass die AWO auch in Zukunft ein Kristallisationspunkt für bürgerschaftliches Engagement bleibt. Wir erleben heute ja immer wieder Wellen der spontanen Hilfsbereitschaft, gerade auch in der jüngeren Generation*⁷.

В (6) на уровне микротекста переданы причинно-следственные отношения: высказывание с *halt* можно рассматривать как консеквент, или следствие, предшествующее предложение – как антецедент, или причину. Аналогичная ситуация прослеживается и в случае с употреблением частицы *ja* в (7): предложение с частицей является консеквентом, предшествующее – антецедентом.

В лингвистической литературе есть мнение, что модальные частицы могут быть ударными [1, 2]. Автор придерживается концепции В. Абрахама, согласно которой ударные частицы *ja, doch, wohl, eh, schon, denn* образуют отдельный класс. В. Абрахам относит их к дискурсивным (см. подробнее: [4, 5]). По всей видимости, выделить ударные частицы в отдельную группу целесообразно. Их функциональное назначение совсем иное, чем у модальных частиц, – они служат для выражения контраста (о контрасте, передаваемом ударными

³DWDS.

⁴Ibid.

⁵Ibid.

⁶Ibid.

⁷Ibid.

ми частицами, см.: [2]). Контраст можно рассматривать как коммуникативную категорию, имеющую два варианта проявления – контрадикторный и комплементарный контрасты. Контрадикторный появляется в случае, если говорящий утверждает истинность собственного высказывания и отрицает иную позицию, т. е. позицию собеседника, например:

(8) „Den Himmel wenigstens können sie nicht zerteilen“, sagte Manfred spöttisch. – Den Himmel? Dieses ganze Gewölbe von Hoffnung und Sehnsucht, von Liebe und Trauer? „**Doch**“, sagte sie leise. „Der Himmel teilt sich zuallererst“⁸.

В (8) использована ударная частица *doch*, чтобы выразить позицию, противоположную той, которая была сформулирована ранее партнером по коммуникации.

Комплементарный контраст предполагает наличие нескольких альтернатив, когда выбирается одна из них и подчеркивается важность ее реализации, например:

(9) *Ich vermute, dass er absichtlich nicht so bequem geschreinert und gepolstert wurde, damit ja niemand in Versuchung geraten könnte, länger als ein Jahr darauf sitzen zu wollen*⁹.

Говорящий в (9) указывает на то, что намеренное действие третьих лиц обусловлено их особой интенцией – создать условия, при которых использование той же мебели через год станет невозможным. Ударная частица *ja* подчеркивает при этом истинность позиции собеседника. Комплементарный контраст находит свою реализацию и в высказываниях с ударными частицами *eh* и *schon*:

(10) *Gehen Sie zu Ihrem Klubobmann Bucher, der sitzt in der Präsidiale, der soll dort Kritik üben, wenn es Kritik zu üben gibt!* (Abg. Ing. Westenthaler:

Werden wir eh machen!) *Zugleich werden wir aber auch einmal Sie zum Gegenstand in der Präsidiale machen* (Abg. Ing. Westenthaler: *Der fürchtet sich eh schon!*) *und die Art und Weise behandeln, wie Sie hier mit einzelnen Abgeordneten umgehen.* (Abg. Ing. Westenthaler: *Wir fürchten uns eh schon!*)¹⁰;

(11) *Der Traditionserlass besagt ganz deutlich, dass die Wehrmacht kein Vorbild sein kann – Angehörige der Wehrmacht, die Widerstand geleistet haben, jedoch schon*¹¹.

В (10) использована ударная частица *eh*, с целью показать, что предлагаемые собеседником действия излишни. В (11) говорящий противопоставляет две разные категории людей, одна из которых заслуживает уважения, и это подчеркивает ударная частица *schon*.

В особую группу можно выделить разговорные (о Gesprächspartikeln см.: [8]), или дискурсивные, частицы, участвующие в организации коммуникативного процесса и служащие для усиления интенции говорящего либо маркирующие начало новой микротемы. Речь идет о частицах типа *na ja*, *tja*, *nun*, например:

(12) *Na ja, ein so großes Haus hatte ich noch nie in meinem Leben*¹²;

(13) *Nun, da die Tiere höchstens noch in wenigen traditionsbewussten Feinschmeckerlokalen auf dem Tisch landen, wendet der Mensch sich angeekelt von ihnen ab*¹³;

(14) *Warum? Ja weil mein Bauch mir sagt wie es richtig ist und wie nicht*¹⁴.

В (12) – (14) в инициальной позиции предложения использованы дискурсивные частицы *na ja*, *nun*, *ja*, служащие для маркировки перехода к новой теме, в (14) дискурсивная частица *ja* служит для усиления интенции говорящего.

⁸DWDS.

⁹Ibid.

¹⁰Ibid.

¹¹Ibid.

¹²DECOW 16A.

¹³Ibid.

¹⁴Ibid.

Таким образом, анализ теоретического и фактического материала показывает, что класс частиц в немецком языке разнороден, каждый из них обладает своими свойствами. В целом можно говорить о существовании следующих рядов частиц:

- модальные (Modalpartikeln);
- частицы контраста, или ударные (Betonte Partikeln);
- усилительные (Intensitätspartikeln);
- фокусные (Fokuspartikeln);
- участвующие в организации разговора (Gesprächspartikeln).

Модальные и ударные частицы в одной из публикаций автора трактуются как грамматические показатели, поскольку отвечают всем параметрам грамматикализации (о параметрах грамматикализации см.: [11]): они не могут быть взаимозаменяемы; их вес редуцирован (они являются односложными); они занимают в предложении фиксированную позицию [9, 10]. Частицы, участвующие в организации разговора (Gesprächspartikeln), являются прагматизированными элементами [10], поскольку их можно опустить без ущерба для грамматической целостности высказывания [13]. Фокусные и усилительные частицы не лишены лексического значения и могут быть интерпретированы вне контекста.

Существует потребность в комплексном описании омонимичных частиц немецкого языка. Большой вклад в разработку данного вопроса внесли Г. Хельбиг и Й. Буша. Справедливо их замечание, что для разграничения омонимов следует учитывать тип предложения и тип речевого действия [6, с. 427]. Анализ фактического материала показывает, что помимо названных критериев существуют и другие. Остановимся на этом подробнее.

Омонимия частиц в немецком языке. Рассмотрим одну из самых употребительных частиц немецкого языка – *ja*. Она известна как

модальная частица, занимающая позицию в верхней части среднего поля предложения [4] и служащая для передачи каузальных отношений, кодируемых на уровне микротекста, например:

(15) *Lassen Sie uns mutig vorangehen auf unserem Weg aus dieser Krise! Die Gegner unserer Vorstellung von „Europe United“ sind ja nicht verschwunden*¹⁵.

Частица *ja* в (15) занимает позицию в среднем поле предложения. В данном случае она является безударной и не может быть смещена в правую часть среднего поля, поэтому речь здесь идет о модальной частице. По наблюдениям автора представленной статьи, высказывания с модальной частицей *ja* участвуют в передаче одного из типов логических умозаключений, в частности *modus ponens*, которое может быть представлено следующим образом:

A→B (сложная посылка): *Wenn die Gegner nicht verschwunden sind, muss man mutig vorangehen.*

A: *Die Gegner sind nicht verschwunden.*

B (вывод): *Wir müssen mutig vorangehen.*

Предложение с частицей *ja* служит обоснованием предшествующего высказывания.

Частица *ja* может быть использована в роли усилительной частицы, например:

(16) *Das war damals weit mehr als er erwartet hatte und zum ersten Mal kam Unsicherheit, ja sogar Angst auf*¹⁶.

В (16) частица *ja* употреблена перед именем существительным *Angst*, которое является дополнением и по силе своей выразительности превосходит *Unsicherheit*. Функция частицы заключается в выделении значимой в коммуникативном отношении информации и в структурировании высказывания таким образом, чтобы последующая часть стала сильнее по своей выразительной силе, чем предшествующая.

Ударная частица *ja* используется, как правило, в следующих типах высказываний: в повествовательных предложениях после модаль-

¹⁵DWDS.

¹⁶DECOW 16A.

ных глаголов со значением долженствования, в вопросительных предложениях без вопросительного слова после модальной частицы *auch*, а также в вопросительных предложениях с вопросительным словом и в побудительных высказываниях, например:

(17) *Die Hersteller passen schon auf, dass sie in den Weiterentwicklungen immer noch genug Neuerungen einbauen können. Du sollst ja bald ein neues Teil kaufen!*¹⁷;

(18) *Warum kommt nicht auch mal der Mann in den „Genuss“ täglich eine Pille zu schlucken und sie natürlich auch ja nicht zu vergessen?*¹⁸

(19) *Oder soll ich etwa da drin kämpfen damit sie auch ja da sind ??*¹⁹

(20) *Komm ja bald wieder zurück!!*²⁰

В приведенных высказываниях ударная частица *ja* служит для маркировки комплементарного контраста – подчеркивается важность выбора одной из альтернатив.

Частица *ja* может участвовать в структурировании разговора (Gesprächspartikeln). В этом случае она занимает позицию в начале предложения и ее функция заключается в усилении интенции говорящего, например:

(21) *Ja weil doch die Welt aus ihrer Sicht in Ordnung zu sein schien!*²¹

Таким образом, частица *ja* имеет омонимичные варианты и может быть модальной, контрастной, усилительной и разговорной.

Рассмотрим омонимы частицы *doch*. Как модальная частица она служит для того, чтобы подчеркнуть, что содержащее ее предложение находится в определенном противоречии с предыдущим:

(22) *Wieso ohne Abschied? Wieso einfach weg ohne eine Vorahnung? Wieso musstest du uns verlassen? Wir brauchen dich doch...*²²

Как и в случае с частицей *ja*, в высказывании с *doch* кодированы каузальные отношения, также выстроенные по логической схеме *modus ponens*, – их можно было бы представить следующим образом:

A→B: *Wenn wir dich brauchen, musstest du uns nicht verlassen.*

A: *Wir brauchen dich.*

B: *Du musstest uns nicht verlassen.*

Иное функциональное назначение имеет ударная частица *doch*. Она служит для передачи контрадикторного контраста, когда говорящий признает свою позицию истинной, а мнение собеседника – ложным. Это значение находит реализацию при употреблении ударной частицы *doch* в различных типах предложений, сравним:

(23) *Dann soll er das doch tun!*²³

(24) *Wenn ein Frosch das sieht, ist er doch gleich beleidigt!*²⁴

(25) *Nein, sie hat ein offenes Gesicht und ist sehr freundlich. Ob sie sich so verstellen kann? Unmöglich, das würde er spüren. Ist sie doch eine Schlange?*²⁵

В приведенных высказываниях частица *doch* является ударной и служит для того, чтобы показать контраст между двумя пропозициями. В (23) говорящий указывает на то, что действие обязательно должно быть реализовано: по форме это повествовательное предложение, по содержанию – побудительное; в (24) одна ситуация противопоставлена другой;

¹⁷DECOW 16A.

¹⁸Ibid.

¹⁹Ibid.

²⁰Ibid.

²¹DWDS.

²²DECOW 16A.

²³Ibid.

²⁴Ibid.

²⁵Ibid.

в вопросительном предложении (25) ударная частица служит для того, чтобы показать несогласие говорящего с общепринятой позицией.

Омонимичные варианты существуют и для частиц *nur* и *bloß*. Они могут выступать в роли фокусных, имея отношение только к одному из членов предложения:

(26) *Er arbeitet **bloß** an dem Wohlergehen seiner Untertanen, aber denselben mangelt größtenteils das Notwendigste*²⁶;

(27) *Die Rechnung geht **nur** scheinbar auf*²⁷.

В (26) частица *bloß* относится к предложному дополнению *Wohlergehen seiner Untertanen* и служит для фокусировки, или выделения, значимой информации. В (27) частица *nur* относится к наречию *scheinbar*.

Частицы *bloß* и *nur* имеют омонимичные варианты и в ряду ударных частиц, занимая, как правило, позицию в побудительном предложении, например:

(28) *Mit anderen Worten: Pass **bloß** auf, das ER dich nicht erwischt*²⁸;

(29) *Bitte mach **nur** weiter, wenn du dir sicher bist, was du tust*²⁹.

В приведенных высказываниях ударные частицы *bloß* и *nur* служат для усиления интенции говорящего.

Омонимичный вариант встречается и в ряду модальных частиц – как правило, речь идет о вопросительных предложениях с вопросительным словом, например:

(30) *Bald ist weihnachten und ich habe am diensttag vokabeltest wie kann man das **nur** tun*³⁰

(31) *Wie zum Teufel funktioniert das **nur***³¹

(32) *Der Kassierer sieht die Frau an, lächelt und sagt: „Single, hä?“ Die Frau lächelt schüchtern zurück und fragt: „Wie haben Sie das **bloß** rausgefunden?“*³²

(33) *Aber was ist das **bloß***³³

В этих фразах модальные частицы *bloß* и *nur* призваны показать, что говорящий не знает решения вопроса и желает получить на него ответ.

Омонимичные варианты есть и для частицы *eben*. Она способна выступать в роли фокусной, имея отношение только к одному члену предложения, например:

(34) *Aber ich glaube, er hat **eben** hier im FC Bayern eine Bastion, die total stabil zu ihm steht*³⁴.

Фокусная частица *eben* в (34) относится к наречию *hier* и выделяет именно этот компонент высказывания. В качестве модальной она относится не только ко всему предложению, в котором употреблена, но и к предыдущему высказыванию, в результате чего между предложениями возникают каузальные отношения:

(35) *Aber oft sind bei den Migranten die Familiensysteme noch stabiler. Da achten **eben** auch die Großmütter und Tanten eher auf das Wohl des kleinen Kindes*³⁵.

В (35) в предложении с частицей *eben* содержится указание на причину описываемого в предыдущем высказывании положения дел.

В предложениях с ударной частицей *eben* утверждается истинность пропозиции, содержащейся в предыдущем высказывании. Как правило, в данном случае *eben* выступает в комбинации с частицами *na* или *ja*, например:

²⁶DECOW 16A.

²⁷Ibid.

²⁸Ibid.

²⁹Ibid.

³⁰Ibid.

³¹Ibid.

³²Ibid.

³³Ibid.

³⁴DWDS.

³⁵DECOW 16A.

(36) *Jetzt aber kommen wir auf einmal in die Situation, dass die kleinste Fraktion mit sieben Abgeordneten davon abweicht. Denen haben wir übrigens noch geholfen, dass sie überhaupt in den Ausschüssen sitzen. (Abg. Wurm: Ja eben, war eh ein Fehler!)³⁶;*

(37) *Was den heutigen Misstrauensantrag gegen Innenminister Kickl betrifft (Abg. Steger: Also Sie würden alle Gesetze...!), so wissen wir ganz genau, dass die Abgeordneten der FPÖ ihrem Innenminister aus parteipolitischer Raison die Mauer machen werden, ganz klar. (Abg. Rosenkranz: Aus Überzeugung! – Weitere Zwischenrufe bei der FPÖ.) Ich frage mich aber ernsthaft. (Abg. Rosenkranz: Aus Überzeugung!) – Auch aus Überzeugung, Herr Rosenkranz, ich zweifle auch daran nicht. (Abg. Rosenkranz: Na eben!)³⁷.*

В (36) говорящий использует ударную частицу *eben* для подтверждения истинности слов собеседника. Аналогичная ситуация представлена и в (37). Использование ударной частицы *eben* позволяет исключить другую позицию или иное мнение.

Частица *schon* может выступать в роли модальной, в данном случае ее функциональное назначение зависит от типа предложения, в котором она имеет место быть, а также от временной семантики, передаваемой в высказывании. Употребление модальной частицы *schon* в повествовательном предложении способствует оформлению уступительных отношений (о семантике уступки см.: [1]), например:

(38) *Das kann ich schon nachvollziehen, aber versetzt euch doch bitte mal in die Lage der Personen, die die Hallen vermieten³⁸.*

В повествовательных предложениях с формой *Futur I* эта частица позволяет передать, что говорящий хочет успокоить собеседника, а предложения такого рода содержат указание на благополучный исход ситуации, сравним:

(39) *Das wird schon passieren, wenn ich lang genug lebe!³⁹*

(40) *Aber das wird schon seine Richtigkeit haben⁴⁰.*

В вопросительных предложениях с вопросительным словом и модальной частицей *schon* не запрашивается какая-либо информация (речь идет о риторических вопросах) – говорящий ожидает обратного:

(41) *Einige hundert tote Häftlinge. Aber wen interessiert das schon?⁴¹*

(42) *Was ist das schon Besonderes?⁴²*

Ударная частица *schon* служит для выражения контраста – одна часть высказывания противопоставлена другой, т. е. передаются адверзативные отношения, например:

(43) *Komischerweise wird bei der bekannten Gefahr keine 100 % – Prävention gefordert, bei der unbekanntem dagegen schon⁴³.*

Омонимичными свойствами обладает и частица *etwa*. Она может выступать в роли фокусной, выделяя и подчеркивая наиболее значимый компонент предложения:

(44) *An den beliebten Ecken, etwa am Neuen Pferdemarkt, kommen bei gutem Wetter viele Hunderte Menschen zusammen⁴⁴.*

В разряде модальных частиц существует омонимичный вариант частицы *etwa*: как правило, она употребляется в вопросительных предложениях без вопросительного слова и

³⁶DWDS.

³⁷Ibid.

³⁸DECOW 16A.

³⁹Ibid.

⁴⁰Ibid.

⁴¹Ibid.

⁴²Ibid.

⁴³Ibid.

⁴⁴DWDS.

служит своего рода сигналом, что говорящий ожидает отрицательного ответа (см. также наблюдения М. Турмэр: [1]), например:

(45) *Sind Sie etwa enttäuscht, dass ihre Kinder so selbständig sind?*⁴⁵

Таким образом, как показывает анализ фактического материала, частицы немецкого языка проявляют свойство омонимии. По форме самой частицы нельзя определить ее принадлежность к соответствующему классу. К предлагаемому в грамматике Г. Хельбига и Й. Буша [6] критериям выделения омонимичных частиц – типу предложения и типу речевого действия – можно добавить следующие параметры: функции частицы в высказывании; позиция в структуре предложения; скопус, или сфера действия (распространяется ли она на целое предложение или на одно слово); ударность/безударность; степень грамматикализованности. Омонимия свойственна таким частицам немецкого языка, как *ja, doch, bloß, nur, eben, etwa* и *schon*.

Выводы

1. Представляется целесообразным выделить в немецком языке модальные частицы, частицы контраста, или ударные; усилительные; фокусные, а также частицы, участвующие в организации разговора. Автор публикации придерживается позиции, согласно которой ударные частицы, представляющие класс контрастных, не относятся к модальным. Основанием такой дифференциации служат их различные функции и синтаксические свойства.

2. Частицы *ja, doch, bloß, nur, eben, etwa* и *schon* способны проявлять омонимичные свойства. Критерии разграничения омонимичных частиц сводятся к следующим: функции частицы в высказывании; позиция в структуре предложения; скопус, или сфера действия; ударность/безударность, а также степень грамматикализации (в случае с ударными и модальными частицами она проявляется в большей степени).

Список литературы

1. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.
2. *Meibauer J.* Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung: Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1994. 252 S.
3. *Eroms H.-W.* Syntax der deutschen Sprache. Berlin: Walter de Gruyter, 2000. 510 S.
4. *Abraham W.* Deutsche Syntax im Sprachenvergleich: Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2013. 707 S.
5. *Abraham W.* Deutsche Modalpartikel in Nichthauptsatz- und Infinitkonstruktionen // Stud. Germanistica Gedanensia. 2019. № 41. S. 17–36. <https://doi.org/10.26881/sgg.2019.41.01>
6. *Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin: Langenscheidt, 2001. 654 S.
7. *Hentschel E., Weydt H.* Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin: Walter de Gruyter, 1994. 452 S.
8. Duden: Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch. Mannheim: Dudenverlag, 2009. 1349 S.
9. *Аверина А.В.* Частицы в немецком языке: моногр. М.: МГОУ, 2022. 142 с.
10. *Аверина А.В.* Принципы организации системы частей речи и их интерпретация с позиции внутренней перспективы (на материале немецкого и русского языков) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2023. № 1. Ст. № 10. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1213>
11. *Lehmann C.* Thoughts on Grammaticalization. Erfurt: Seminar für Sprachwissenschaft der Universität, 2002. 183 S.
12. *Engel U.* Gaudium in scientia linguarum: Ausgewählte Schriften. Dresden: Neisse Verlag, 2006. 372 S.
13. *Mroczynski R.* Grammatikalisierung und Pragmatikalisierung: Zur Herausbildung der Diskursmarker *wobei, weil* und *ja* in gesprochenen Deutsch. Tübingen: Narr Verlag, 2012. 254 S.

⁴⁵DWDS.

References

1. Thurmair M. *Modalpartikeln und ihre Kombinationen*. Tübingen, 1989. 314 p.
2. Meibauer J. *Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung: Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln*. Tübingen, 1994. 252 p.
3. Eroms H.-W. *Syntax der deutschen Sprache*. Berlin, 2000. 510 p.
4. Abraham W. *Deutsche Syntax im Sprachenvergleich: Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen*. Tübingen, 2013. 707 p.
5. Abraham W. Deutsche Modalpartikel in Nichthauptsatz- und Infinitkonstruktionen. *Stud. Germanica Gedanensia*, 2019, no. 41, pp. 17–36. <https://doi.org/10.26881/sgg.2019.41.01>
6. Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Berlin, 2001. 654 p.
7. Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin, 1994. 452 p.
8. *Duden: Die Grammatik: Unentbehrlich für richtiges Deutsch*. Mannheim, 2009. 1349 p.
9. Averina A.V. *Chastitsy v nemetskom yazyke* [Particles in the German Language]. Moscow, 2022. 142 p.
10. Averina A.V. Principles of the Organization of the System of Parts of Speech and Their Interpretation from an Internal Perspective (Based on the Material of German and Russian). *Bull. Moscow Region State Univ.*, 2023, no. 1. Art. no. 10 (in Russ.). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1213>
11. Lehmann C. *Thoughts on Grammaticalization*. Erfurt, 2002. 183 p.
12. Engel U. *Gaudium in scientia linguarum: Ausgewählte Schriften*. Dresden, 2006. 372 p.
13. Mroczynski R. *Grammatikalisierung und Pragmatikalisierung: Zur Herausbildung der Diskursmarker wobei, weil und ja in gesprochenen Deutsch*. Tübingen, 2012. 254 p.

Информация об авторе

А.В. Аверина – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка Московского государственного лингвистического университета (адрес: 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1).

Information about the author

Anna V. Averina, Dr. Sci. (Philol.), Prof., Prof at the Department of German Grammar and History, Moscow State Linguistic University (address: ul. Ostozhenka 38, str. 1, Moscow, 119034, Russia).

Поступила в редакцию 13.12.2023
Одобрена после рецензирования 25.03.2024
Принята к публикации 29.03.2024

Submitted 13 December 2023
Approved after reviewing 25 March 2024
Accepted for publication 29 March 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 49–58.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 49–58.

Научная статья
УДК 81'44+81'25
DOI: 10.37482/2687-1505-V347

Прагматический потенциал прозвищ в произведениях Юй Хуа

Ван Цяньцян

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

e-mail: qianwang0529@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3350-1616>

Аннотация. Настоящая статья нацелена на определение комплекса прагматических, эмоциональных и ценностных значений прозвищ, позволяющих писателю воздействовать на читателя. Исследование выполнено на материале оригинальных текстов и русскоязычного перевода трех произведений китайского прозаика Юй Хуа – «Братья», «Жить», «Как Сюй Саньгуань кровь продавал». Проанализировано 25 фрагментов, определена специфика прозвищ главных героев в аспекте выполняемой ими прагматической функции. Показано, что процесс интеграции ↔ разделения, извлечения ↔ наполнения (правила употребления языковых единиц постоянно обновляются и меняются) уникальных языковых явлений – прозвищ – по своей сути прагматический. В тексте представлена авторская концепция прозвища, отмечены отличия прозвищ от общих наименований (социальных, родственных), подчеркнута важная роль практического значения прозвищ (распространение, общение, символическая фигура, культурные особенности) в прозе. Новизна исследования заключается в раскрытии прагматической функциональности прозвищ в разных контекстуальных окружениях, что обнаруживает степень продуктивности прозвищ и их творческого потенциала, подчеркивает тесную связь прозвищ с особенностями времени и наследием традиционной культуры, показывает роль прозвищ в достижении баланса в групповой коммуникации как культурных символов. По результатам исследования выявлены специфика происхождения прозвищ и потенциальная вариативность их оценки, что обуславливает различия в понимании их истинного значения. Таким образом, изучение внутренней функциональности прозвищ как наиболее частотной и популярной формы наименования в литературных произведениях, общественной жизни и других социальных сферах имеет большое значение.
Ключевые слова: прозвище, прагматичность, метафорическое значение, китайская проза, китайская культура, Юй Хуа

Для цитирования: Ван Цяньцян. Прагматический потенциал прозвищ в произведениях Юй Хуа / Цяньцян Ван // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 49-58. – DOI 10.37482/2687-1505-V347.

Original article

Pragmatic Potential of Nicknames in the Novels by Yu Hua

Wang Qianqian

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

e-mail: qianwang0529@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3350-1616>

Abstract. This article is aimed at identifying a complex of pragmatic, emotional and value meanings of nicknames that allow the writer to influence the reader. The study is based on three novels by Yu Hua – *Brothers*, *To Live*, and *Chronicle of a Blood Merchant* – and their Russian translations. Twenty-five fragments were analysed; the specificity of the main characters' nicknames was identified in terms of the pragmatic function they perform. It is shown that the process of integration ↔ separation and extraction ↔ filling (the rules of language unit use are being constantly updated and changed) of unique linguistic phenomena – nicknames – is inherently pragmatic. The article presents the author's concept of nicknames, demonstrates the difference between nicknames and common names (social, family-related) and emphasizes the practical importance of nicknames (distribution, communication, symbolic figure, cultural characteristics) in prose. The novelty of the study lies in describing the pragmatic functionality of nicknames in different contextual environments, which reveals the degree of productivity and creative potential of nicknames, highlights the close relationship of nicknames with the characteristics of the time period and heritage of traditional culture, as well as points out the role of nicknames (as cultural symbols) in achieving balance in group communication. As a result, the author identified the specificity of the origin of nicknames and the potential variability of their evaluation, which causes differences in the understanding of their true meaning. Therefore, studying the intrinsic functionality of nicknames as a vastly preferable and popular form of naming in literary works, public life and other spheres of society is essential.

Keywords: *nickname, pragmatism, metaphorical meaning, Chinese prose, Chinese culture, Yu Hua*

For citation: Wang Qianqian. Pragmatic Potential of Nicknames in the Novels by Yu Hua. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 49–58. DOI: 10.37482/2687-1505-V347

Введение. Юй Хуа – новатор китайской литературы. Новизна его романов «Братья» (《兄弟》)¹, «Жить» (《活着》)², «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» (《许三观卖血记》)³ заключается в том, что в них представлена китайская картина мира, отличная от традиционной. В период с середины 1960-х (начало «культурной революции») до середины 2000-х годов китайская культура находилась под сильным влиянием конфуцианства, поэтому в большинстве популярных произведений использовалась тонкая лексика высокого регистра, репрезентирующая идею равенства и цивилизованного, гармоничного общества. Такая идеальная художественная картина мира не совпадала с реально существующей. В то время как большинство китайских авторов отказывалось от объективного описания китайской реальности,

Юй Хуа, наоборот, бросив вызов предрассудкам, попытался показать изъяны китайского общества. Автор обнажал и критиковал темную сторону человеческой природы, поэтому в 1980-е годы «в среде китайских критиков было сформулировано представление о том, что проза Юй Хуа обнажает скрытые, жестоко подавляемые интеллектом первобытные характеристики природы человека и показывает недоверие к цивилизации» [1, с. 68]. Одним из частотных языковых средств осуществления эффективной коммуникации людей в своем социальном кругу [2, с. 189] для Юй Хуа является прозвище (почти у всех главных героев произведений они есть), которое имеет специфическую и лаконичную форму, выполняет экспрессивную функцию и в повседневной жизни, и в литературе.

¹ Юй Хуа. Братья. М.: Текст, 2015. 256 с.

² Юй Хуа. Жить. М.: Текст, 2014. 192 с.

³ Юй Хуа. Как Сюй Саньгуань кровь продавал. М.: Текст, 2016. 224 с.

Цель настоящего исследования – на примерах из оригинальных текстов и русскоязычных переводов (в частности, Ю.А. Дрейзис и Р.Г. Шапиро) произведений Юй Хуа «Братья», «Жить», «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» определить специфику прозвищ в аспекте выполняемой ими прагматической функции, с тем чтобы выявить комплекс их метафорических, эстетических и ценностных значений, позволяющих автору воздействовать на читателя. Данная целевая установка обусловила необходимость решения ряда задач: 1) описать специфику культурно-языковой ситуации в современном китайском обществе для демонстрации ее уникальности и дальнейшего сопоставления с российским культурно-языковым контекстом; 2) раскрыть особенности стиля китайского прозаика Юй Хуа, в т. ч. через прозвища; 3) рассмотреть эстетический и риторический эффекты, оказываемые прозвищами на читателя и позволяющие реализовывать прагматическую функцию в произведениях Юй Хуа.

В статье преимущественно с помощью методов сопоставительно-переводческого и контекстуального анализа изучены типичные образы персонажей художественных произведений, их прозвища и метафорические значения [3, с. 91], в них заложенные. Исследование проведено на примерах из оригинальных (китайских) произведений и их переводов на русский язык. Метод статистического наблюдения позволил дифференцировать отобранные примеры для ясного и четкого представления вопроса [4, с. 27].

Теоретической базой исследования являются работы в области прагматических направлений в лингвистике и переводоведении, рассматривающие языковой знак [5, с. 204] и перевод как средства достижения межъязыковой коммуникации [6, с. 140]. Следовательно, теоретическая значимость данной статьи заключается в том, что такая научная проблема, как прагматическая функциональность прозвищ в разных контекстуальных окружениях, раскрывает тесную связь лингвистики и переводоведения. Прагматические коннотации могут быть использованы в дальнейшем изучении

воздействующего потенциала экспрессивных языковых средств выражения.

Практическая значимость исследования состоит в определении прагматизма и метафорической природы прозвищ, возможности понять центральную идею текста на языке перевода, корректной оценке различий в характерах героев произведений. Настоящая статья направлена на преодоление стереотипных представлений о прозвищах и понимание необходимости их существования.

Теоретическое ядро. Прозвище – это имя, данное человеку в шутку, в насмешку и обычно содержащее в себе указание на какую-то заметную черту характера, наружности, деятельности и др. [7, с. 72]. Если говорить о чертах характера, мы рассматриваем прозвища как стандарты оценки, которые строятся на психологии личности [8, с. 64], социальной валентности и т. д. Если говорить о наружности, то визуальные прозвища эксплицитно отражают различные физические особенности людей, отличающиеся от нормы [9, с. 33].

Прозвища существуют давно, но систематические их исследования в Китае начались в 1980-х годах и связаны с именем Сяо Яотяня. В России первые попытки описания прозвищных имен предпринимаются Е. Болховитиновым в 1813 году. Многие ученые акцентируют внимание на описании прозвищ как лингвистических символов, игнорируя их прагматическое значение. Это характерно для китайских ученых: Цзинь Кэфан рассматривает социальную и культурную ценность китайских прозвищ; Хуан Тао изучает связь между прозвищами и народной культурой. Среди российских исследователей можно выделить следующих: Х. Вальтер и В.М. Мокиенко раскрывают понятие «прозвище» и процесс его развития [10, с. 58]; Ю.О. Коновалова описывает скрытые этнокультурные коннотации прозвища [11, с. 143]; Т.Г. Макарова находит связь между прозвищем и социальными отношениями [12, с. 140]. Формирование прозвища – это процесс комплексного восприятия индивидом

природных, социальных и духовных особенностей, поэтому данная статья выходит за рамки культурного исследования прозвищ и смещает фокус в сторону прагматического анализа, чтобы расширить область исследования этого языкового явления.

Как часть китайской системы имен прозвища имеют длинную историю формирования и развития. В литературных произведениях они являются способом выделения персонажей и выражения сильных чувств, не только имеют богатый культурный подтекст, но и представляют исследовательскую ценность. Прозвище – одно из самых частотных средств характеристики персонажей, прозвища регулярно встречаются в китайской художественной литературе. Благодаря способности описывать персонажей лаконично и остро прозвища позволяют читателю легко ощутить многомерность образа героя. Именно поэтому современный китайский прозаик Юй Хуа применяет их для именованя главных героев своих произведений. Необходимо помнить, что прозвища, будучи культурно маркированными единицами языка, выполняют прагматическую функцию. Учитывая последний факт, в настоящей работе под прозвищем мы понимаем такую единицу языка, которая оказывает интеллектуальное и эмоциональное воздействие на адресата речи. Как известно, термином «прагматическая функция» оперируют в рамках прагматики, где он квалифицируется достаточно широко и имеет несколько значений. Безусловно, в отношении прозвищ следует говорить о разных аспектах реализации прагматической функции – в зависимости от коммуникативной канвы сюжета, от того, как автор оценивает натуру героя, какие черты его характера хочет скрыть или представить более явно, какую информацию о герое намерен сделать доступной или недоступной, какой образ героя желает получить.

В настоящем исследовании на примере произведений Юй Хуа раскрывается то, каким образом реализуется прагматическая функция

китайских прозвищ – проводников китайских культурных коннотаций. Прозвища часто объединяются в группы с опорой на определенные характеристики человека, тем самым ярче раскрываются качества главного героя. Кроме исследования уникального стиля китайского прозаика Юй Хуа в данной работе представлен анализ его интенций с помощью прозвищ.

Результаты. Временные рамки романа «Братья» охватывают период с «культурной революции» (1966–1976 годы) до начала реформ и открытости в Китае (с 1978 года). Трансформация китайского общества привела к тому, что люди захотели предстать в новом свете, скрыть свою неграмотность, казаться образованными, выдавая себя за людей высшего общества.

Приведем некоторые примеры из романов Юй Хуа «Братья», «Жить», «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» – продемонстрируем исследовательскую ценность прозвищ.

Одного из главных героев романа «Братья» зовут Бритый Ли (李光头), его настоящее имя – Ли Гуан. Почему его называют Бритый Ли, автор не уточняет. Волосы у героя есть, но бритая голова здесь – отсылка к характеру героя. Чаще всего, когда мы слышим слово «бритый», в воображении возникает грубый человек, негодяй или хулиган – и это сильная ассоциация. Бритый Ли – именно такой человек, поэтому «он одним махом сумел углядеть пять задниц в тот раз и считал это своей гордостью»⁴. Есть такая китайская пословица «На мудрой голове волосы не растут» (《聪明的脑袋不长毛》), и автор хочет использовать это прозвище для сатиры на героя: Ли Гуан, который пытается вести себя как умный мужчина, на самом деле глуп, ничего не знает. В этом образе проявляются противоречивые черты характера вступающего в новую эпоху человека: гордость и оптимизм, беспокойство и сварливость. Именно с этой целью автор использовал прозвище «Бритый» для характеристики Ли Гуана.

Второго персонажа романа «Братья» – типичного для сюжетов Юй Хуа – зовут Чжао

⁴ Юй Хуа. Братья. С. 3.

Шэнли (赵胜利). Он был одним из двух самых талантливых людей в г. Лючжэнь, поэтому жители города называли его Стихоплет-Чжао (赵诗人), однако он смог опубликовать в цветном журнале уездного Дома культуры лишь одно стихотвореньице в четыре строки, и то благодаря связям. Полагаем, что настоящий поэт обычно проявляет мудрость, чаще всего пишет свои произведения высоким стилем и изъясняется соответствующе, но вот что сказал Чжао Шэнли, когда застал Бритого Ли подглядывающим за девушками: «Давайте завязывайте там ссать, ваши жопы тут обсмотрели со всех сторон, а вы ни сном, ни духом, выходите уже!» (《你们别拉屎撒尿啦，你们的屁股被人看了又看，你们还一点都不知道你们快出来吧》)。⁵ Тут он позабыл, что считается утонченным поэтом. Так автор напоминает читателю, что фальшивое никогда не может стать настоящим.

Одного из талантливых людей Лючжэня звали Лю Чэнгун (刘成功), он был «лучше», чем Стихоплет-Чжао (赵作家). Он тоже опубликовал в цветном журнале уездного Дома культуры свое творение – «аж рассказ, убористым шрифтом занявший целых две страницы, и заслужил достойное прозвище – Писака Лю» (刘诗人). Узнав, что Бритый Ли ошибался, Писака Лю притворился праведником и стал критиковать Бритого Ли, на самом же деле он просто пытался выставить себя в лучшем свете. Так, в одном из эпизодов он тащил Ли и говорил: «Смотри ты, два юных дарования ведут тебя под конвоем, ты, шпана несчастная, – тот еще везунчик...» (《你看看，你看看，两大才子押着你，你小子真是福运通天啊》)⁶. Стихоплет-Чжао и Писака Лю тянули за шиворот Бритого Ли, приговаривая: «Это подобно тому, как если бы Ли Бо и Цао Сюэцинь конвоировали тебя...» (《这好比李白和曹雪芹押着你...》)⁷. Отметим, что Ли Бо (Танское царство) и Цао Сюэцинь

(Минское царство) – исторические персонажи, принадлежащие к разным династиям, следовательно, они никак не могли оказаться в одно время в одном месте. Эта фактологическая неточность (противоречие), которую допустили Лю Чэнгун и Чжао Шэнли, свидетельствует об отсутствии у них глубоких знаний в области истории и культуры Китая, а значит, показывает саркастическое отношение к ним автора произведения и обращает наше внимание на насмешливую оценку, заложенную в прозвища героев.

Во всех представленных примерах герои не имеют глубинных знаний о культурном наследии Китая. Их называют Бритый, Стихоплет и Писака, под двумя последними подразумевая «талант», хотя на самом деле это насмешка над героями. Цель автора романа та же – с помощью прозвищ показать изменения, произошедшие в сознании и занятиях людей в упомянутый период времени. Прозвище как языковое явление в своем развитии и эволюции подвержено влиянию различных экстралингвистических факторов, а его культурные коннотации с развитием общества постоянно обогащаются. Прозвища в анализируемом романе отражают народную культуру, добро и зло человеческой природы, современные духовные ценности. Таким образом, подчеркивая специфику характеров персонажей, прозвища в то же время являются культурно-языковыми маркерами общества в конкретный период его развития.

«Жить» – еще один реалистический роман Юй Хуа. События произведения, происходящие на фоне исторических изменений, тесно связывают судьбы людей, заставляя их по-настоящему понять смысл жизни и одновременно оплакивать непостоянство судьбы. Это потрясающий роман о жизни китайского крестьянина, через судьбу которого можно проследить историю Китая в XX веке: от войны

⁵余华. 兄弟. 北京 [Юй Хуа. Братья. Пекин, 2005. С. 9].

⁶Там же. С. 10.

⁷Там же. С. 11.

сопротивления японским захватчикам, освободительной войны, образования Нового Китая, земельной реформы до движения за повсеместное создание народных коммун, периода природных катастроф и «культурной революции». Жизнь главного героя Сюй Фугуя позволяет автору показать китайское общество XX века будто под микроскопом. Судьба Фугуя зависит от судьбы страны – улучшается и ухудшается, он проходит через изменения условий жизни: от богатства до бедности – становится бедным, как церковная мышь, что отражает суматоху и турбулентность социальной ситуации.

Сюй Фугуй, родившийся в семье помещика, из-за высокомерия своей семьи не учился и любил проводить время в борделе и за игрой, тратил много денег, и многие люди говорили, что он Большой шалопай (二流子). Вскоре Сюй Фугуй растратил все богатство семьи и из высшего сословия скатился в самый низ социальной лестницы. Его отец умер от гнева из-за содеянного Фугуем, а у матери не было денег на лечение, когда она заболела, и с тех пор он никому не позволял называть себя Баринем (少爷), избрав прозвища «Щенок» (孽子) и «Скотина» (畜生). Впервые указанные прозвища появились в тексте, когда он описывал свои «великие достижения»: «В молодости я ел, пил, гулял, играл, всякий грех перепробовал» (《我年轻时吃喝嫖赌, 什么浪荡的事都干过》)⁸. Эти прозвища подчеркивают глупость и невежество Сюй Фугуя в молодости: он не сумел сохранить богатство, безрассудно тратил время и деньги и в итоге шаг за шагом скатился в пропасть.

Юй Хуа как авангардист «новой волны» китайской литературы не просто выражает недовольство и хочет донести до читателя позитивное отношение к жизни, но посредством трансформации характеров героев демонстрирует сильную поддержку людям, которые страдают. Несмотря на душераздирающие страдания (смерть родных одного за другим и служба в армии), Фугуй не теряет надежды, а

во второй половине романа берет себе новое прозвище – «Пампушка» (馒头). Он осознал во время войны, что от жизни до смерти – одно мгновение. Впервые съев пампушку после серьезных испытаний, Фугуй не просто ее съедает, но осознает, что вернулся домой целым и невредимым. «Пампушка» выражает не только надежду главного героя на будущую жизнь, но и идею автора: «Жизнь нелегка, ничья жизнь не может быть гладкой. Если хочешь жить, то должен стиснуть зубы и держаться» (《人生而不易, 没有谁的一生能一帆风顺, 想要活着, 就得咬着牙挺住》).

В романе «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» показана тяжелая жизнь бедной семьи в сельской местности Китая. Главный герой по имени Сюй Саньгуань преодолевает одну трудность за другой, продавая свою кровь. Обыкновенный человек борется за выживание в нестабильных условиях и использует свою слабую силу для преодоления страданий. Многие называют его Сюй Саньдо (许三多), что означает «Много крови, много денег, много детей» (血多、钱多、孩子多), но реальное положение Сюй Саньгуаня было смешным и жалким. Желание получить «много крови» (血多) ярко проявилось в юности Сюй Саньгуаня: он мог продавать кровь четыре раза в месяц (необходимо уточнить, что в Китае цикл сдачи крови в соответствии с Законом о донорстве крови и ее компонентов обычно составляет 6 месяцев), чем он очень гордился. Но в старости, когда он снова хотел продавать кровь, ему сказали, что качество его крови низкое и он больше не сможет содержать свою семью с помощью продажи крови.

«Много денег» (钱多), конечно, является иллюзией: когда Сюй Саньгуань впервые заработал 35 юаней на продаже крови, у него было достаточно денег только на то, чтобы «заказать жареной печенки (свиная печенка наполняет кровь) и рисового вина (вино может оживлять)» (《卖完血之后要上馆子去吃 一盘炒

⁸余华. 活着. 上海 [Юй Хуа. Жить. Шанхай, 2004. С. 58].

猪肝，喝二两黄酒，猪肝是补血的，黄酒是活血的》。⁹ «Многодетность» действительно сбылась: у него было трое детей, но первый ребенок не был его собственным, поэтому прозвище «Сюй Саньдо» отражает беспомощность главного героя и разрыв между реальностью и идеалом, которого невозможно достичь. У китайцев есть такая особенность при именовании: чем больше чего-то отсутствует, тем ярче это проявляется в имени. Например, в именах людей, жизнь которых относительно бедная, будут слова «цай» (财) – «деньги», «фу» (富) – «богатый», «гуй» (贵) – «дороговизна». Именно по этой причине героя зовут Сюй Саньдо – «Много крови, много денег, много детей».

В сельской местности, где живет Сюй Саньгуань, продажа крови не считается чем-то плохим, противоречащим закону, это, скорее, почетное дело. Сюжет рассматриваемого романа закручивается вокруг истории, в которой Сюй Саньгуань продает кровь раз за разом для себя и своей семьи. Помимо Сюй Саньгуаня в этой истории присутствует очень важный персонаж по прозвищу Кровяной староста Ли (李血头) – конечно, это не настоящее его имя, но настоящее автор не указал. В романе этот герой описывается следующим образом: «Кровяной староста Ли как деревенский староста. Он решает, кому можно продать кровь, кому нет» (《李血头就是管我们身上血的村长，让谁卖血，不让谁卖血，全是他一个人说了算数》。¹⁰ В китайском языке слово «голова», или «тоу» (头), означает «лидер, или руководитель», и китайцы часто называют своего руководителя Тоу эр (头儿), как и Кровяного старосту Ли (Ли Сюэтоу). Автор использует прозвище, чтобы показать незаконность продажи крови и отразить специфику эпохи (Большой скачок 1958 года и Великая пролетарская культурная революция), – в те времена никого не волновала законность, люди уделяли внимание другому – необходимости выжить.

Благодаря продаже крови Сюй Саньгуань получает деньги и женится на красавице Сюй Юлань, и у них рождается три сына: Илэ (一乐), Эрлэ (二乐) и Саньлэ (三乐). Имя Лэ (乐) в китайском языке означает «веселый и радостный», но в действительности сыновья совсем не счастливы и не веселы. Илэ (一乐) страдал от болезни печени, Эрлэ (二乐) уехал в деревню и пережил голод, а Саньлэ (三乐) пережил наводнение, когда ему было 8 лет. В конце романа Сюй Саньгуань говорит: «Что же это за времена такие – дети не помнят, что такое сахар...» (《这苦日子什么时候才能完？小崽子苦得都忘记什么是甜，吃了甜的都想不起来这就是糖》。¹¹ При помощи имени Лэ (乐) автор раскрывает тему романа, используя сарказм и показывая разницу между идеалом и реальностью. Особенность романа Юй Хуа в том, что автор акцентирует внимание на непоследовательности мышления главных героев и дает ясный и честный отчет об их жизни. Сюй Саньгуаня постоянно кидает из одной крайности в другую: от милосердия к бесчеловечности, от жадности к щедрости и т. д.

Заключение. Наречение человека вторым именем, или прозвищем, – активный неформальный идентификатор [13, с. 35] и интересная, неотъемлемая часть повседневной жизни. Прозвище тесно связано с теми негативными или положительными ассоциациями, которые возникают в сознании людей относительно конкретной личности, – оно проявляет ее уникальность. Когда китайский прозаик Юй Хуа легко и как будто играючи рассказывает нам о каких-то малоприятных событиях, произошедших с героями его произведений, их прозвища преимущественно создают эффект водевиля и трагикомедии.

В произведениях «Братья», «Жить» и «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» с помощью прозвищ главных героев показано, что каждый человек играет свою роль в обществе, занимает

⁹ 余华. 许三观卖血记. 江苏 [Юй Хуа. Как Сюй Саньгуань кровь продавал. Цзянсу, 1996. С. 26].

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Там же. С. 222.

свою позицию. Использование прозвищ в романах особенно важно, поскольку одни персонажи реальны, а другие вымышлены, – прозвища помогают читателю почувствовать близость с персонажами произведения, уточнить межличностные отношения. Анализ прозвищ позволяет детализировать личность героя – благодаря мелочам увидеть целостную картину, выявить тот эффект, который хотел произвести автор произведения на читателя. Например, прозвище Сюй Фугуя «Большой шалопай» (二流子) в романе «Жить» определяет его невежественность, а прозвище Сюй Саньгуаня «Много детей, много крови и много денег» благодаря контрасту подчеркивает оптимистичность и жизнерадостный характер героя. Прозвище «Бритый Ли» раскрывает хитрую и грубую личность Ли Гуана.

Прозвище в качестве единицы языка, действующей на окружающих (в нашем тексте – на читателя), позволяет выявить проблемы китайского общества конкретного временного периода: неграмотность и некультурность обычных людей (например, Стихоплет-Чжао и Писака Лю в «Братьях») своей «образованностью» удовлетворяют лишь собственное тщеславие – на самом деле они мало что знают), иррацио-

нальность системы управления на местах, при которой, в частности, личная инициатива не может существовать – ввиду этой общественной установки Кровавой староста Ли из романа «Как Сюй Саньгуань кровь продавал» безоговорочно контролирует право на продажу крови.

Исследование прозвищ в прагматическом аспекте, проведенное на стыке лингвистики и литературоведения, лингвокультурологии и теории и практики межкультурной коммуникации, представляется перспективным. Так, в ходе исследования было показано, что процесс интеграции прозвищ главных героев произведений Юй Хуа в общую сюжетную канву, их извлечение, а затем – наполнение эмоциональными и ценностными значениями, интерпретациями дают возможность раскрыть прагматическую функциональность прозвищ в разных контекстуальных окружениях и повысить их продуктивность и творческий потенциал. В этом и заключается актуальность данной статьи, которая преодолевает основные рамки (концептуальные, категориальные и конструктивные) исследования языковых явлений – прозвищ – и дает ориентир для расширения сферы их изучения (функция, потенциал, значение и т. д.).

Список литературы

1. Ван Цяньцзянь, Лукманова Р.Р. Языковая репрезентация метафоры реальности в современной китайской художественной литературе (на примере русскоязычного перевода романа Юй Хуа «Братья») // Коммуникативные коды в межкультурном пространстве как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения: материалы III Междисциплинар. науч. конф.: сб. науч. тр. / науч. ред. Г.Г. Молчанова. М.: КДУ, Добросвет, 2023. С. 68–75.
2. Шишкина Т.С. Языковые средства в условиях неформальной коммуникации // Инновац. наука. 2015. № 12. С. 189–190.
3. Ван Цяньцзянь. Концептуальная метафора братства в китайском и русском языках: специфика формирования и функционирования // Современ. востоковед. исслед. 2023. Т. 5, № 4. С. 90–103.
4. Шорохова И.С. Методический подход к анализу стратегий социально-экономического развития регионов с учетом инновационной компоненты // Управление в современных системах. 2023. № 2. С. 26–39.
5. Хазимуллина Е.Е. Мотивированность и репрезентативность как важнейшие свойства языковых знаков // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4(22), ч. I. С. 203–206.
6. Солдатова Л.А. Межъязыковая коммуникация и множественность перевода // Альм. современ. науки и образования. 2010. № 1(32), ч. I. С. 139–143.

7. Зиннатуллина Г.Х. Особенности употребления прозвищ в художественной литературе // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2013. № 4(79). С. 72–76.
8. Дувалина О.Н., Колбина А.К. Психологические особенности возникновения прозвищ у взрослых // Colloquium-J. 2019. № 12-5(36). С. 63–64. URL: <https://colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2022/05/Colloquium-journal-2019-36-5.pdf> (дата обращения: 20.04.2024).
9. Родина Н.А. Индивидуальное прозвище в России: современное понимание // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 32–36. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-32-36>
10. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 52–69.
11. Россия – Китай: этнокультурная специфика речевого общения: коллектив. моногр. / под общ. ред. Ю.О. Коноваловой. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 324 с.
12. Макарова Т.Г. О методике изучения школьных прозвищ в социолингвистическом аспекте // Вопросы ономастики: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.К. Матвеев. Свердловск: УрГУ, 1982. Вып. 15. С. 137–146.
13. Родина Н.А. Динамика бытования молодежных прозвищ, связанных с внешним видом человека (на материале прозвищ г. Смоленска) // Вестн. МГОУ. Сер.: Рус. филология. 2012. № 2. С. 35–40.

References

1. Wang Qianqian, Lukmanova R.R. Yazykovaya reprezentatsiya metafory real'nosti v sovremennoy kitayskoy khudozhestvennoy literature (na primere russkoyazychnogo perevoda romana Yuy Khua "Brat'ya") [Linguistic Representation of the Metaphor of Reality in Modern Chinese Fiction (Using the Example of the Russian Translation of Yu Hua's Novel *Brothers*)]. Molchanova G.G. (ed.). *Kommunikativnye kody v mezhkul'turnom prostranstve kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsiy cheloveka novogo pokoleniya* [Communication Codes in the Intercultural Space as a Means of Developing General Humanities Competencies of a New Generation of People]. Moscow, 2023, pp. 68–75.
2. Shishkina T.S. Yazykovye sredstva v usloviyakh neformal'noy kommunikatsii [Linguistic Means in Informal Communication]. *Innovatsionnaya nauka*, 2015, no. 12, pp. 189–190.
3. Wang Qianqian. Conceptual Metaphor of Brotherhood in Chinese and Russian Languages: Specifics of Formation and Function. *Mod. Orient. Stud.*, 2023, vol. 5, no. 4, pp. 90–103 (in Russ.).
4. Shorokhova I.S. Metodicheskiy podkhod k analizu strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov s uchetom innovatsionnoy komponenty [Methodological Approach to the Analysis of Strategies for Socio-Economic Development of Regions, Taking into Account the Innovation Component]. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 2023, no. 2, pp. 26–39.
5. Khazimullina E.E. Motivirovannost' i reprezentativnost' kak vazhneyshie svoystva yazykovykh znakov [Motivation and Representativeness as the Most Important Properties of Language Signs]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 4, pt. 1, pp. 203–206.
6. Soldatova L.A. Mezhyazykovaya kommunikatsiya i mnozhestvennost' perevoda [Interlingual Communication and Translation Plurality]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*, 2010, no. 1, pt. 1, pp. 139–143.
7. Zinnatullina G.Kh. Osobennosti upotrebleniya prozvisch v khudozhestvennoy literature [Peculiarities of Nicknames Use in Fiction]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, no. 4, pp. 72–76.
8. Duvalina O.N., Kolbina A.K. Psikhologicheskie osobennosti vzniknoveniya prozvisch u vzroslykh [How Did Nicknames Appear and Their Psychological Features]. *Colloquium-J.*, 2019, no. 12-5, pp. 63–64. Available at: <https://colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2022/05/Colloquium-journal-2019-36-5.pdf> (accessed: 20 April 2024).
9. Rodina N.A. An Individual Nickname in Russia: Modern Understanding. *Izv. Saratov Univ. New Ser. Ser. Philol. Journal.*, 2021, vol. 21, no. 1, pp. 32–36 (in Russ.). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-32-36>
10. Walter H., Mokienko V.M. Russkie prozvischa kak ob'ekt leksikografii [Russian Nicknames as an Object of Lexicography]. *Voprosy onomastiki*, 2005, no. 2, pp. 52–69.

11. Konovalova Yu.O. (ed.). *Rossiya – Kitay: etnokul'turnaya spetsifika rechevogo obshcheniya* [Russia – China: Ethnocultural Specificity of Verbal Communication]. Vladivostok, 2014. 324 p.

12. Makarova T.G. O metodike izucheniya shkol'nykh prozvizhch v sotsiolingvisticheskom aspekte [On the Methodology for Studying School Nicknames in the Sociolinguistic Aspect]. Matveev A.K. (ed.). *Voprosy onomastiki* [Issues of Onomastics]. Sverdlovsk, 1982. Iss. 15, pp. 137–146.

13. Rodina N.A. Dinamika bytovaniya molodezhnykh prozvizhch, svyazannykh s vneshnim vidom cheloveka (na materiale prozvizhch g. Smolenska) [The Dynamics of the Existing Youth Nicknames Connected with the Appearance of the Person (on the Material of the Nicknames of Smolensk)]. *Vestnik MGOU. Ser.: Russkaya filologiya*, 2012, no. 2, pp. 35–40.

Информация об авторе

Ван Цяньцян – аспирант кафедры сопоставительного языкознания и экскурсоведения Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Information about the author

Wang Qianqian, Postgraduate Student, Department of Comparative Linguistics and Tour Guiding Studies, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450076, Russia).

Поступила в редакцию 06.12.2023

Одобрена после рецензирования 26.03.2024

Принята к публикации 29.03.2024

Submitted 6 December 2023

Approved after reviewing 26 March 2024

Accepted for publication 29 March 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 59–68.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 59–68.

Научная статья

УДК 811.111:81'373.49

DOI: 10.37482/2687-1505-V348

Английские эвфемизмы на тему здоровья и болезни

Юрий Владимирович Горшунов

Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий, Бирск, Республика Башкортостан, Россия,

e-mail: gorshunov_@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4389-4385>

Аннотация. Эвфемизмы для обозначения болезней, созданные аббревиацией и рифмованным сленгом, отражают новые возможности эвфемии. Актуальность их исследования обусловлена тем, что эвфемистические названия болезней широко используются и нуждаются в более глубоком изучении. Цель настоящей работы заключается в выявлении в английском языке некоторых синонимичных эвфемистических и дисфемистических обозначений из арсенала коммуникативно корректных выражений на тему здоровья и болезни, в представлении лингвистического и социокультурного комментария к эвфемизмам, созданным в рифмованном сленге и с помощью аббревиации и характеризующим такие две смертельно опасные болезни, как рак и СПИД, и такой неприятный недуг, как геморрой. Основным методом исследования выступает описательный, реализованный в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Лингвистические методы включают контекстный анализ и метод семантической интерпретации. Тема здоровья и болезни освещается на примерах эвфемизмов и дисфемизмов, отобранных из авторитетных словарей эвфемизмов, общего и рифмованного сленга и англоязычной художественной литературы с точки зрения изучения оси «эвфемия – дисфемия» и описания англоязычного медицинского дискурса. Эвфемизмы и дисфемизмы служат эффективным способом преодоления табу, их употребление нацелено на сглаживание неприятных для собеседника моментов, «прикрытие» болезненных для человека тем при условии угадывания точного смысла высказывания. Для исследования, в частности, были отобраны те эвфемизмы, созданные в рифмованном сленге и с помощью аббревиации и характеризующие рак, СПИД и геморрой, что ранее не входило в исследовательское поле специалистов по англоязычной эвфемии. Это привносит элемент новизны в изучение современных эвфемизмов английского языка. Рассмотрение эвфемизмов, связанных с рифмованным сленгом англоязычных стран, составляет перспективные линии исследования эвфемии. Основные положения и выводы статьи могут быть использованы при освещении проблем эвфемии на лекциях и семинарах по теории языка, лексикологии, стилистике, интерпретации текста, межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: английский эвфемизм, эвфемия, эвфемизация, эвфемизм-аббревиатура, рифмованный сленг, табу, тема здоровья и болезни

Для цитирования: Горшунов, Ю. В. Английские эвфемизмы на тему здоровья и болезни / Ю. В. Горшунов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 59-68. – DOI 10.37482/2687-1505-V348.

Original article

English Euphemisms for Health and Disease

Yuriy V. Gorshunov

Birsk Branch, Ufa University of Science and Technology, Birsk, Republic of Bashkortostan, Russia,
e-mail: gorshunov_@rambler.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4389-4385>

Abstract. Euphemisms for disease created by means of abbreviation and rhyming slang reflect new capabilities of euphemisms. This research is relevant since such euphemisms are widely used and require a more detailed examination. The article aimed to identify some synonymous euphemistic and dysphemistic names from the arsenal of communicatively correct expressions on the topic of health and illness in English, as well as to provide a sociocultural commentary on euphemisms in the form of rhyming slang and abbreviations characterizing two deadly diseases – cancer and AIDS – and such an unpleasant ailment as haemorrhoids. The key research method used here is descriptive, implemented in the techniques of systematization, generalization and interpretation of language material. The linguistic methods include contextual analysis and semantic interpretation. The topic of health and disease is represented by examples of euphemisms and dysphemisms selected from authoritative dictionaries of euphemisms and general and rhyming slang, as well as English-language fiction. Euphemisms and dysphemisms serve as an effective way to overcome taboos; they are used to smooth out unpleasant moments and “cover up” sensitive issues for the interlocutor, provided that the exact meaning of the statement can be guessed. In particular, the author selected euphemisms for cancer, AIDS and haemorrhoids in the form of rhyming slang and abbreviation since they had been overlooked by specialists in English euphemisms, which brings an element of novelty to the study of modern English euphemisms. Euphemisms associated with rhyming slang in English-speaking countries constitute a promising area of research. The main points and conclusions of this paper can be used when discussing euphemisms during lectures and seminars on the theory of language, lexicology, stylistics, text interpretation, and cross-cultural communication.

Keywords: *English euphemism, euphemization, euphemistic abbreviations, rhyming slang, taboo, health and disease*

For citation: Gorshunov Yu.V. English Euphemisms for Health and Disease. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 59–68. DOI: 10.37482/2687-1505-V348

Предлагаемая статья посвящена одной из самых деликатных и потому табуируемых тем – теме здоровья (или, точнее, нездоровья), болезни и, косвенно, смерти, которая может быть следствием болезни, результатом несчастного случая, убийства или суицида. Разделы по эвфемии в основных учебниках по лексикологии англий-

ского языка¹ содержат обязательные примеры эвфемизмов для неизлечимых или опасных болезней, смерти и упоминание о значимости темы.

Тема здоровья и болезни в настоящем исследовании раскрывается на примерах эвфемизмов и дисфемизмов, отобранных из словарей эвфемизмов, общего сленга, рифмованного

¹Антрушина Г.Б. Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2004. 288 с.; Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.

сленга (РС)² и англоязычной художественной литературы, и развивает положения, затронутые в нашей работе [1].

Проблема эвфемии и эвфемизации в аспекте сравнения разноструктурных языков (в нашем случае английского и русского) отражена в ряде значимых исследований и публикаций [2–6], а проблема дихотомии «эвфемизмы – дисфемизмы» освещалась в трудах [7–13]. Тема болезни и особенности медицинских эвфемизмов затрагивались в ряде работ [14–18], тем не менее заявленная проблематика кажется неиссякаемой и обнаруживаются новые моменты, открытые для углубленного изучения и дополнения эвфемистической картины мира английского языка новыми красками и штрихами.

Цель данной статьи – выявить синонимичные обозначения, представить семантическую классификацию и социокультурный комментарий к эвфемизмам, созданным в РС или с помощью аббревиации и характеризующим рак, СПИД и геморрой, т. к. эвфемизмы, называющие эти две смертельные болезни и неприятный недуг, оказались наиболее репрезентативными в исследуемом материале, состоящем из аббревиатур и РС, еще не входившем в исследовательское поле лингвистов.

В прошлом табу было связано преимущественно со страхом человека перед неуправляемыми силами природы, с желанием умиротворить таинственные силы, отвести зло [4]. В современном обществе этот страх отошел на задний план, но мы по-прежнему испытываем страх перед болезнями и их последствиями. Так, страх перед некоторыми болезнями привел нас к созданию обширного лексикона эвфемизмов для безумия и умственной отсталости и неполноценности, эпилепсии, венерических заболеваний, рака, болезней сердца и инсульта, к которым

мы прибегаем, чтобы соблюсти деликатность, смягчить воздействие прямого наименования, замаскировать опасные последствия или диагноз, устранить неприятные ассоциации и отстраниться от неприятного, уберечься от разочарования, придать некоторую несерьезность и проч.

При выборе эвфемистических слов и фраз для анализа мы опирались на определение эвфемизма Сидни Гринбаума и Джанет Уиткат: «Эвфемизм есть замена выражения, которое может быть воспринято как оскорбительное из-за его неприятных ассоциаций, безобидным выражением или выражением с благоприятными ассоциациями: *pass away* (скончаться) – это эвфемизм для *die* (умереть), *put (animals) to sleep* (усыпить (животных)) для *kill* (умертвить), *perspire* (покрываться испариной) для *sweat* (потеть), *nurse* (вскармливать, давать грудь) для *suckle* (сосать грудь), *agent* (агент) для *spy* (шпион), *dentures* (зубные протезы) для *false teeth* (вставные, или искусственные, зубы)»³. Существенным моментом при обсуждении темы здоровья, болезней, недугов и негативных последствий выступает подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают кажущиеся грубыми слова и выражения, а маскируют и вуалируют суть явления. Это особенно ясно видно на примере семантически расплывчатых медицинских терминов типа *новообразование* вместо пугающего *опухоль*, которым в английском языке соответствуют эвфемизмы *growth* и *tumour*, употребление которых естественно в нижеприведенном контексте, где обеспокоенный хозяин собаки и врач-ветеринар обсуждают состояние животного:

‘Is it ... anything serious?’

I paused. ‘No, I shouldn’t think so. *Tumours* of the testicles are not uncommon in dogs and

²Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms (How Not to Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms). Oxford Univ. Press, 2008. 412 p.; Neaman J.S., Silver C.G. The Wordsworth Book of Euphemism, 1995. 409 p.; Ayto J. The Oxford Dictionary of Rhyming Slang. London, 2003. 309 p.; Green J. The Big Book of Rhyming Slang. Cassel, 2002. 334 p.; Green J. Cassell’s Dictionary of Slang. London, 1998 (reprinted 2003). 1316 p.

³Гринбаум С., Уиткат Дж. Словарь трудностей английского языка. М.: Рус. яз., 1990. С. 254.

fortunately they aren't to *metastasise – spread through the body* – very readily. So I shouldn't worry too much.' I added the last bit hastily because at the mention of the word '*tumour*' the colour had drained from his face alarmingly.

'That's a *growth*, isn't it?' he stammered⁴.

При упоминании слова *tumour* («опухоль») хозяин собаки резко побледнел, и ветврач поспешил успокоить его.

Медики предпочитают использовать латынь и неоклассические термины типа *neoplasm* (букв. неоплазма, новообразование) вместо *cancer*. О начале рака извещают «структурные изменения» – *structural changes* (удобный эвфемизм во врачебной практике, позволяющий обойтись без упоминания слова *cancer*).

Помимо *growth* и *tumour*, во избежание устрашающего термина *carcinoma* («карцинома»), когда речь идет о раковом новообразовании, которое возникает в эпителиальной ткани кожи или слизистой оболочки внутренних органов, предпочтение отдается созданному с помощью метонимии эвфемизму *sore* (букв. язва; использован признак карциномы).

В некрологах можно встретить сообщение о том, что некто умер после продолжительной болезни. Американский эвфемизм *a long illness* обычно подразумевает *cancer*. Эвфемизм *the big C* также обозначает *cancer*; рак может иметь результатом *the big D (death)* – смерть.

В РС мы находим рифмы-эвфемизмы, кодирующие такие явления, как болезнь и боль, простуда и грипп, СПИД, рак, геморрой, психические расстройства, венерические болезни, операции и лечение и т. д. [19]. К примеру, *Robinson and Cleaver = fever* (по названию прекратившего свое существование лондонского универмага)⁵; *Boris Karloff = cough*, как в контексте "That's a nasty *Boris* you've got there mate" (по сценическому имени англо-американского

актера, который запомнился лучше всего по ролям в фильмах ужасов, и прежде всего в роли монстра Франкенштейна в фильме «Франкенштейн» 1931 года); *Billy Ray Cyrus = virus* (по имени американского исполнителя музыки кантри); *Queen Vic = sick* (в значении *ill*) и *sick* (в значении *perverted*).

В статье по причине ее небольшого объема мы ограничимся выборочными примерами. Из всех болезней, получивших отражение в РС, самыми репрезентативными в нашем материале оказались рак и геморрой [19]. Мы также представим рифмы, кодирующие СПИД.

Чтобы уменьшить страх перед раком и скрыть серьезность болезни, больные часто присваивают ему оптимистичные названия вроде рифм к слову *cancer* типа *Jack the Dancer = cancer*, *Jimmy dancer = cancer*⁶, *Spanish dancer = cancer*, *tap dancer* (все рифмы и, следовательно, танцоры – из Австралии); *Sunny Dancer*, как в примере: "Did you hear that Harry's got *the Jimmy Dancer*?" Назовем еще одну рифму, эксплуатирующую имя известного американского тенора и звезды Голливуда 1940–1950-х годов Марио Ланца: *Mario Lanza = cancer*.

В настоящее время рак отодвинут на вторые позиции СПИДом. Термин «СПИД» (синдром приобретенного иммунодефицита) калькирован с английского многокомпонентного термина *Acquired Immunodeficiency Syndrome*, обозначающего болезнь, разрушающую естественную систему защиты организма от других болезней, и свернутого в акроним *AIDS*. Болезнь, приобретающая характер эпидемии, подняла помимо медицинских вопросов проблемы прав секс-меньшинств и больных наркоманией и, следовательно, оказалась в фокусе политкорректности. Больной СПИДом получил политкорректное обозначение *a person with AIDS* – человек с синдромом приобретенного иммунодефицита, или *PWA*.

⁴Herriot J. James Herriot's Dog Stories. Pan Books, 1986. P. 149–150.

⁵Green J. Cassell's Dictionary of Slang. London, 2005. P. 57.

⁶Neaman J.S., Silver C.G. Op. cit. P. 40.

СПИД, впервые выявленный в начале 1980-х годов, поражает миллионы людей, передаваясь половым путем, через инфицированную кровь, продукты крови и плаценту. Болезнь сначала получила распространение среди гомосексуалистов, потребителей внутривенных наркотиков и тех, кому перелили инфицированную кровь, прежде чем достигла широких слоев населения. Боязнь заразиться СПИДом или передать его секс-партнеру вынуждает влюбленных, героев романа «Особенные роды», пользоваться кондомом и отказаться от него, только когда Джек сдал тест на СПИД: *But after his next AIDS test in the upcoming few days, he would like to give up condoms*⁷.

Политкорректная аббревиатура *PWA*, как и ее корреляты, предпочтительнее альтернативных эвфемизмов *victim* и *client*: *In the three years' time there are likely to be 900 or so diagnosed cases in the London area, and at least that number of buddies per two people with AIDS (PWAs) – a phrase that nobody actually likes but that everybody comes to see as preferable to the alternative ('victim' or 'client')*⁸.

Со СПИДом связано возникновение эвфемистической аббревиатуры *ARC (AIDS-related condition or complex)*, скрывающей состояние организма, вызванное этой болезнью, симптомы которой заключаются в потере веса, высокой температуре, опоясывающем лишае и др. и которая может предшествовать другим опасным заболеваниям. Стремление избежать упоминания СПИДа нашло отражение в появлении нового эвфемистического акронима *WOGS (Wrath of God Syndrome)*. Новый эвфемизм территориально и социально ограничен в употреблении: он распространен на юге США в речи священников («служителей бога») и тех законодателей, которые рассматривают СПИД как «кару господню» гомосексуалистам за грехи. Акроним примечателен тем, что он непо-

литкорректен и потенциально оскорбителен, т. к. омонимичен слову *wog*, которое считается уничижительным, когда употребляется по отношению к «инородцам» – чернокожим, египетским арабам и др.

В РС для СПИДа (*AIDS*) есть несколько рифм, которые соотносятся с орудиями труда, используемыми в землеройных работах: *Buckets and Spades = AIDS, Shovels and Spades = AIDS*; с карточной мастью – пиковым тузом: *Ace of Spades = AIDS*. Есть и симпатичная рифма *lovely maids = AIDS* [19].

Интересно, что эвфемизм *unmentionables* употребляется не только по отношению к брюкам и нижнему белью, но и к геморрою, причем в речи женщин, т. к. мужчины, страдая от геморроя, отдают предпочтение выражению *Farmer Giles* [1, с. 392]. *Farmer Giles* – единица РС, в котором есть рифмы как для термина *haemorrhoids*, так и для разговорного *piles*. Эвфемизмы для геморроя образуют едва ли не самую репрезентативную группу рифм, маскирующих болезни. Те, кто не знает, что такое геморрой, шутят по этому поводу и воспринимают иронично и несерьезно жалобы страдающих. Табу на геморрой вызвало не менее десятка рифм, в основном соотносящихся с разговорным *piles*: *annabels/Annabel Giles = piles* (рифма основана на имени телеведущей и успешной писательницы); *Chalfonts/Chalfont St Giles = piles* (“*Me chalfonts are playing up*”; Chalfont St Giles – город к северо-западу от Лондона); *Johnny Giles = piles* (рифма основана на имени бывшего футболиста); *belinda's/Belinda Carlisles = piles* (рифма основана на имени американской певицы, ставшей популярной как лид-вокалистка успешной женской группы «Go-Go»); *Michaels/Michael Miles = piles* (рифма основана на имени британского телеведущего 1970-х); *nobbies/Nobby Stiles = piles* (рифма основана на имени популярного футболиста, игравшего за сборную Англии);

⁷Steel D. Special Delivery. Bantam Press, 1997. P. 108.

⁸Cosmopolitan. 1987. Feb.

nurembergs/Nuremberg Trials = piles (Нюрнбергский процесс – суд над военными преступниками Второй мировой войны); *Plymouth Argyles = piles* (рифма основана на имени популярного футбольного клуба); *Rockfords/Rockford Files = piles*, как в “Me *Jim Rockford’s* are giving me gip!” (рифма основана на названии популярного американского телесериала «Рокфордские файлы», в котором Джим Рокфорд был центральным персонажем); *Duke of Argylls = piles* (герцог – дворянский титул монаршей особы, титул, в частности, носят представители рода Кэмпбеллов); *sieg heils = piles*, как в примере «I’ll stand if you don’t mind – me *sieg heils* are acting up today» (*sieg heil* – нацистское приветствие); *Metric Miles = piles* и *nauticals/nautical miles = piles* (сухопутная и морская мили) и ряд др. (см.: [19, с. 164–167]).

Упомянутая выше рифма *farmers/Farmer Giles = piles* в своей усеченной версии *farmers* в значении «геморрой» сама дала повод для создания новых рифм, соотносящихся с *farmers*: *Huntley and Palmers = farmers* (рифма основана на имени известного производителя печенья), *Judiths/Judith Chalmers = farmers*, как в примере “Blimey, I’ve got a nasty case of *the Judiths*” (рифма основана на имени английской телеведущей, которая была известна в 1970–1980-х годах прежде всего благодаря своей программе о путешествиях «Wish You Were Here... ?», где она часто появлялась в бикини).

Что касается термина *haemorrhoids*, рифмы к нему эксплуатируют имена родственников клана Фрейдов, в частности правнучки всемирно известного австрийского невролога и психоаналитика Зигмунда Фрейда Эммы: *emmas/Emma Freuds = haemorrhoids* (Эмма Фрейд – популярная телеведущая развлекательных программ, актриса); ее прославленного отца Клемент Фрейда, который был телеведущим, детским писателем и политиком (член парламента с 1973 по 1987 год): *clements/Clement Freuds = haemorrhoids* (*ooh, me clements!*). Относительно недавно сомнительной чести удостоился и сам Зигмунд Фрейд: *Sigmund Freuds = haemorrhoids*. Но вот имя дяди Эммы и брата Клемент Фрейда – выдающегося британского

художника Люсьена Фрейда, который был одним из самых высокооплачиваемых современных художников, специализировался на портретной живописи и обнаженной натуре, был мастером психологического портрета, – не используется в этом смущающем и щекотливом контексте.

Когда человек неизлечимо болен, в отношении его состояния могут употребить глагол *sink* («постепенно угасать»). По отношению к такому безнадежному, неизлечимому пациенту, которого лучше оставить в покое и не тревожить процедурами, т. е. позволить спокойно отойти в мир иной, в медицинском жаргоне используются ироничное выражение *tender loving care* («нежная, полная любви забота») и аббревиатура *TLC*. Они часто заимствуются рекламодателями, которые хотят убедить нас в том, что предлагаемый ими товар полностью удовлетворит наши желания. Рекламируемые стиральный порошок, частная медицинская страховка и т. п. обещают нам *tender loving care*.

О больном скажут: *not very well; poorly* (о серьезно больном); *under the weather*. Для обозначения заболевшего человека имеется такой эвфемизм, как *on the club*, употребляемый, когда заболевший не появляется на работе. Воспаление легких скрывается за шуточным эвфемизмом *old man’s friend*.

В речевой практике ветеринара помимо медицинского термина *pyometritis* («пиометрит»), обозначающего опасное заболевание репродуктивной системы самок, проявляющееся в скоплении гноя в полости матки, и глагола *metastasis* («метастазировать») естественно звучит профессиональное сокращение *pyo*, которое позволяет ему в некоторой степени снять напряжение и отнестись немного отстраненно к весьма неприятной и опасной ситуации (*a real stinking pyo, a bit of a sticky job*), когда он вынужден обратиться за помощью к более опытному коллеге. Сокращение, несомненно, выполняет эвфемистическую функцию [20]: осознавая плачевное состояние четвероногой пациентки и серьезность ситуации (12-летняя сука-спани-

ель на последней стадии пиометрита, гной капает из ее вульвы на хирургический стол, температура 104, тяжело дышит, дрожит, с признаками клапанной недостаточности), молодой ветеринар позвонил многоопытному коллеге:

Look, I've got a bit of a sticky job here. I wonder if you'd take it on for me.

'Delighted, laddie, what is it?'

'A real stinking pyo'⁹.

Во врачебной практике порой происходят комичные случаи, когда собеседники по-разному оценивают ситуацию, имеют неодинаковое представление о том, что «прилично» и «неприлично», демонстрируют разную степень манерности или жеманства (что может быть вызвано социальными различиями, воспитанием и образованием). Сравните обозначение метеоризма у собаки (вздутие живота вследствие скопления газов в кишечнике) в речи рафинированной и оторванной от жизни хозяйки пса миссис Рамни (*flatul* – газы) и общеупотребительное разговорное *windiness*, которое ей кажется неуместным и грубым. Ей крайне неловко, и она смущенно и сбивчиво, с трудом подбирая слова, описывает состояние пса: *...he seems to suffer from... a certain amount of flatul. <...> He passes... er... a considerable quantity of... wind from his... 'A note of desperation had crept in'¹⁰. Ветеринар признается, что он испытывал острое смущение, говоря о «прискорбной слабости» пса (*unfortunate weakness*), ибо миссис Рамни была такой изысканной и потусторонней. Пытаться обсуждать с ней земные вопросы было настоящим мучением.*

Для полноты освещаемой темы обратимся к аббревиатурам эвфемистического характера. Уже сам принцип аббревиации – представление некоторой развернутой формы отдельными буквами или звуками – дает широкие возможности использования сокращения в эвфемистической функции для смягчения грубых или неприятных выражений [21]. В разряд сокращений, заменяющих ругательства и оскор-

бительные обращения (так называемые оценочные слова и выражения), непристойности, попадают: *A.K.* (*ass kisser*), *BS* (*bullshit; birdseed*), *FTA* (*fuck the Army!*), *GF* (*goofball*), *m.f.* и его вариант *muh-fuh* (*motherfucker*), *RT* (*rat funk*), *SF* (*shit-faced*), *TS* (*tough shit*) и др. [20].

На фоне непристойных, а порой и крайне неприятных исходных форм аббревиатуры благодаря свойствам крипичности, некоторой загадочности и «облагороженной» форме воспринимаются как более приличные, менее оскорбительные или резкие. Медицинские сокращения, используемые в функции эвфемизмов, маскируют такие неприятные явления, как неблагоприятные диагнозы, опасные заболевания, сложные операции и проч., помогают достичь положительного прагматического эффекта. Так, инфаркт миокарда – *myocardial infarction*, приобретя новую аббревиатурную форму *MI*, вызывает меньший страх у пациента. Буквенная аббревиатура *CABG*, являющаяся сокращением терминологического словосочетания *coronary artery bypass graft* («коронарный шунт»), фонетически модифицированная и произносимая как *cabbage*, благодаря своему новому несерьезному – «овощному» – звучанию как бы маскирует сложность операции по пересадке ткани на коронарном сосуде [20].

Аббревиатура *DOA* (*dead on arrival*) – термин, используемый полицией и в медицине, позволяет говорить о человеке или живом существе как о неодошедшем вещи: «доставлен труп» (букв. «мертв по прибытии»). В исследуемых материалах эта аббревиатура встретила в практике ветеринара, для которого запись *D.O.A.* из трех букв, или *dead on arrival* из трех слов, в дневнике охватывала все виды ситуаций: смерть коров от молочной лихорадки, быков, страдавших вздутием живота, припадочных телят. В этот раз запись означала, что ветеринар больше не будет стричь когти старому псу Бену¹¹.

Итак, мы ставили целью рассмотреть синонимичные обозначения и представить по воз-

⁹Herriot J. James Herriot's Dog Stories. Pan Books, 1986. P. 162.

¹⁰Ibid. P. 263.

¹¹Ibid. P. 87.

возможности адекватный лингвистический и социокультурный комментарий к эвфемизмам, созданным с помощью РС или аббревиации и характеризующим рак, СПИД и геморрой. Являясь в большинстве случаев шутливыми и ироничными эвфемизмами, выражения РС возникают в результате совмещения эвфемистической и игровой функций, что позволяет устранить или значительно смягчить чувство неловкости и эмоционального, психологического дискомфорта при обсуждении табуируемых тем. Отметим также, что одна из целей, преследуемая говорящими при употреблении эвфемизмов, заключается в стремлении сообщить адресату нечто таким образом, чтобы это было понятно только ему. РС идеально подходит для этого. В работе [19] представлены такие темы, как «Addictions», «Human Body», «Bodily Functions», «Sex», «Pregnancy and Childbirth», «Prostitution», «Crime and Punishment», «Societal Problems» и др., в т. ч. – «Illness and Death». Заинтересованного читателя, знающего английский язык, мы отсылаем к указанному труду.

С помощью аббревиации создаются эвфемизмы на основе рационального прагматического принципа экономии, который часто совмещается с принципом языковой игры и иронии – при создании шутливых, насмешливых, ироничных, юмористических, «несерьезных» эвфемизмов (см.: [21]).

В статье мы демонстрируем широкий подход к проблеме эвфемии и рассматриваем эвфемизмы заявленной темы как средство для снятия психологической и эмоциональной напряженности в речевом общении, средство преодоления определенного этического дискомфорта, средство камуфлирования неприятного содержания благодаря замене прямой номинации косвенной. Отметим, что эвфемизмы рассматриваемой темы не просто смягчают грубость или прямолинейность, а в значительной степени маскируют и вуалируют суть явления. Завершая освещение данной проблематики, подчеркнем, что описание эвфемизмов, построенных на РС и созданных с помощью аббревиации, составляет перспективный вектор исследования.

Список литературы

1. Горшунов Ю.В. Венерические болезни в свете эвфемии и дисфемии // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтничном пространстве: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 305–311. <https://doi.org/10.33184/yvdk-2021-04-30.46>
2. Мейрцева А.С. Эвфемистическая лексика в современном русском языке (комплексная характеристика): дис. ... канд. филол. наук. Магас, 2004. 186 с.
3. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2007. 260 с.
4. Кацев А.М. Эвфемизмы в современном английском языке: (Опыт социолингвистического описания): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 190 с.
5. Арсентьева Ю.С. Фразеологизмы-эвфемизмы в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 177 с.
6. Баскова Ю.С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 162 с.
7. Абакова Т.Н. Парадигматические отношения и семантико-прагматические особенности эвфемизмов и дисфемизмов современного английского языка (на материале текстов британской прессы): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 144 с.
8. Бушуева Т.С. Прагматический аспект эвфемизмов и дисфемизмов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2005. 175 с.
9. Радыгина Т.В. Особенности эвфемизмов и дисфемизмов как результирующих наименований по отношению к исходной номинации // Studia Linguistica. Вып. XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. СПб., 2008. С. 95–99.

10. Резанова А.Н. Дисфемия в английском языке: семантические механизмы и прагматические функции: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 179 с.
11. Саакян Л.Н. Эвфемия и дисфемия: языковые стратегии смягчения и дискредитации высказывания // Рус. яз. в шк. 2010. № 4. С. 57–62.
12. Саакян Л.Н. Эвфемия и дисфемия: языковые стратегии смягчения и дискредитации высказывания (окончание) // Рус. яз. в шк. 2010. № 5. С. 80–83.
13. Яковлева И.В., Шигапова Ф.Ф. Специфика и история возникновения дисфемии как единицы языковой системы // Terra Linguae: сб. науч. ст. Казань: ТАИ, 2015. Вып. 2. С. 60–63.
14. Байрамова Л.К. Болезни и их фразеологические эвфемистические номинации в русском, английском, немецком, французском языках // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. Т. 18, № 6. С. 117–120.
15. Бирюк И. Эвфемизмы в англоязычном медицинском дискурсе // Сучасні тенденції розвитку освіти й науки: проблеми та перспективи: зб. наук. праць. Вип. 7 / гол. ред. Ю.І. Колісник-Гуменюк. Київ; Львів; Бережани; Гомель: Б. и., 2020. С. 184–188.
16. Романова О.В., Сафонкина О.С. Лингвистические особенности медицинских эвфемизмов в английском языке // Вопр. приклад. лингвистики. 2019. № 2(34). С. 115–138.
17. Сапига Е.В., Ретина М.В. Лексико-семантический анализ медицинских эвфемистических выражений в английском языке // Культур. жизнь Юга России. 2015. № 3(58). С. 74–77.
18. Тишина Н.В. Эвфемизмы медицинского дискурса // Вестн. МГЛУ. 2006. Вып. 510. С. 118–130.
19. Gorshunov Yu.V. Euphemistic Uses of Rhyming Slang. Birska, 2016. 256 p.
20. Горшунув Ю.В. Эвфемистическая аббревиатурная лексика в прагматическом аспекте // Вестн. Бирск. гос. пед. ин-та. 2003. Вып. 3. С. 56–60.
21. Горшунув Ю.В. Прагматика аббревиатуры. М.: Прометей, 1999. 219 с.

References

1. Gorshunov Yu.V. Venericheskie bolezni v svete evfemii i disfemii [Venereal Diseases in the Light of Euphemisms and Dysphemisms]. *Yazyki v dialogue kul'tur: problemy mnogoyazychiya v polietnicheskom prostranstve* [Languages in the Dialogue of Cultures: Problems of Multilingualism in a Multiethnic Space]. Ufa, 2021, pp. 305–311. <https://doi.org/10.33184/yvdk-2021-04-30.46>
2. Meyrieva A.S. *Evfemisticheskaya leksika v sovremennom russkom yazyke (kompleksnaya kharakteristika)* [Euphemistic Vocabulary in Modern Russian (a Comprehensive Characteristics): Diss.]. Magas, 2004. 186 p.
3. Moskvina V.P. *Evfemizmy v leksicheskoy sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [Euphemisms in the Lexical System of the Contemporary Russian Language]. Moscow, 2007. 260 p.
4. Katsev A.M. *Evfemizmy v sovremennom angliyskom yazyke: (Opyt sotsiolingvisticheskogo opisaniya)* [Euphemisms in Modern English: (A Sociolinguistic Description): Diss.]. Leningrad, 1977. 190 p.
5. Arsent'eva Yu.S. *Frazeologizmy-evfemizmy v angliyskom i russkom yazykakh* [Phraseological Euphemisms in the English and Russian Languages: Diss.]. Kazan, 2012. 177 p.
6. Baskova Yu.S. *Evfemizmy kak sredstvo manipulirovaniya v yazyke SMI (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Euphemisms as a Manipulation Means in the Language of Mass Media (Based on the Russian and English Languages): Diss.]. Krasnodar, 2006. 162 p.
7. Abakova T.N. *Paradigmaticheskie otnosheniya i semantiko-pragmaticheskie osobennosti evfemizmov i disfemizmov sovremennogo angliyskogo yazyka (na materiale tekstov britanskoy pressy)* [Paradigmatic Relations and Semantic-Pragmatic Features of Euphemisms and Dysphemisms of the Modern English Language (Based on the Material of the British Press): Diss.]. Saratov, 2007. 144 p.
8. Bushueva T.S. *Pragmaticheskiy aspekt evfemizmov i disfemizmov v sovremennom angliyskom yazyke* [Pragmatic Aspect of Euphemisms and Dysphemisms in Modern English: Diss.]. Smolensk, 2005. 175 p.
9. Radygina T.V. *Osobennosti evfemizmov i disfemizmov kak rezul'tiruyushchikh naimenovaniy po otnosheniyu k iskhodnoy nominatsii* [Features of Euphemisms and Dysphemisms as Resulting Names in Relation to the Original Names]. *Studia Linguistica. Vyp. XVII. Yazyk i tekst v problemnom pole gumanitarnykh nauk* [Studia Linguistica. Iss. 17. Language and Text in the Scope of Humanities]. St. Petersburg, 2008, pp. 95–99.

10. Rezanova A.N. *Disfemiya v angliyskom yazyke: semanticheskie mekhanizmy i pragmaticheskie funktsii* [Dysphemisms in the English Language: Semantic Mechanisms and Pragmatic Functions: Diss.]. St. Petersburg, 2008. 179 p.
11. Saakyan L.N. Evfemiya i disfemiya: yazykovye strategii smyagcheniya i diskreditatsii vyskazyvaniya [Euphemisms and Dysphemisms: Linguistic Strategies for Softening and Discrediting a Statement]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2010, no. 4, pp. 57–62.
12. Saakyan L.N. Evfemiya i disfemiya: yazykovye strategii smyagcheniya i diskreditatsii vyskazyvaniya (okonchanie) [Euphemisms and Dysphemisms: Linguistic Strategies for Softening and Discrediting a Statement (Ending)]. *Russkiy yazyk v shkole*, 2010, no. 5, pp. 80–83.
13. Yakovleva I.V., Shigapova F.F. Spetsifika i istoriya vozniknoveniya disfemii kak edinitsey yazykovoy sistemy [Specifics and Origin of the Dysphemism as a Unit of the Language System]. *Terra Linguae*. Kazan, 2015. Iss. 2, pp. 60–63.
14. Bayramova L.K. Bolezni i ikh frazeologicheskie evfemisticheskie nominatsii v russkom, angliyskom, nemetskom, frantsuzskom yazykakh [Diseases and Their Phraseological Euphemisms in Russian, English, German and French]. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*, 2016, vol. 18, no. 6, pp. 117–120.
15. Biryuk I. Evfemizmy v angloyazychnom meditsinskom diskurse [Euphemisms in English-Language Medical Discourse]. Kolisnik-Gumenyuk Yu.I. (ed.). *Suchasni tendencii' rozvytku osvity j nauky: problemy ta perspektyvy* [Modern Trends in the Development of Education and Science: Problems and Prospects]. Iss. 7. Kyiv, 2020, pp. 184–188.
16. Romanova O.V., Safonkina O.S. Lingvisticheskie osobennosti meditsinskikh evfemizmov v angliyskom yazyke [Linguistic Characteristics of Medical Euphemisms in the English Language]. *Voprosy prikladnoy lingvistiki*, 2019, no. 2, pp. 115–138.
17. Sapiga E.V., Repina M.V. Leksiko-semanticheskii analiz meditsinskikh evfemisticheskikh vyrazheniy v angliyskom yazyke [Lexico-Semantic Analysis of Medical Euphemistical Constructions in English Language]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2015, no. 3, pp. 74–77.
18. Tishina N.V. Evfemizmy meditsinskogo diskursa [Euphemisms of Medical Discourse]. *Vestnik MGLU*, 2006, no. 510, pp. 118–130.
19. Gorshunov Yu.V. *Euphemistic Uses of Rhyming Slang*. Birk, 2016. 256 p.
20. Gorshunov Yu.V. Evfemisticheskaya abbreviaturnaya leksika v pragmaticheskom aspekte [Euphemistic Abbreviations in the Pragmatic Aspect]. *Vestnik Birskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 2003, no. 3, pp. 56–60.
21. Gorshunov Yu.V. *Pragmatika abbreviatury* [Pragmatics of Abbreviations]. Moscow, 1999. 219 p.

Информация об авторе

Ю.В. Горшун – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий (адрес: 452450, Республика Башкортостан, г. Бирск, ул. Ленина, д. 41).

Information about the author

Yuriy V. Gorshunov, Dr. Sci. (Philol.), Prof. at the Department of Romance and Germanic Philology, Birk Branch, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Lenina 41, Birk, 452450, Respublika Bashkortostan, Russia).

Поступила в редакцию 04.08.2023
Одобрена после рецензирования 11.03.2024
Принята к публикации 13.03.2024

Submitted 4 August 2023
Approved after reviewing 11 March 2024
Accepted for publication 13 March 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 69–80.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 69–80.

Научная статья

УДК 811.111:81'373

DOI: 10.37482/2687-1505-V349

Лексико-семантическая группа английских номинаций небольшого возвышения над землей как способ репрезентации типов знания

Людмила Владимировна Лаенко¹

Вера Викторовна Пигловская²✉

^{1,2}Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,

¹e-mail: lvlaenko@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0298-5681>

²e-mail: verashycheva@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2937-1174>

Аннотация. В статье с позиций основных постулатов лингвокогнитивного подхода рассматриваются особенности языковой концептуализации объектов английского ландшафтного пространства, характеризующихся небольшим возвышением над землей. Материалом послужили сведения из авторитетных англо-английских словарей и данные Британского национального корпуса. Цель исследования заключается в попытке выявить особенности концептуализации фрагмента пространства средствами ландшафтной лексики, объединенными в лексико-семантическую группу и номинирующими небольшую возвышенность. Для достижения поставленной цели проводится этимологический и компонентный анализ семантики элементов лексико-семантической группы на основе словарных дефиниций ее лексических конститuentов с последующей когнитивной интерпретацией семантических составляющих последних и определением конституирующих когнитивных признаков образов означенных объектов. Делается вывод о двуплановости смысла изучаемых ландшафтных существительных, что обусловлено влиянием зрительного модуса восприятия: когнитивное содержание английских существительных с общей семой «небольшая возвышенность» репрезентирует не только структуральное знание – форму категоризации информации, являющейся данным, существующим знанием и репрезентирующей опыт поколений, но и феноменологическое знание, обусловленное чувственным (сиюминутным) наблюдением. В статье также выявляются способности некоторых из перцептивно воспринимаемых признаков ландшафтных объектов вертикального пространства (форма, размер) служить когнитивной основой для креативирования метафорических образов, что позволяет определить такие признаки как особо значимые для повседневной практической жизнедеятельности представителей британской лингвокультуры. Результаты настоящего исследования имеют теоретическую значимость и способствуют дальнейшему развитию когнитивной лингвистики, раскрывая когнитивные механизмы восприятия, категоризации и концептуализации небольших возвышений над землей.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, ландшафтная лексика, ландшафтное существительное, английское ландшафтное пространство, структуральное знание, феноменологическое знание

Для цитирования: Лаенко, Л. В. Лексико-семантическая группа английских номинаций небольшого возвышения над землей как способ репрезентации типов знания / Л. В. Лаенко, В. В. Пигловская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 69-80. – DOI 10.37482/2687-1505-V349.

Original article

Lexico-Semantic Group of English Words for an Elevation of Land as a Means of Representing Types of Knowledge

Lyudmila V. Laenko¹

Vera V. Piglovskaya²✉

^{1,2}Voronezh State University, Voronezh, Russia,

¹e-mail: lvlaenko@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0298-5681>

²e-mail: verashycheva@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2937-1174>

Abstract. Based on the linguocognitive approach, the article studies the linguistic conceptualization of elevations of land in English. The material was obtained from authoritative English-English dictionaries and the British National Corpus. The aim was to identify peculiarities of linguistic conceptualization of the terrain by means of landscape words forming a lexico-semantic group and denoting an elevation of land. The author performed an etymological and component analysis of the meanings of elements of the lexico-semantic group using dictionary definitions of its lexical constituents, followed by a cognitive interpretation of the semantic components of the latter and a determination of the constitutive cognitive features of the images of the designated objects. It is concluded that the landscape nouns under study have two-dimensional meaning, which is determined by visual perception: the cognitive content of English nouns denoting an elevation of land represents not only structural knowledge – a form of categorization of information that is a given, existing knowledge representing the experience of all generations – but also phenomenological knowledge arising from sensory (immediate) observation. In addition, the author determined the ability of some of the sensually perceived features of landscape objects in the vertical space (shape, size) to serve as a cognitive basis for metaphorical images, which indicates that such features are of particular importance for the everyday life of British people. The results of this study have theoretical significance and contribute to further development of cognitive linguistics by revealing the cognitive mechanisms of perception, categorization and conceptualization of elevations of land.

Keywords: *lexico-semantic group, landscape vocabulary, landscape noun, English landscape space, structural knowledge, phenomenological knowledge*

For citation: Laenko L.V., Piglovskaya V.V. Lexico-Semantic Group of English Words for an Elevation of Land as a Means of Representing Types of Knowledge. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 69–80. DOI: 10.37482/2687-1505-V349

Введение. Статус и природу физического пространства можно трактовать по-разному в различных парадигмах знаний [1], но в языковой репрезентации совокупность пространственных представлений детерминирована его значимостью для человека и расположенные в пространстве объекты требуют присутствия субъекта восприятия с обязательным багажом

социокультурно обусловленного перцептивно-го опыта. К числу универсальных параметров членения пространства наряду с горизонталью, признаками «близко – далеко», «определенность – неопределенность», «везде – нигде», «центр – периферия», «статика – динамика» [2, с. 89] относят вертикаль, представленную в виде дихотомии «вверху – внизу». В конкретных

лингвокультурах этот параметр членения пространства формирует различные конфигурации, имеет разную значимость и обладает ярко выраженной национальной спецификой.

Языковые способы и средства репрезентации вертикального пространства, а именно небольших возвышений над землей, в сознании представителей разных лингвокультур не раз становились объектом исследования. Участки возвышенного рельефа изучались в рамках когнитивного подхода. Так, В.В. Корнева рассматривала национально-культурную специфику концептуализации и категоризации вертикальных элементов рельефа в русском и испанском языках [3]. Работа Е.М. Горжанкиной, выполненная на материале русского и английского языков, посвящена концептуализации вертикального пространства, а именно языковой концептуализации нижнего и верхнего пространственных пределов [4]; лингвокогнитивный анализ лексико-семантической группы (ЛСГ) «возвышенность» в русском и немецком языках был выполнен О.В. Кольцовой [5]; в диссертации И.В. Скрынниковой, посвященной вербализации концепта «пространственная локализация» в англоязычной лингвокультуре, также изучается пространственная вертикаль в языковом отражении [6]. Л.А. Курьянова раскрыла изменения в составе и дистрибуции лексем понятийного поля «возвышенность» от старофранцузского к современному языку [7]; О.Н. Ракитина исследовала национально-культурную коннотацию на материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах [8]. Метафоры со сферой-источником «неживая природа» в политическом дискурсе США и ФРГ рассматривались Ю.А. Ольховиковой [9].

Однако попыток выявления когнитивного потенциала английской ландшафтной лексики, номинирующей небольшое возвышение над землей, еще не предпринималось. В настоящей работе ландшафтная лексика английского языка, номинирующая небольшое возвышение, раскрывается в составе ЛСГ, структурирующей данный фрагмент физического пространства. Изучение

ЛСГ «небольшая возвышенность» не только как способа систематизации лексического состава языка, но и как средства категоризации знаний о мире определяет новизну исследования. Новизна также заключается в сочетании методов традиционной (этимологического, компонентного, контекстуального анализа семантического потенциала лексики) и когнитивной (семантико-когнитивного метода, заключающегося в объяснении процессов категоризации и концептуализации посредством когнитивной интерпретации сем) лингвистики.

Объектом данного исследования выступают лексические конститuentы ЛСГ английских существительных с общей семой «небольшая возвышенность»: *hillock, the downs, barrow, hump, bump, hummock, knoll, tussock, dune, tumulus*, номинирующих результаты зрительного восприятия человеком объектов небольшой возвышенности британского вертикального пространства. Список существительных является открытым, поскольку мы допускаем факт существования в английском языке других лексических единиц (ЛЕ) со схожими прототипическими характеристиками.

Цель исследования состоит в попытке раскрыть особенности концептуализации определенного фрагмента пространства средствами ландшафтной лексики, объединенными в ЛСГ и номинирующими небольшую возвышенность, носителями британского варианта английского языка.

Актуальность данной работы состоит в том, что рассмотрение ЛСГ в рамках когнитивной лингвистики дает возможность изучения когнитивных ресурсов лексико-семантических систем языка и помогает раскрыть особенности представлений знаний о мире, вербализированных ландшафтной лексикой в рамках британской лингвокультуры.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку проблем когнитивной лингвистики, выявленными особенностями концептуализации фрагмента пространства средствами ландшафтной лексики, объединенными в ЛСГ и номинирующими небольшую возвышенность.

Результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по когнитивной лингвистике, общему языкознанию, лексикологии, в т. ч. в практике преподавания английского языка как иностранного.

Материалы и методы. Всесторонний анализ ЛСГ проводился не раз, и изучение ЛСГ часто являлось объектом исследований, которые проводились сообразно постулатам избранных подходов и результаты которых весьма значимы для решения проблем современной лингвистики.

Материалом исследования послужили данные Британского национального корпуса², которые были необходимы для проведения контекстуального анализа с целью определения того, как макроконтекст (предложение) инспирирует реализацию актуальной семемы.

Методологию настоящего исследования определяет использование следующих методов для поступательного решения его задач:

1) компонентный анализ, предложенный О.Н. Селиверстовой и успешно использованный в ее работах [10] и работах ее последователей (см. например: [11]), заключающийся в членении значения слова на ряд мельчайший семантических компонентов (сем) для выявления и сравнения общих или близких по содержанию сем у конstituентов ЛСГ. Конstituенты анализируемой ЛСГ объединяются в одно микрополе на основе инвариантной категориальной семы «небольшое возвышение над землей», которая «репрезентирует родовой концепт, активизация которого открывает многомерный и сложно структурированный файл в голове человека, хранящий обработанную его сознанием информацию о такого типа наблюдаемых объектах. Такую ментальную область мы называем доменом (концептуальной областью), не противореча основным достижениям когнитивной лингвистики» [12, с. 232];

2) этимологический анализ, направленный на выявление мотивирующих признаков концептов на основе изучения этимологических словарей. Этот вид анализа необходим для понимания процессов и механизмов когнитивной деятельности языкового сознания на ранних

стадиях возникновения языка и в его дальнейшем историческом развитии;

3) контекстуальный анализ, суть которого заключается в изучении микроконтекста (сочетаемость ЛЕ) и макроконтекста (предложение), в которых реализуется актуальная семема. Вслед за Т. ван Дейком мы считаем, что контекст – это субъективный конструкт, но пространство и время являются его объективными свойствами [13], поэтому изучение особенностей концептуализации небольшой возвышенности весьма эффективно с использованием такого рода анализа;

4) концептуальный анализ – один из основных методов когнитивной лингвистики, направленный на выявление содержания концепта в виде соответствующих когнитивных признаков. В данной работе этот вид анализа необходим для моделирования фрагмента пространственной картины мира, а именно небольшого возвышения, результаты восприятия которого в определенной степени репрезентированы в семантике изучаемых лексических единиц – конstituентов ЛСГ «небольшая возвышенность».

Результаты. В лингвокогнитивном ключе, вслед за Е.С. Кубряковой, мы понимаем систему языка как «проекцию познанного человеком, как рефлекс его размышлений о мире и языке, как совокупность средств, служащих описанию всего этого» [14, с. 22]. Разные языковые единицы и категории фиксируют опыт, знания, оценки человека. По мнению Н.Н. Болдырева, «языковой категоризации действительности свойственна структурированность, присущая человеческому сознанию. Языковые модели структурирования физического мира представляют собой различные наименования объектов и лексических категорий, передающих многообразие этих объектов и их характеристик. Все многообразие концептов можно условно свести к ограниченному числу концептуально-тематических областей: **человек, природа, общество, животный мир** и т. д.» [15, с. 259]. Человек, конструируя мир в своем сознании, интерпретирует его, взаимодействуя с ним,

используя различные модели, в т. ч. и концептуально-тематические области. Лексические категории, репрезентирующие одну концептуально-тематическую область, интерпретируют мир как широкое разнообразие сходных объектов. Представляется, что ЛСГ как способ систематизации лексического состава языка включают в себя ЛЕ, входящие в одну или несколько концептуально-тематических областей. Такие области, выступая в функции коллективных схем восприятия мира, отражают различные сферы опыта человека, его взаимодействие с миром и социальную структуру общества [16]. На наш взгляд, изучаемая ЛСГ номинирует **два типа объектов с разными концептуальными основаниями**: природные возвышенности и искусственные возвышенности относятся к двум концептуально-тематическим областям – **ПРИРОДА** и **ЧЕЛОВЕК**.

Настоящая статья выходит за рамки традиционного лексико-семантического подхода к изучению ЛСГ, т. к. в последнее время методика выделения и анализа ЛСГ используется и в когнитивной лингвистике, позволяя исследовать когнитивные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и познании действительности. Благодаря семантико-когнитивному анализу, заключающемуся в построении номинативного поля концепта, описании семантики языковых средств, входящих в номинативное поле, и их последующей когнитивной интерпретации, возможно выявить в структуре ЛСГ когнитивные признаки, составляющие содержание соответствующих смыслов, частично репрезентированных в семантике их лексических репрезентантов. Лексические конститuentы ЛСГ позиционируются как репрезентанты результатов концептуализации и категоризации определенной области знаний, а ЛСГ рассматривается как

модель номинативного поля концепта, образующая ядро этого поля, выделяются когнитивные признаки, значимые для данной концептуальной сферы.

По мнению Н.Н. Болдырева, лексические категории, используемые в языке, отражают онтологию мира и результаты его познания человеком, т. е. категоризацию естественных объектов [17], но структура лексической категории не совпадает с прототипической структурой естественных объектов, поэтому в лингвокогнитивном ключе различные лексические группировки рассматриваются с точки зрения базового мыслительного процесса – категоризации. Следовательно, при изучении лексической категоризации принципиально важным становится не только семантическое содержание лексических единиц, но и знание о мире, стоящее за определенными языковыми структурами, а также восприятие и осмысление этого знания.

Методом сплошной выборки из английских толковых словарей¹ были отобраны слова, принадлежащие к исследуемой лексической группировке. При выборке принималось во внимание семантическое содержание ЛЕ, номинирующих разные элементы возвышенного рельефа с неоднородным земляным покровом. Была сформирована ЛСГ английских существительных с общей семой ««небольшая возвышенность», представляющих объект настоящего исследования.

Первый этап исследования заключался в проведении этимологического анализа³ и выявлении обязательных семантических связей, обеспечивающих вхождение ЛЕ в данную ЛСГ:

barrow – *a large pile of earth put over a grave by people in very ancient times*. Слово в древнеанглийском языке имело форму *beorg* (западно-саксонский диалект); восходит к протогерман-

¹Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, 1998. 1568 p.; Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hum> (дата обращения: 14.01.2024).

²British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 14.01.2024).

³Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=knoll> (дата обращения: 14.01.2024).

скому *bergaz* («гора»). Значение «могильный холм» у слова появилось в позднем древнеанглийском периоде (900–1170 годы);

bump – 1) *a raised uneven area on a surface*; 2) *a raised round swelling, often caused by a blow*. Слово стало употребляться в конце XVI века, обозначая «возвышение, появившееся в результате удара»; образовано от среднеанглийского *bumpe*, восходящего к древнеанглийскому *bumpian* («удар», «стук»);

dune – *a hill of sand often long and low, piled up by the wind on the seashore or in a desert*. Данная ЛЕ появилась в 1790 году и означала «гребень, холм, расположенный на побережье морей, образованный песком, гонимым ветром»; возможно, восходит к галльскому *dunom* («маленький круглый холм»);

hillock – *a little hill*. ЛЕ зафиксирована в древнеанглийском языке в конце XIV века, была образована посредством добавления уменьшительного суффикса *-oc* к слову *hill*;

hummock – *a very small hill*. Слово появилось в 1550 году и имело значение «холмик конической формы на побережье, служащий навигационным целям»;

hump – 1) *a large lump or round part which stands out noticeably*; 2) *a lump on the back, especially of a camel*; 3) *(Br infml) a feeling of bad temper or dislike of life in general*; 4) *over the hump – ‘past the worst part’*. Слово неясного происхождения, возможно, образовано от голландского *hompr* «lump» («шишка», «глыба»), восходит к средненижнемецкому *hump* («холм, бугор») и протогерманскому *hump* «hump»;

knoll – *a small round hill*. ЛЕ восходит к древнеанглийскому *cnoll* – «маленький холм, вершина холма»;

mound – 1) *a pile of earth, stones, etc, often built in ancient times as a defence or over a grave, a small hill*; 2) *a large pile*; 3) *the small hill on which the pitcher in the game of baseball stands*. Данная ЛЕ появилась в 1550 году и имеет неясное происхождение. В 1726 году приобрела значение «искусственное возвышение над землей (над могилой)». В 1810 году у слова появилось значение «небольшое возвышение природного происхождения»;

the downs – *low rounded grassy hills, especially chalk hills, as in the South of England*. Данная ЛЕ восходит к протогерманскому *dunaz* («меловой холм»), ранее заимствованному из кельтского. В 1400 году слово приобрело значение «возвышенные скалистые луга на юге и юго-востоке Англии»;

tumulus – *a large pile of earth put over a grave by people in very ancient times*. Слово появилось в 1680 году и имело значение «могильный курган», образовано от латинского *tumulus* – «пригорок, груда земли»;

tussock – *a small thick mass of grass*. Данная ЛЕ, зафиксированная в 1540 году, имела значение «a tuft of hair» – «пучок волос». В 1600 году лексема получила более широкое толкование – «a tuft of grass» – «пучок травы».

Таким образом, этимологический анализ изучаемых ЛЕ показал актуальность признака «небольшая возвышенность» для языковой картины мира древнеанглийского и среднеанглийского периода развития английского языка. Такие семантические истоки рассматриваемых ЛЕ являются основанием для реализации ими соответствующих когнитивных и номинативных функций и на современном этапе функционирования английского языка, что подтверждается результатами настоящего исследования.

Так, конститuentы анализируемой ЛСГ объединяются в одно микрополе на основе инвариантной семы «небольшое возвышение над землей» (*small/little/low hill*), а также ее модификаций с сохранением сути небольшой возвышенности: «*a pile of earth*» (**pile** – «*a mass of something that has been placed somewhere*» – «куча земли»), «*a raised uneven area on a surface*», «*a large lump or round part which stands out noticeably*».

Лексические конститuentы ЛСГ в таком случае позиционируются как репрезентанты результатов концептуализации и категоризации определенной области знаний. И потому принципиально важным становится **не только семантическое содержание ЛЕ, но и знание о мире**, стоящее за определенными языковыми структурами, а также восприятие и осмысление этого знания.

Считаем, что концептуальной основой семантики всех имен ландшафтных объектов, номинирующих небольшую возвышенность, является их перцептивно (визуально) воспринимаемый признак – незначительное возвышение над землей: это та концептуальная структура, которая запечатлела в сознании человека наиболее яркий признак воспринимаемого объекта, определяющий его уникальность («low», «small», «little» – «небольшое возвышение»).

Дифференциальные семы (ДС), определяющие различия между единицами этой ЛСГ, в целом отсылают к означенному домену ЛАНДШАФТ, однако каждая из них активизирует определенный когнитивный признак (КП) образа воспринимаемого объекта, оживляя тем самым соответствующий блок знаний относительно особенностей каждого из таких объектов.

Активизация КП ФОРМА:

1. ДС «**имеющий круглую форму**» (*a small round hill*):

He crawled up a small knoll and surveyed the prospect;

Humps are not the only weapon used to slow traffic;

They start uncovering this mound in the ground, and there's another dome.

2. ДС «**имеющий удлиненную форму**» (*a hill of sand often long and low*):

The desert is there, sand dunes, some small field.

Таким образом, холмики, бугорки, номинируемые ЛЕ *mound, hump, knoll, dunes*, представляют собой небольшие возвышения природного характера, обязательным атрибутом которых является их округлая или удлиненная форма.

Активизация КП КОНФИГУРАЦИЯ – ДС «**неровная поверхность**» (*a raised uneven area on a surface*):

Every time that there's a bump in the road, you lash out.

Уточняется содержание и детализируется особенность такого рода бугорков и кочек, которые отличаются ухабами и неровностями.

Активизация КП ПРОИСХОЖДЕНИЕ:

1. ДС «**песчаный**» (*a hill of sand*):

But you're probably asking, how am I planning to solidify a sand dune?

Основной характеристикой данного типа возвышенности является особенность почвенного покрова, а именно ее песочный состав.

2. ДС «**образованный растительностью**» (*a small thick mass of grass*):

The vegetation types consist of grasslands, the majority of which are tussock.

Возвышенность, номинируемая ЛЕ *tussock*, представляет собой травянистую кочку, образованную травой, растущей пучком.

3. ДС «**покрытый растительностью**» (*low hills covered in grass*):

In England there are two great ridges of downs there, which are facing each other: the South Downs and the North Downs. They meet on Salisbury Plain, which isn't really a plain, but a grass-covered chalky upland.

Такого вида возвышенности представляют собой поросшие травой холмы, типичные для определенной геолокации, в частности для юга Англии.

4. ДС «**меловой**» (*chalk hills*):

Now the word the Downs refers to a rather special kind of hill – consisting of chalk and covered with grass.

Отличительной чертой поросших травой холмов на юге Англии является их меловая структура.

Активизация КП ЛОКАЦИЯ:

1. ДС «**находящийся на юге Англии**» (*located in the South of England*):

A white horse chalk figure can be clearly seen on the side of the downs.

Юг Англии – типичное место для небольших возвышенностей (поросших травой холмов), отличительной особенностью которых является их меловой состав.

2. ДС «**находящийся на побережье**» (*a hill of sand often long and low, piled up by the wind on the seashore*):

The vast sand beaches with clean sand are surrounded with scenic dunes.

Особенность такого рода возвышенного рельефа – его месторасположение в прибрежной зоне.

3. ДС «находящийся в пустыне» (*located in a desert*):

The desert is there, sand dunes, some small field.

Активизация КП РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ – ДС «погребальная насыпь» (*a large pile of earth put over a grave*):

He was buried in the great tumulus at Loughcrew, in Westmeath;

Sauer glanced at the mound under which the guerrillas had been buried;

A barrow is pointed out as the tomb of the memorable Hengist.

ЛЕ *tumulus, mound, barrow* номинируют небольшую возвышенность, представляющую собой вид захоронения, и могильный холм – они характеризуются исторической ценностью и являются культурно-историческим наследием народа, памятниками культуры.

Очевидно то, что смысловые компоненты конститuentов ЛСГ (а именно их дифференциальные семы) представляют собой результаты концептуализации данного фрагмента вертикального пространства и показывают различия между ними. Когнитивные признаки – ФОРМА, КОНФИГУРАЦИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЛОКАЦИЯ, РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ – уточняют содержание концепта, вербализованного изучаемыми ЛЕ. Концептуальной основой семантики ландшафтных объектов, представляющих собой небольшую возвышенность, выступают их **зрительно воспринимаемые признаки, значимые для практической жизнедеятельности человека**. Каждый конститuent ЛСГ профилирует отдельный внешний признак возвышенности, концептуализирующий важную особенность того или иного возвышения.

Итак, компонентный анализ семантики элементов ЛСГ «небольшая возвышенность» выявил семантические признаки, образующие семантическое пространство концепта «небольшая возвышенность». Выделение дифференциальных семантических признаков ЛЕ изучаемой ЛСГ способствовало разграничению значений семантически близких слов. Выделение же ког-

нитивных признаков концепта, характерных для данной концептуально-тематической области, стало возможным благодаря смысловому обобщению и когнитивной интерпретации полученных результатов.

Также в ходе исследования было установлено, что лексемы английской ЛСГ «небольшая возвышенность» имеют образные компоненты содержания в своей когнитивной структуре и участвуют в оценочной категоризации других типов объектов. Метафорическое переосмысление небольшой возвышенности формирует образный компонент семантического содержания ЛЕ изучаемой группы. Метафоры базируются на чувственно-наглядном образе концепта «небольшая возвышенность»: через небольшую возвышенность природного происхождения осмысляются другие явления действительности, что подтверждается идеей Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути [18]. И поскольку метафора представляет собой ментальную операцию, способ познания, категоризации и концептуализации мира, то физический опыт взаимодействия с миром (осмысление небольших объектов физического пространства в терминах горок и пригорков – *mound, hump, bump*) порождает другие образы, организует менее структурированные абстрактные реалии через образ возвышенности:

I was left with 3 kids and a mound of debt. – Я остался с тремя детьми и кучей долгов;

It was the world I had created by hiding beneath a mound of sin and shame. – Это был мир, который я создал, прячась под кучей греха и стыда;

Apparently I was born with a huge bump of curiosity. – Наверное, я был рожден весьма любознательным;

This is not his fault that nature developed a bump of condidence in him. – Это не его вина, что природа наградила его милосердием;

There is hope that we have got over the hump of the population explosion. – Есть надежда, что мы преодолели этот демографический взрыв.

Так как рассматриваемые номинации концептуализируют впечатления оценочного характера от внешнего мира, их можно считать носителями феноменологического знания, приобретаемого в результате непосредственного чувственного опыта по каналу зрительного восприятия.

Выявлено, что ЛЕ изучаемой ЛСГ имеют разный метафорический потенциал. Так, ЛЕ *the downs, barrow, knoll, tussock, dune, tumulus* не участвуют в метафорическом процессе. Возможно, британскому национальному сознанию не свойственно формировать понятия о действительности через образ могильного холма (*tumulus, mound, barrow*), травянистого холмика (*knoll*), травы, растущей пучком (*tussock*), или через образ песчаной дюны (*dune*). Однако большим метафорическим потенциалом обладают ЛЕ *mound* (насыпь, холм), *hump* (бугорок, пригорок), *bump* (кочка, выпуклость): в 30 из 400 проанализированных контекстов с данными ЛЕ ими развиваются метафорические семемы.

Через образы приподнятых участков земной поверхности переосмысляются объекты иной природы (еда, артефакты), характеризующиеся некоторым возвышением над, однако, **не вертикальной, а горизонтальной** поверхностью (*spaghetti, mashed potatoes, letters*), осмысляющиеся через образ ландшафтной реалии:

The waiter appeared with a huge mound of spaghetti. – Официант появился с огромной горой из спагетти;

Her bed was a mound of soft pine needles. – Ложке ей служила куча мягких сосновых иголок;

Making a little hollow in her mound of mashed potatoes she filled it with gravy. – Сделав углубление в (холмообразной) порции картофельного пюре, она наполнила его соусом;

I have a mound of letters to answer. – Мне нужно ответить на кучу писем.

Такого рода возвышенность имеет другую природу и представляет собой возвышение **не**

над земной поверхностью, а над участком других типов плоскостей (пространств):

– наружный покров тела человека:

I scratched my face to feel a mound. – Почесав лицо, я нащупал какой-то бугорок;

– другие поверхности (артефакты):

It may look like a mound of cream. – Оно выглядит, как пирожное;

A mound of dirty crockery hid the draining board. – Гора грязной посуды заслоняла сушилку;

The hump against the wall made the room look bad. – Комната выглядела плохо из-за неровной стены;

A bump on the ceiling is eye catching. – Этот бугор на потолке бросается в глаза.

Представляется значимым и такое положение дел, когда по результатам контекстуального анализа не все признаки небольшого вертикального возвышения в процессе его концептуализации служат основой или источником метафорического образа, но лишь **форма и размер** в силу актуализации сем «a pile of earth» (*mound*), «a large lump or round part which stands out noticeably» (*hump*), «a raised uneven area on a surface» (*bump*).

Заключение. Лингвокогнитивный анализ ЛСГ «небольшая возвышенность» позволил выявить общие когнитивные признаки, свойственные данной концептуально-тематической области. Важными аспектами концептуализации небольшого возвышения являются: **ФОРМА, КОНФИГУРАЦИЯ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЛОКАЦИЯ, РИТУАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ.**

Изучаемая ландшафтная лексика репрезентирует знания о категориях как естественных, так и искусственно созданных объектов, несущих информацию о культуре своих создателей, и относится к таким концептуально-тематическим областям, как ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК. Английские существительные с семантикой небольшой возвышенности концептуализируют фрагменты природного или искусственного ландшафта, и данное знание выводится не только из актуального (текущего) перцептивного опыта и сиюминутного наблюдения: пер-

цептивный источник знания – акт визуального восприятия данных природных объектов когда-то имел место, а сейчас субъект восприятия идентифицирует объект восприятия на основе (структурального) знания, а не наблюдения. Другими словами, когнитивное содержание английских существительных с общей семой «небольшая возвышенность»

репрезентирует не только структуральное знание – форму категоризации информации, являющейся данным, существующим знанием и репрезентирующей опыт поколений, но и феноменологическое знание, обусловленное чувственным (сиюминутным) наблюдением. Двуплановость смысла изучаемых существительных обусловлена зрительным модусом

Список литературы

1. *Николова А.* Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков: сб. ст. Шумен, 2002. С. 59–92.
2. *Корнева В.В.* Наречия и параметры пространственной картины мира: моногр. Воронеж: ВГУ, 2008. 300 с.
3. *Корнева В.В.* Ландшафтная лексика в языковом сознании этноса (по данным ассоциативного словаря) // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2006. № 1. С. 16–23.
4. *Горожанкина Е.М.* Языковая концептуализация вертикального пространства (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 171 с.
5. *Кольцова О.В.* Лингвокогнитивный анализ лексико-семантических групп (на материале ЛСГ «возвышенности» в русском и немецком языках): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 266 с.
6. *Скрынникова И.В.* Вербализация концепта «Пространственная локализация» в англоязычной лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 174 с.
7. *Курьянова Л.А.* Изменения в составе и дистрибуции лексем понятийного поля «возвышенность» от старофранцузского к современному языку // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. 2002. Вып. 4. С. 51–59.
8. *Ракитина О.Н.* Национально-культурная коннотация как семантическая категория (на материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 229 с.
9. *Ольховикова Ю.А.* Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом дискурсе США и ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 211 с.
10. *Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов: На материале некоторых русских глаголов. М.: Наука, 1975. 240 с.
11. *Гольдберг В.Б.* Структурные связи в лексико-семантической системе языка: На материале русского и английского лексико-фразеологических полей «Биологическое существование человека»: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2000. 380 с.
12. *Лаенко Л.В.* Концептуальные основы прилагательных с семантикой сопротивления // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Междунар. конгр. по когнитив. лингвистике / отв. ред. вып. Т.В. Романова. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 231–235.
13. *van Dijk T.A.* Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London: Longman, 1977. 261 p.
14. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 560 с.
15. *Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издат. дом ЯСК, 2018. 480 с.
16. *Болдырев Н.Н.* Гл. I. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25–77.

17. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллектив. моногр. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 17–120.

18. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

References

1. Nikolova A. Kategoriya prostranstva, ee yazykovaya reprezentatsiya i lingvisticheskoe opisaniye [The Category of Space, Its Linguistic Representation and Description]. *Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov* [Cognitive and Functional Description of the Russian and Bulgarian Languages]. Shumen, 2002, pp. 59–92.

2. Korneva V.V. *Narechiya i parametry prostranstvennoy kartiny mira* [Adverbs and the Parameters of Spatial Worldview]. Voronezh, 2008. 300 p.

3. Korneva V.V. Landshaftnaya leksika v yazykovom soznanii etnosa (po dannym assotsiativnogo slovarya) [Landscape Words in Ethnic Language Consciousness (Associative Dictionary Data)]. *Vestnik VGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2006, no. 1, pp. 16–23.

4. Gorozhankina E.M. *Yazykovaya kontseptualizatsiya vertikal'nogo prostranstva (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)* [Linguistic Conceptualization of Vertical Space (Based on the English and Russian Languages): Diss.]. Kemerovo, 2003. 171 p.

5. Kol'tsova O.V. *Lingvokognitivnyy analiz leksiko-semanticheskikh grupp (na materiale LSG "vozvyshennosti" v russkom i nemetskom yazykakh)* [Linguocognitive Analysis of Lexico-Semantic Groups (Based on the Lexico-Semantic Group "Elevation" in Russian and German): Diss.]. Saratov, 2011. 266 p.

6. Skrynnikova I.V. *Verbalizatsiya kontsepta "Prostranstvennaya lokalizatsiya" v angloyazychnoy lingvokul'ture* [Verbalization of the Concept of Spatial Localization in the English-Language Linguoculture: Diss.]. Volgograd, 2004. 174 p.

7. Kur'yanova L.A. *Izmeneniya v sostave i distributsii leksem ponyatiynogo polya "vozvyshennost'" ot starofrantsuzskogo k sovremennomu yazyku* [Changes in the Composition and Distribution of Lexemes of the Conceptual Field "Elevation" from Old French to Modern Language]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2: Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie*, 2002, no. 4, pp. 51–59.

8. Rakitina O.N. *Natsional'no-kul'turnaya konnotatsiya kak semanticheskaya kategoriya (na materiale russkikh i nemetskikh slov, oboznachayushchikh uchastki rel'efa v fol'klornykh tekstakh)* [National Cultural Connotation as a Semantic Category (Based on Russian and German Words Denoting Parts of the Terrain in Folklore Texts): Diss.]. Voronezh, 2005. 229 p.

9. Ol'khovikova Yu.A. *Metaforы so sferoy-istochnikom "Nezhivaya priroda" v politicheskom diskurse SShA i FRG* [Metaphors with the Source Domain "Inanimate Nature" in the Political Discourse of the USA and Germany: Diss.]. Yekaterinburg, 2009. 211 p.

10. Seliverstova O.N. *Komponentnyy analiz mnogoznachnykh slov: Na materiale nekotorykh russkikh glagolov* [Component Analysis of Polysemic Words: Based on Some Russian Verbs]. Moscow, 1975. 240 p.

11. Gol'dberg V.B. *Strukturnye svyazi v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka: Na materiale russkogo i angliyskogo leksiko-frazeologicheskikh poley "Biologicheskoe sushchestvovanie cheloveka"* [Structural Connections in the Lexico-Semantic System of a Language: Based on the Russian and English Lexical-Phraseological Fields "Human Biological Existence": Diss.]. Voronezh, 2000. 380 p.

12. Laenko L.V. *Kontseptual'nye osnovy prilagatel'nykh s semantikoy soprotivleniya* [Conceptual Foundations of Adjectives with the Meaning of Resistance]. Romanova T.V. (ed.). *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVII. Integrativnye protsessy v kognitivnoy lingvistike* [Cognitive Linguistic Research. Iss. 37. Integrative Processes in Cognitive Linguistics]. Nizhny Novgorod, 2019, pp. 231–235.

13. van Dijk T.A. *Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. London, 1977. 261 p.

14. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya*.

Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge: Towards Knowledge About Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in World Cognition]. Moscow, 2004. 560 p.

15. Boldyrev N.N. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and Knowledge System. A Cognitive Theory of Language]. Moscow, 2018. 480 p.

16. Boldyrev N.N. Gl. I. Kontseptual'naya osnova yazyka [Ch. 1. The Conceptual Foundation of Language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke* [Cognitive Linguistic Research. Iss. 4. Conceptualization of the World in Language]. Moscow, 2009, pp. 25–77.

17. Boldyrev N.N. Kategorial'naya sistema yazyka [The Categorical System of Language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. X. Kategorizatsiya mira v yazyke* [Cognitive Linguistic Research. Iss. 10. Categorization of the World in Language]. Moscow, 2012, pp. 17–120.

18. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 242 p. (Russ. ed.: Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafory, kotorymi my zhivem*. Moscow, 2004. 256 p.).

Информация об авторах

Л.В. Лаенко – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Воронежского государственного университета (адрес: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1).

В.В. Пигловская – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Воронежского государственного университета (адрес: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1).

Information about the authors

Lyudmila V. Laenko, Dr. Sci. (Philol.), Prof. at the Department of English Philology, Voronezh State University (address: Universitetskaya pl. 1, Voronezh, 394018, Russia).

Vera V. Piglovskaya, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Department of English Philology, Voronezh State University (address: Universitetskaya pl. 1, Voronezh, 394018, Russia).

Поступила в редакцию 30.10.2023
Одобрена после рецензирования 25.03.2024
Принята к публикации 29.03.2024

Submitted 30 October 2023
Approved after reviewing 25 March 2024
Accepted for publication 29 March 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 81–89.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 81–89.

Научная статья

УДК 811.134.2:81'373

DOI: 10.37482/2687-1505-V350

Персуазивная роль этнонимов в испанском электоральном дискурсе

Ирина Владимировна Смирнова^{1✉}

Елена Станиславовна Коржукова²

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,

¹e-mail: irina-smirnova1402@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1288-4638>

²e-mail: baleares@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0402-5718>

Аннотация. В статье рассматривается персуазивное воздействие этнонимов и этнических категорий на избирателей в испанском электоральном дискурсе. В современном мире механизмы политической коммуникации вызывают все возрастающий интерес, и его проявление объясняется влиянием политических процессов на все сферы жизни общества, на судьбы народов и целых государств, на интересы каждого гражданина. Именно поэтому политические проблемы всегда остаются актуальными. Особенно стоит отметить важную роль электорального дискурса, который имеет ярко выраженное персуазивное воздействие на избирателей. В своей борьбе за власть лидеры и представители испанских политических партий, естественно, стремятся завоевать доверие, оказать на потенциальных избирателей определенное эмоциональное воздействие, побудить к «правильному» электоральному решению – отдать свой голос за их партию. Следует подчеркнуть, что персуазивность имеет не только аргументативный, но и манипулятивный компонент, заставляющий адресата действовать в интересах отправителя сообщения. Одним из речевых персуазивных механизмов испанского электорального дискурса является использование этнонимов в предвыборных программах политических партий. Этнонимы несут в себе ценную информацию, как историческую и этнографическую, так и культурологическую и лингвистическую, и, соответственно, охватывают религиозную, культурную, историческую сферы, а также играют важную роль в межкультурной коммуникации. Этническая идентичность включает в себя стремление народов сохранить свою самобытность, уникальность своей культуры, языка и мировосприятия. Этнонимы позволяют народу как носителю языка идентифицировать собственные черты и стереотипы. Через язык раскрывается суть культурно-духовной и политической жизни. Изучение этнонимов и этнических категорий, а также их функций в политическом дискурсе является актуальной задачей современной лингвистики.

Ключевые слова: этноним, политическая коммуникация, персуазивность, испанский электоральный дискурс, испанский избиратель, испанский народ, этническая идентичность

Для цитирования: Смирнова, И. В. Персуазивная роль этнонимов в испанском электоральном дискурсе / И. В. Смирнова, Е. С. Коржукова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 81-89. – DOI 10.37482/2687-1505-V350.

Original article

Persuasive Role of Ethnonyms in Spanish Electoral Discourse

Irina V. Smirnova¹✉

Elena S. Korzhukova²

^{1,2}Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,

¹e-mail: irina-smirnova1402@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-1288-4638>

²e-mail: balears@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0402-5718>

Abstract. The article examines the persuasive impact of ethnonyms and ethnic categories on the voters in Spanish electoral discourse. In the modern world, the mechanisms of political communication are generating a growing interest. It is explained by the influence of political processes on all spheres of society, the fate of peoples and entire states, and the interests of every citizen. Therefore, political problems remain relevant at all times. The important role of electoral discourse, which has a pronounced persuasive effect on the voters, should be highlighted. When struggling for power, leaders and representatives of Spanish political parties, naturally, strive to establish trust, exert a certain emotional impact on potential voters and induce them to make the “correct” electoral decision, i.e. to vote for their party. It should be noted that persuasiveness has not only an argumentative, but also a manipulative component, forcing an addressee to act in the interests of the sender of the message. One of the persuasive speech mechanisms of Spanish electoral discourse is the use of ethnonyms in the election programmes of political parties. Ethnonyms contain valuable historical, ethnographic, cultural and linguistic information and, accordingly, cover the religious, cultural and historical spheres, as well as play an important role in intercultural communication. Ethnic identity includes the desire of peoples to preserve their identity, the uniqueness of their culture, language and worldview. Ethnonyms allow native speakers to identify their own traits and stereotypes. The essence of cultural, spiritual and political life is revealed through language. Thus, the study of ethnonyms and ethnic categories, as well as their functions in political discourse, is an urgent task of modern linguistics.

Keywords: *ethnonym, political communication, persuasiveness, Spanish electoral discourse, Spanish voter, Spanish people, ethnic identity*

For citation: Smirnova I.V., Korzhukova E.S. Persuasive Role of Ethnonyms in Spanish Electoral Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 81–89. DOI: 10.37482/2687-1505-V350

Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом во многих странах к политической коммуникации, т. к. политика составляет основу жизни общества во всех ее аспектах. Новизна данной статьи состоит в том, что впервые в отечественной испанистике осуществляется лингвопрагматический анализ употребления этнонимов в испанском электоральном дискурсе.

В ходе исследования был изучен ряд научных работ, посвященных анализу этнонимов в официальном дискурсе [1], а также их использованию в репрезентации адресата предвыборного дискурса [2].

Этнос – это такая социальная общность людей, которая сложилась в ходе естественного исторического процесса, имевшего место в те-

чение очень продолжительного непосредственного взаимодействия людей. Данный процесс характеризуется значительной устойчивостью и определенным внутренним единством (общностью языка, культуры и психологического склада) [1, с. 18].

Историческая память играет важную роль в этническом сознании. В историческую память входит информация о совместном преодолении предками тяжелых испытаний в прошлом. Это одна из тех посылок, на которых зиждется осознание членами этноса своей общности [1, с. 27].

Многими лингвистами этноним трактуется в широком смысле – как лексическая единица, в которой репрезентируется признак этнической, политической, конфессиональной или территориальной идентичности.

Мы согласны с мнением М.С. Тейкина о том, что этноним может указывать на принадлежность человека или группы людей к национальности; другое назначение этнонима – обозначать целую общность, т. е. этноним выступает как имя этнической общности [3, с. 131].

Материалом для данной статьи послужили программные документы испанских политических партий – Народной партии Испании (НП – PP), Испанской социалистической рабочей партии (ИСПП – PSOE), левой политической партии Испании «Podemos» («Подемос»), ультраправой национально-консервативной политической партии Испании «Vox» («Голос»), которая была основана 17 декабря 2013 года бывшими членами Народной партии. Целью исследования стал лингвопрагматический анализ употребления этнонимов и этнических категорий в предвыборной риторике испанских политических сил для дискурсивного воздействия на потенциальных избирателей.

Тексты политической направленности характеризуются ориентацией на формирование оценочных суждений, стремлением воздействовать на адресата с помощью системы концептуальных, образных и эмоциональных характеристик. Правильная интерпретация слов отправителя сообщения обеспечивает успешность коммуникации, а в политическом дис-

курсе гарантирует эффективность воздействия акторов на массовую аудиторию [4, с. 135].

По мнению многих ученых, этнонимы обладают так называемой эмотивной компетенцией, которая подразумевает знание общих культурных кодов эмоционального общения, маркеров эмоционально-этнической идентификации речевых партнеров и правил эмоционального общения с ними, а также знание и владение средствами номинации, экспрессии и дискриминации своих и чужих эмоций в обоих лингвокультурных кодах [5, с. 58]. Этнокультурная информация позволяет выяснить особенности этнического сознания представителей различных лингвокультур [6, с. 17].

Современный политический дискурс невозможно представить без этнических категорий, они составляют его неотъемлемую часть. На данной стадии цивилизационного развития политика оказывается той сферой, в которой формируются ценностные установки и стереотипы.

В этом ракурсе категориями, близкими к этнонимам, являются единицы, обозначающие этнические общности, например *нация, страна, народ, этнос* и др. Они тоже выступают средством этнической мобилизации, поскольку позволяют апеллировать к идее этнической или государственной общности [2, с. 237].

Соответственно, трактовка нации как высшего типа этноса привела к тому, что в испанском политическом дискурсе такие категории, как *нация, страна, народ, испанское общество, испанские граждане, испанцы*, становятся синонимичными [7, р. 205].

В культурной памяти этноса в качестве наиболее значимой характеристики его идентичности бережно сохраняется информация о происхождении его имени [8, с. 305]. Имя этноса играет огромную роль в процессах его самоорганизации и самоопределения; этнонимы также важны и при установлении и развитии контактов с другими народами. Этнонимы – способ оповещения о своей этнической группе, поэтому в представлениях народа о себе они несут особую семантическую нагрузку [9, с. 119].

Что значит быть испанцами в понимании самих испанцев? Это значит не только проживать на территории Испании, но и быть свободными, справедливыми, благородными, преданными своему Отечеству, обладать национальным самосознанием, быть потомками первооткрывателей, наследниками славы Х. Колумба. Само использование этнонима *españoles* (испанцы) несет в себе огромное воздействие на потенциальных избирателей в испанском электоральном дискурсе, например:

*Reforzaremos el sistema para facilitar la participación de los españoles en el exterior en los diferentes procesos electorales*¹. – Мы сделаем более доступной систему участия **испанцев** в различных избирательных процессах за границей;

*Ante esta difícil situación los españoles saben que pueden confiar en el PP*². – В условиях этой сложной ситуации **испанцы** знают, что могут доверять Народной партии;

*Los españoles demandan regresar al consenso, la concordia y el diálogo*³. – **Испанцы** требуют вернуться к консенсусу, согласию и диалогу;

*Los españoles hemos sido convocados a las urnas*⁴. – Мы, **испанцы**, были призваны к избирательным урнам.

Одной из распространенных лексем в предвыборных программах испанских политических партий является номинация *ciudadanos/ciudadanía* (граждане), репрезентирующая электорат как совокупность лиц, принадлежащих к постоянному населению государства и пользующихся его защитой:

*La ciudadanía nos identifica mayoritariamente con los logros de la educación y la sanidad públicas...*⁵ – **Граждане** в основном ассоциируют нас с достижениями в сфере образования и здравоохранения...;

*...Es preciso introducir las posibilidades que permiten el avance del conocimiento científico y la innovación tecnológica, de manera que beneficien a todos los ciudadanos*⁶. – ...Необходимо создать возможности, которые позволят ускорить развитие научных знаний и технологических инноваций, и поставить их на службу **граждан**;

*Se han tomado medidas para reabrir el Consulado General en Manchester para mejorar la atención a los ciudadanos españoles en el Reino Unido*⁷. – Были приняты меры для возобновления работы Генерального Консульства в Манчестере, чтобы уделять больше внимания **испанским гражданам**, проживающим в Соединенном Королевстве;

*Hoy en día, y con importante agravamiento como consecuencia de la última crisis, en España no se respetan muchos de los derechos de la ciudadanía que consagra la Constitución española*⁸. – В настоящее время, в условиях тяжелых последствий произошедшего кризиса, в Испании нарушаются многие права **граждан**, которые гарантирует испанская Конституция.

Современная глобализация не может поглотить национальные образы, национально-историческую систему понятий – они слишком глубоко входят в архетип, ментальность народов [10, с. 64].

¹Programa del PP para las Elecciones Generales 2023. P. 26.

²Ibid. P. 16.

³PSOE Programa electoral Elecciones Generales 2023. P. 51.

⁴Ibid. P. 18.

⁵Ibid. P. 23.

⁶Ibid. P. 64.

⁷Ibid. P. 78.

⁸Programa de PODEMOS para un nuevo país 2023. P. 25.

В риторике испанских политических партий используется номинация *pueblo* (*народ*) как исторически сложившаяся общность людей, составляющих население государства и имеющих общие исторические и свойственные только им культурные традиции. Так, например, в тексте предвыборной программы НП читаем:

*Reforzaremos el Plan Nacional de Tauromaquia para que extienda el conocimiento y difusión del arte taurino y potencie el conjunto de actividades alrededor de esta importante tradición de nuestro pueblo*⁹. – Мы разработаем Национальный план по защите Тавромахии, чтобы сохранить и распространить искусство боя быков и проводить мероприятия, связанные с этой важнейшей традицией **нашего народа**.

Феномен корриды отражает глубокий символический смысл и культурные ценности страны. Данный пример подтверждает все сказанное выше об общности и уникальности народных традиций, а также указывает на то, что представители партии обещают сохранить их, если придут к власти.

Номинации *gente* (*gente, personas*), *mujeres* и *hombres* (*mujeres y hombres*) позволяют представить потенциального адресата как обобщенную группу лиц:

*Aprobaremos el nuevo Plan Estratégico de Igualdad de Oportunidades. Este Plan fijará objetivos en materia de igualdad de oportunidades entre mujeres y hombres para los próximos cuatro años*¹⁰. – Мы примем новый Стратегический план равных возможностей. Этот План наметит цели в сфере предоставления равных возможностей **женщинам и мужчинам** в ближайшие четыре года;

*...Facilitaremos más oportunidades para todas las personas*¹¹. – ...Мы предоставим **бóльшие возможности для всех людей**;

*El camino hacia una España más justa que se dibuja en este programa sólo es viable si ponemos las instituciones a la altura de su gente*¹². – Намеченный в нашей программе путь к более справедливой Испании только тогда будет нами успешно пройден, когда мы поставим государственные учреждения на службу **людям**.

С помощью наименования *общество* (*sociedad*) адресат характеризуется как совокупность людей, которых объединяют исторически обусловленные социальные формы совместной жизни и деятельности [11, p. 136]:

*...Es preciso un diálogo permanente con la sociedad para conocer su percepción sobre la satisfacción de sus necesidades*¹³. – ...Необходимо вести постоянный диалог с **обществом**, чтобы знать, как удовлетворить его потребности;

*Nuestra sociedad es consciente de que... tiene el talento y las oportunidades para hacer estos propósitos posibles*¹⁴. – Наше **общество** осознает, что... у него есть талант и возможности, чтобы эти намерения претворить в жизнь.

Номинация *страна* (*país*) репрезентирует электорат как исторически сложившуюся общность людей, проживающих на одной территории, имеющих литературный язык и развитые экономические и политические связи. Данная лексема позволяет представить избирателей как этническое единство и подчеркивает их тесную связь [12, p. 102]:

*Nuestro país debe participar decisivamente en todos los ámbitos internacionales...*¹⁵ – **Наша страна** должна принимать активное участие на всех уровнях в международной сфере...;

...El nuestro es un país plurinacional en el que la inmensa mayoría de sus pueblos conviven

⁹Programa del PP para las Elecciones Generales 2023. P. 47.

¹⁰Ibid. P. 79.

¹¹PSOE Programa electoral Elecciones Generales 2023. P. 112.

¹²Programa de PODEMOS para un nuevo país 2023. P. 116.

¹³PSOE Programa electoral Elecciones Generales 2023. P. 94.

¹⁴Programa de PODEMOS para un nuevo país 2023. P. 72.

¹⁵PSOE Programa electoral Elecciones Generales 2023. P. 129.

*fraternalmente*¹⁶. – ...**Наша страна** – многонациональная, в которой подавляющее большинство народов проживает в братском союзе;

...*El camino que va a seguir España se bifurca en dos caminos muy distintos y serás tú, con tu voto, quien decidirá que dirección tomamos como país*¹⁷. – ...Путь, который выбирает Испания, имеет два разных направления, и именно ты, голосуя, решишь, по какому из них пойдет наша **страна**.

Все эти лексемы позволяют представить собирательный образ электората и затронуть интересы большинства потенциальных избирателей.

Стремление повлиять на электоральный выбор граждан и привлечь на свою сторону как можно большее число избирателей обуславливает использование в предвыборных текстах названий групп лиц, идентифицирующих адресата по возрастным характеристикам (*дети, молодежь*). Несмотря на многочисленность старшего поколения избирателей, именно молодым предстоит развивать страну в будущем. Таким образом адресату внушается, что риторика партии нацелена на будущее:

*Pondremos en marcha una nueva Estrategia Nacional... con especial atención a los jóvenes españoles...*¹⁸ – Мы введем в действие новую национальную Стратегию... в которой особое внимание уделим **испанской молодежи**;

*Ofreceremos acceso prioritario a la tierra para la juventud...*¹⁹ – Мы предоставим **молодежи** преимущественный доступ к владению землей.

Лексема *Испания* (*España*) в испанском политическом электоральном дискурсе является широко востребованной и используется в значении *испанские граждане, испанцы, испанское общество*, т. е. как слово, объединяющее всех под одним этнонимом.

В текстах предвыборных программ испанских политических партий реализуется тактика положительной самопрезентации в рамках лингвопрагматической стратегии персуазивности. Так, многократное употребление в текстах предвыборных программ этнонима с лексически-единицами с ярко выраженной положительной коннотацией является мощным механизмом воздействия на избирателей: *la España democrática, optimista y positiva – демократическая, оптимистичная и позитивная Испания* (ИСПП); *una España estable – стабильная Испания* (НП); *una España más justa – более справедливая Испания*; *España, impulsora de la democracia internacional – Испания как двигатель международной демократии* («Подemos»).

Феномен партии «Vox» любопытен тем, что в Испании впервые за 45 лет появился мощный актер, который ранее занимал маргинальную нишу, а ныне выступает под флагом испанского национализма. «Vox» стала первой партией Испании за последние десятилетия, которая открыто провозглашает защиту испанской национальной идентичности, сохранение территориальной целостности Испании, а также защиту и развитие испанского языка:

*Vox es un movimiento patriótico, netamente español y al servicio de España*²⁰. – Vox – это патриотическое, испанское национальное движение, которое служит интересам **Испании**.

В риторике ИСПП и НП этноним *européo* (*европейский*) часто встречается с этнонимом *español* (*испанский*), причем очевидно стремление продуцента объединить эти два референта. Испания – сторонница объединенной Европы. Основная тема испанского политического дискурса – принадлежность к Евросоюзу и сотрудничество с ним, и потому этнонимы *européo*, *Europa* являются такими же распространенными

¹⁶Programa de PODEMOS para un nuevo país 2023. P. 102.

¹⁷Ibid. P. 105.

¹⁸Programa del PP para las Elecciones Generales 2023. P. 89.

¹⁹Programa de PODEMOS para un nuevo país 2023. P. 109.

²⁰VOX Elecciones Generales 2023. P. 12.

ми, как и *español, España*. Данным способом эксплицируется идея о важной роли Испании в процессе объединения Европы с одной стороны и о необходимости этого объединения для испанцев с другой:

*Con gobiernos socialistas, el PSOE siempre ha logrado posicionarse a España en el centro de la escena global. Lo hicieron los gobiernos de Felipe González, haciendo posible el ingreso de España en la Unión Europea, lo hicieron los gobiernos de José Luis Rodríguez Zapatero, garantizando la presencia permanente de España en el G20²¹. – ИСПП, находясь у власти, всегда добивалась того, чтобы **Испания** была в центре международных процессов. Это удалось сделать правительству Фелипе Гонсалеса, при котором Испания вступила в **Европейский союз**, правительству Хосе Луиса Родригеса Сапате-ро, при котором **Испания** стала постоянным членом G-20;*

*Los y las socialistas tenemos la ambición de que España sea activa, relevante e influyente en la Unión Europea y en el mundo, y de que eso redunde en beneficio de toda la ciudadanía²². – Мы, испанские социалисты, стремимся к тому, чтобы **Испания** играла активную, важную и влиятельную роль в **Евросоюзе** и в мире и чтобы это положительно отражалось на уровне жизни всех ее граждан;*

*Reforzaremos el papel de España y defenderemos los intereses de nuestro país ante los desafíos que la Unión Europea deberá afrontar en los próximos años²³. – Мы усилим роль **Испании** и защитим интересы нашей страны в контексте вызовов, с которыми предстоит столкнуться всему **Евросоюзу** в ближайшие годы.*

Как видим, для представителей ИСПП и НП этноним *européo* (*европейский*) сближается по смыслу с автоэтнонимом.

Одной из важных составляющих дискурса «Vox» является защита суверенитета Испании от внешнего вмешательства. Осуждаются попытки других стран (например, Франции и Германии) влиять на политику Испании. В риторике «Vox» в отличие от ИСПП и НП критике подвергается сама модель Евросоюза, ограничивающая суверенитет государств-членов:

*Nos gusta la Europa que respeta nuestra forma de ser²⁴. – Нам нравится такая **Европа**, которая уважает нашу форму бытия.*

Использование этнонима *Europa* в данном контексте играет важную роль в предвыборной борьбе, т. к. многие граждане Испании разделяют эту позицию партии.

Миграционные потоки в риторике «Vox» характеризуются как «лавина», несущая в себе большую опасность: рост преступности и экономические риски для местных жителей. Представители этой партии используют такую метафорическую политическую модель: Испания – наш дом, который защитит испанцев от нелегальной миграции, от незваных гостей:

Los españoles deciden quién entra en nuestra casa²⁵. – Решают испанцы, кого впускать в свой дом.

В приведенном примере *nuestra casa* (*наш дом*) – это метафоризация лексемы *Испания*.

Итак, этнонимы несут в себе определенную ценную историческую, этнографическую, культурологическую и лингвистическую информацию.

Этнонимы существуют не сами по себе, а входят в смысловые темы дискурсов. Так, в испанском электоральном дискурсе они не только являются основным средством национальной и территориальной идентификации и самоидентификации, но и содержат дополнительные эмо-

²¹PSOE Programa electoral Elecciones Generales 2023. P. 190.

²²Ibid. P. 204.

²³Programa del PP para las Elecciones Generales 2023. P. 121.

²⁴VOX Elecciones Generales 2023. P. 83.

²⁵Ibid. P. 95.

тивные компоненты значения. Кроме того, имеют еще и манипулятивное воздействие на потенциальных избирателей, поскольку провоцируют у адресата чувство солидарности и готовность принять «правильное» электоральное решение.

Если адресант и адресат сообщения принадлежат к одному лингвокультурному сообществу, они разделяют не только общие знания и представления, но и общие национальные и культурные ценности. Адресант опирается

на те ценности, которые реципиент наверняка воспримет как наиболее значимые, что имеет огромное значение для политических партий и движений в борьбе за власть.

Итак, нами впервые на материале испанского языка показано, что этнонимы и этнические категории активно используются в испанском электоральном дискурсе, т. к. являются мощным средством этнической мобилизации и апеллируют к идее этнической и государственной общности.

Список литературы

1. Лучинина Е.Н. Лингвокультурологический анализ этнонимов в официальном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2005. 143 с.
2. Яппарова В.Н. О некоторых способах репрезентации адресата предвыборного дискурса // Филология и культура. 2014. № 4(38). С. 235–239.
3. Тейкин М.С. Ономастический статус этнонимов и вопрос их передачи с прописной буквы // Теорет. и приклад. лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 126–142. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_126
4. Голубева В.К. О функциональном соотношении адъективных и субстантивных средств при выражении семантики принадлежности // Русский язык: система и функционирование. К 100-летию Белорусского государственного университета: материалы IX Междунар. конф. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2021. С. 130–137.
5. Шаховский В.И. Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?) // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология / под ред. проф. О.А. Леонтович. Волгоград: Перемена, 2003. С. 55–64.
6. Тейкин М.С. Статус этнонима в ономастике // Гуманитарные науки в Якутии: Исследования молодых ученых. Якутск, 2020. Вып. 4. С. 15–19.
7. Escandell Vidal M.V. Introducción a la pragmática. Barcelona: Ariel, 2008. 250 p.
8. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Яз. рус. культуры, 1996. 464 с.
9. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
10. Астахова Е.В. Испания как метафора: моногр. М.: МГИМО-Ун-т, 2017. 275 с.
11. Fernández Lagunilla M. La lengua en la comunicación política. Madrid: Arco/Libros, 1999. 192 p.
12. Gutiérrez Ordóñez S. Pragmática y argumentación. Cáceres, 1996. 119 p.

References

1. Luchinina E.N. *Lingvokul'turologicheskiy analiz etnonimov v ofitsial'nom diskurse* [Linguocultural Analysis of Ethnonyms in Official Discourse: Diss.]. Tver, 2005. 143 p.
2. Yapparova V.N. O nekotorykh sposobakh reprezentatsii adresata predvybornogo diskursa [Ways of Representing the Addressee of Pre-Election Discourse]. *Filologiya i kul'tura*, 2014, no. 4, pp. 235–239.
3. Teikin M.S. Onomasticheskiy status etnonimov i vopros ikh peredachi s propisnoy bukvy [The Propriality of Ethnonyms and the Problem of Their Capitalisation]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2023, iss. 9, no. 1, pp. 126–142. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_126
4. Golubeva V.K. O funktsional'nom sootnoshenii ad'ektivnykh i substantivnykh sredstv pri vyrazhenii semantiki prinadlezhnosti [On the Functional Ratio of Adjectival and Nominal Means When Expressing the Semantics of

Belonging]. *Russkiy yazyk: sistema i funkcionirovanie. K 100-letiyu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Russian Language: System and Functioning. To the Centenary of the Belarusian State University]. Minsk, 2021, pp. 130–137.

5. Shakhovskiy V.I. Emotsional'naya/emotivnaya kompetentsiya v mezhkul'turnoy kommunikatsii (est' li neemotsional'nye kontsepty?) [Emotional/Emotive Competence in Intercultural Communication (Are There Non-Emotional Concepts?)]. Leontovich O.A. (ed.). *Kommunikativnye issledovaniya 2003: Sovremennaya antologiya* [Communicative Research 2003: A Modern Anthology]. Volgograd, 2003, pp. 55–64.

6. Teykin M.S. Status etnonima v onomastike [The Status of Ethnonyms in Onomastics]. *Gumanitarnye nauki v Yakutii: Issledovaniya molodykh uchenykh* [The Humanities in Yakutia: Young Scholars' Research]. Yakutsk, 2020. Iss. 4, pp. 15–19.

7. Escandell Vidal M.V. *Introducción a la pragmática*. Barcelona, 2008. 250 p.

8. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Within the Thinking Worlds. Human – Text – Semiosphere – History]. Moscow, 1996. 464 p.

9. Bromley Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnicity]. Moscow, 1983. 412 p.

10. Astakhova E.V. *Ispaniya kak metafora* [Spain as a Metaphor]. Moscow, 2017. 275 p.

11. Fernández Lagunilla M. *La lengua en la comunicación política*. Madrid, 1999. 192 p.

12. Gutiérrez Ordóñez S. *Pragmática y argumentación*. Cáceres, 1996, 119 p.

Информация об авторах

И.В. Смирнова – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76).

Information about the authors

Irina V. Smirnova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Spanish Language Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russia).

Е.С. Коржукова – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76).

Elena S. Korzhukova, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof. at the Spanish Language Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (address: prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russia).

Поступила в редакцию 27.11.2023

Одобрена после рецензирования 26.03.2024

Принята к публикации 29.03.2024

Submitted 27 November 2023

Approved after reviewing 26 March 2024

Accepted for publication 29 March 2024

Табачников Ю.Ю.

Способы выражения коммуникативных угроз негативному лицу адресата и адресанта...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 90–99.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 90–99.

Научная статья

УДК 811.112.2:81'37

DOI: 10.37482/2687-1505-V351

Способы выражения коммуникативных угроз негативному лицу адресата и адресанта в немецкой лингвокультуре

Юрий Юрьевич Табачников

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

e-mail: tabachnikov_y@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3664-277X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о способах выражения коммуникативных угроз негативному лицу адресата и адресанта в немецкой лингвокультуре на материале современной художественной литературы немецкоязычных авторов. Под негативным лицом подразумевается желание коммуниканта быть неподверженным каким-либо действиям (к примеру, просьбам, приказам, советам и др.) со стороны других участников коммуникации. Проблеме вежливости в коммуникации посвящен целый ряд научных работ. Наиболее значительный вклад в исследование данной темы внесли американские социолингвисты П. Браун, С. Левинсон, Дж. Лакофф, немецкие языковеды Н. Никсдорф, А. Царенд, а среди отечественных экспертов необходимо выделить Т.В. Ларину. На труды именно этих ученых опирается автор данной статьи. Коммуникативная категория вежливости, в особенности негативной, играет значительную роль в современном повседневном немецком языке. Целью настоящей работы являются определение актуальных для современного немецкого языка способов выражения коммуникативных угроз негативному лицу адресата и адресанта, а также анализ эффектов, оказываемых ими на дальнейший ход коммуникации. Практическая часть статьи базируется на применении метода лингвокультурологического анализа. В результате исследования практического и теоретического материала были выявлены особенности коммуникативной вежливости в немецком языке: широкое применение находит именно негативная вежливость (случаи употребления стратегий позитивной вежливости встречаются реже). При этом речь идет о ликоугрожающих актах (просьбах, советах, приказах, угрозах и др.), направленных как на адресата, так и на адресанта. Основываясь на результатах исследования, можно прийти к выводу об актуальности дальнейшего рассмотрения данного вопроса, а также важности освоения коммуникативной категории вежливости при изучении немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: негативное лицо, негативная вежливость, коммуникативная вежливость, коммуникативная угроза, ликоугрожающий акт, адресат, адресант, немецкая лингвокультура

Для цитирования: Табачников, Ю. Ю. Способы выражения коммуникативных угроз негативному лицу адресата и адресанта в немецкой лингвокультуре / Ю. Ю. Табачников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 90-99. – DOI 10.37482/2687-1505-V351.

Original article

Means of Expressing Communicative Threats to the Addressee's and Addresser's Negative Face in German Linguoculture

Yuriy Yu. Tabachnikov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

e-mail: tabachnikov_y@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3664-277X>

Abstract. This article analyses the ways of expressing communicative threats to the negative face of the addresser and addressee in German linguoculture based on the material of modern fiction by German-speaking authors. Negative face is understood as the interlocutor's desire not to be subjected to any actions (requests, orders, advice, etc.) by other communicants. A number of scholarly works focus on politeness in communication; the most significant contribution to the topic has been made by American sociolinguists P. Brown, S. Levinson and G. Lakoff, German linguists N. Nixdorf and A. Zarend, as well as Russian researcher T.V. Larina. This paper is based on the works of the aforementioned scholars. The communicative category of politeness, negative politeness in particular, plays a significant role in modern everyday German. The article aimed to determine the ways of expressing communicative threats to the negative face of the addresser and addressee that are relevant to the modern German language, as well as to analyse their effects on the further course of communication. The practical part of the study is based on the method of linguocultural analysis. As a result, specific features of communicative politeness in German were identified: it is negative politeness that is most widespread (positive politeness strategies are less commonly used). This applies to face-threatening acts (requests, advice, orders, threats, etc.) aimed at both the addressee and the addresser. Based on the results of the research, a conclusion is made about the relevance of further study into this topic as well as the importance of mastering the communicative category of politeness when studying German as a foreign language.

Keywords: *negative face, negative politeness, communicative politeness, communicative threat, face-threatening act, addressee, addresser; German linguoculture*

For citation: Tabachnikov Yu. Yu. Means of Expressing Communicative Threats to the Addressee's and Addresser's Negative Face in German Linguoculture. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 90–99. DOI: 10.37482/2687-1505-V351

Целенаправленно либо же сами того не сознавая люди, как правило, стремятся следовать максимам вежливого общения: выстраивают процесс обмена информацией так, чтобы как можно больше внимания уделить лицу партнера по коммуникации, пусть даже в ущерб своему собственному лицу, под которым понимается социальный образ человека в обществе. В определенных коммуникативных ситуациях лицо может быть повреждено или потеряно,

чем и объясняется применение собеседниками стратегий вежливости. Подобное коммуникативное поведение считается вежливым, а пренебрежение данными максимами – грубостью в общении [1].

Вежливость предполагает действия, предпринимаемые коммуникантами с тем, чтобы избежать потенциального нарушения социальных норм, а также норм межличностного общения [2]. Существует целый ряд разнородных

дефиниций вежливости, при которых учитываются разнообразные факторы и элементы. Некоторые исследователи предлагают придерживаться точки зрения, что вежливость всегда имеет своей целью одно из двух: либо стремление, чтобы собеседник чувствовал себя комфортно, либо желание включить его в дискурс [3].

В отечественной лингвистике категория «вежливость» рассматривается в различных аспектах [4]. Проблема лингвокультурного компонента вежливости составляет один из важных элементов современного языкознания. Наиболее обстоятельное описание категории вежливости, включая ее национально-культурные, социоэтические, коммуникативные характеристики, представлено в работах Т.В. Лариной [5]. Отечественные лингвисты понимают коммуникативную стратегию вежливости как обусловленную особыми национальными чертами коммуникативную категорию, состоящую из клишированных, ритуализированных механизмов речевого поведения и направленную на бесконфликтное установление, поддержание и завершение межличностного общения [6].

В связи с тем что для реализации механизмов вежливости существуют как лингвистические, так и нелингвистические средства, данную категорию принято рассматривать в качестве социолингвистической, социопрагматической, коммуникативной компетенции носителей того или иного языка. Отсюда американский лингвист Дж. Лакофф полагает, что вежливость является набором вербальных средств для содействия ходу коммуникации [7].

Среди немецкоязычных ученых, исследующих проблему вежливости в коммуникации, можно выделить Н. Никсдорф и А. Царенд, чьи работы внесли значительный вклад в изучение данного вопроса. Н. Никсдорф рассматривала коммуникативные стратегии немцев, англичан и русских (как носителей языка, так и тех, кто владеет языком как иностранным). В рамках лингвистической прагматики и теории речевых актов на примере речевых актов «комплимент», а также «предложение к выполнению какого-либо действия» немецкий языковед анализи-

ровала особенности вежливости в коммуникации, в т. ч. межкультурной [8, р. 7–14]. Автор приходит к выводу, что конструкции вежливости в английском языке зачастую безличны и неопределенны, т. е. не направлены непосредственно на адресата и имеют в своем составе неопределенные местоимения, а в немецком и русском языках, наоборот, определены [8, р. 110–111].

А. Царенд описывает корпус текстов – примеры деловой коммуникации носителей русского языка с немецкоязычными коллегами. Анализу при этом подвергается выбор коммуникантами языковых средств, обуславливаемый разностью культур и принятыми в них нормами вежливости [9, р. 13–17, р. 79–97]. На основе проанализированного материала А. Царенд заключает, что культурные особенности действительно имеют характерные черты. Это касается форм приветствия и прощания с собеседником, клишированных норм обращения к партнеру по коммуникации и т. д. Отличия русского и немецкого лингвокультурных сообществ в аспекте вежливости также проявляются на уровне частотности применения стратегий вежливости, на уровне фонетики (к примеру, в русском языке в отличие от немецкого вежливость может выражаться и посредством просодики) и др. [9, р. 154–156].

Вежливость – понятие универсальное. Тем не менее в каждом языке имеются собственные нормы вежливости, обусловленные социальными и культурными ценностями данного лингвокультурного сообщества [10]. Средства выражения вежливости в языке напрямую зависят от структуры общества и моделей социального поведения, которые в нем приняты. Кроме того, можно выделить и некоторые структурные отличия [11].

В процессе коммуникации люди, как правило, воспринимают и оценивают друг друга непосредственно с позиций особенностей своей культуры и принятых в ней норм и стандартов – это нередко является причиной проблем в межкультурной коммуникации, поводом для возникновения недопониманий и культурных стереотипов [11].

Исследователи отмечают недопустимость ретрансляции норм одной культуры в другую [12]. Успешность реализации стратегий вежливости в рамках речевого акта зависит от социокультурных переменных (авторитета человека, его возраста, пола, социальной дистанции между участниками общения) [13], а выражение и употребление стратегий и механизмов вежливости обуславливаются 4 социальными факторами: составом участников коммуникации, социальным контекстом, темой и целью общения [14].

На вежливость оказывают влияние не только культурный и социальный багаж человека, но и исторические и географические элементы лингвокультурного сообщества. В связи с этим, учитывая особенности современного общества в условиях глобализации (когда носители целого ряда различных культур взаимодействуют друг с другом на ежедневной основе), нельзя переоценить значение владения коммуникантом всеми нюансами коммуникативной вежливости, что подтверждает актуальность данного исследования [15].

На вербальном уровне коммуникативная категория вежливости выражается посредством механизмов речевого этикета. Как пишет Н.Л. Соколова, «вербально-коммуникативная вежливость – это исторически предписанная данным языковым сообществом социальная норма вербального поведения, принятая его членами по умолчанию и обслуживающая повседневные ситуации общения с целью поддержания устойчивого климата толерантности, уважения, субординации, доброжелательности и мирного сосуществования в межличностном общении членов социума и в социуме в целом» [16].

Н.Л. Соколова также подчеркивает, что речевой этикет и понятие вежливости имеют тесную связь и зависят друг от друга: «...одно является выразителем другого, и, соответственно, черты, присущие речевому этикету, присущи и вербально-коммуникативной вежливости. Вторых, единицы речевого этикета, так же как и вербально-коммуникативные акты вежливости

(обе сущности, по сути, являются одним и тем же), многократно и на постоянной основе проявляются в живой повседневной речи членов социума и функционируют по законам сочетаемости друг с другом и взаимозависимости друг от друга в рамках диалогических/полилогических единств в стереотипных разговорных ситуациях» [16]. Некоторые авторы предлагают понимать вербальную вежливость в качестве базового прагматического принципа, направленного на соблюдение социального равновесия в условиях коммуникации [17].

Правила вежливости, составляющие ядро этического аспекта коммуникативного акта, систематизируются в форме максим, постулатов и принципов коммуникации. Успех любой социально обусловленной межличностной коммуникации зависит от следования коммуникантами этическим нормам, среди которых именно вежливости отведена ключевая роль. Лицо каждого отдельного участника коммуникации находится в непосредственной связи с партнером по общению: повредив лицо адресата, адресант также наносит урон и своему лицу, т. к. в подобном случае страдает и ход коммуникации в принципе. Исследователи ссылаются на работы, согласно которым вежливость может быть разделена на три уровня [5]:

- базовая (обуславливается традициями и обычаями в повседневной коммуникации);
- кодифицированная (регулирует поведение коммуникантов в определенных социальных ситуациях и регламентируется этикетом; носит церемониальный характер и корректирует поведение говорящего вне зависимости от адресата);
- рефлексивная, или индивидуальная (обуславливается лишь самим адресантом в каждой отдельно взятой коммуникативной ситуации, объединяет в себе элементы как базовой, так и кодифицированной вежливости).

Негативная вежливость в сравнении с позитивной более формализована: существует определенный набор норм этикета, позволяющих коммуникантам избегать или нивелировать повреждающие негативное лицо собеседника речевые акты. Говоря о негативной вежливости,

также необходимо отметить значимость горизонтальной социальной стратификации: нормы этикета имеют непосредственную связь с социальным рангом партнеров по коммуникации (стоит ли коммуникант на социальной лестнице выше, на одном уровне или же ниже остальных собеседников). То же самое касается и социальной дистанции, играющей важную роль в рамках как позитивной, так и негативной вежливости. Вежливость, таким образом, представляет собой сложный социокультурный феномен [11].

Теория вежливости американских социолингвистов П. Браун и С. Левинсона заложила основы для изучения данного вопроса в языкознании [18]. Согласно П. Браун и С. Левинсону, если адресант обладает меньшей властью, чем адресат, он будет стремиться применять стратегии позитивной вежливости – и наоборот: при общении с адресатом, стоящим выше говорящего (с руководителем или др.), последний употребит стратегии негативной вежливости. В то же время негативная вежливость применяется и в ситуациях коммуникации между собеседниками, имеющими равное социальное положение [19]. Американские исследователи выделяют целый ряд угрожающих негативному лицу речевых актов [2].

На сегодняшний день опубликовано множество трудов, посвященных проблеме вежливости в коммуникации, но работы на эту тему именно в аспекте художественной литературы не так многочисленны [20], поэтому считаем актуальным рассмотреть угрожающие негативному лицу коммуникантов речевые и неречевые акты в немецком языке на примерах диалогов персонажей произведений современных немецкоязычных писателей.

Среди основных угрожающих негативному лицу собеседника актов можно выделить следующие: приказы, предложения, предположения, советы, просьбы, угрозы, предупреждения,

обещания [10]. Другими словами, директивные речевые акты, несущие в себе высокий уровень угрозы негативному лицу адресата ввиду свойственной им иллокутивной силы (направленного на слушателя речевого воздействия). Целью директивов является побуждение адресата к выполнению того или иного действия:

„*Aber ich bitte Sie, mir zu helfen, seinen Mörder zu finden. Der andere Fall geht Sie nichts an*“.

„*Der Mord geht mich auch nichts an*“¹. –

«*Но я прошу Вас помочь мне найти его убийцу. Другое расследование Вас не касается*».

«*Убийство меня тоже не касается*»².

Как видно из данного примера, адресант, оформляя свою просьбу, употребляет актуализатор вежливости «*bitte*», но даже это не помогает ему добиться положительного ответа от адресата: импозиция, которую несут в себе побудительные речевые акты просьбы, слишком значительна и потому все-таки повреждает негативное лицо собеседника – он не соглашается выполнить просьбу адресанта. Можно также привести следующий пример побудительного речевого акта – приказа, где адресант добивается своей коммуникативной цели:

„*Setz dich!*“ *befahl Blank*.

*Joe gehorchte*³. –

«*Садись!*» – *скомандовал Бланк*.

Джо послушался.

Угрозы, предупреждения, вызовы – еще несколько из часто встречающихся угрожающих негативному лицу речевых актов (адресант показывает, что выполнение/невыполнение адресатом какого-либо действия будет иметь определенные последствия):

„*Wir kommen in der nächsten Ausgabe mit der Fusionsgeschichte*“.

„*Das werden Sie nicht*“. *Es klang wie eine Feststellung*.

¹Leon D. *Schöner Schein*. Diogenes Verlag, 2010. S. 52.

²Здесь и далее представлен перевод автора настоящей статьи.

³Suter M. *Die dunkle Seite des Mondes*. Diogenes Verlag, 2000. S. 136.

„Und was gedenken Sie dagegen zu tun?“

„Ihnen das Genick brechen“.

Müllers Lächeln erlosch...

„Wenn Sie Ihr diffuses Gerücht auch nur mit einer einzigen Silbe erwähnen, werde ich Ihren ungewaschenen Hals umdrehen...“⁴ –

«В следующем выпуске мы напишем про историю с поглощением».

«Вы этого не сделаете». Это прозвучало как констатация факта.

«И что же вы намереваетесь для этого сделать?»

«Проломить Вам затылок».

Улыбка пропала с лица Мюллера...

«Если Вы только упомянете этот голословный слух, я сверну Вам шею...»

Прямая угроза (*wenn Sie... , werde ich...*) наносит колоссальный урон негативному лицу собеседника (особенно это касается немецкой лингвокультуры, в которой подобный речевой акт встречается довольно редко). Следующий пример также демонстрирует выражение сильных негативных эмоций по отношению к адресату, таких как ненависть, злость, желание (адресант выражает потенциальную мотивированность нанесения вреда адресату или его собственности):

„Raus!“, zischte Röhn und zeigte zur Tür. „Oder ich lasse Sie entfernen“.

Winter und Adler fassten Emmerich am linken und rechten Arm und bugsierten ihn in Richtung Ausgang.

„Wir sehen uns wieder“, rief der Inspektor⁵. –

«Вон! – зашипел Рён и указал на дверь. – Или я распоряжусь, чтобы Вас вывели».

Винтер и Адлер взяли Эммериха под руки и отбуксировали его в направлении выхода.

«Мы еще встретимся», – крикнул инспектор.

Крича и выгоняя подчиненных, инспектор повреждает их негативное лицо. Именно благодаря употреблению данного речевого акта

и отсутствию в реплике каких-либо стратегий вежливости адресант добивается своей коммуникативной цели. Ср. также другой пример:

Er zeigte auf die Tür.

„Aber...“

„Nichts aber. Kümmern Sie sich um Ihren Fall. Und jetzt raus“.

Missmutig trat Emmerich hinaus auf den Flur⁶. – Он указал на дверь.

«Но...»

«Никаких но. Разбирайтесь со своим раследованием. А теперь – вон».

Недовольный Эммерих вышел в коридор.

В грубой форме указывая Эммериху на дверь, начальник наносит урон его негативному лицу, что следует из реакции подчиненного – он недоволен. Не желая слушать Эммериха, а также не употребляя никаких стратегий вежливости при оформлении просьбы выйти из кабинета, старший по званию добивается своей коммуникативной цели ценой повреждения лица собеседника.

Предложения совершить какое-либо действие также повреждают негативное лицо участника коммуникации – как видно по реакции адресата из следующего примера, предложение адресанта застало его врасплох:

„Wollen wir?“

Emmerich sah ihn irritiert an. „Jetzt gleich?“

„Aber natürlich. Worauf warten?“⁷ –

«Давайте?»

Эммерих непонимающе поглядел на него. «Прямо сейчас?»

«Ну, разумеется. Чего нам ждать?»

Вероятно, применив помимо модального глагола «wollen» и другие механизмы вежливости (в частности, употребив Konjunktiv, неопределенно-личное местоимение «man» или др.), адресант уменьшил бы импозицию своего побудительного речевого акта и тем самым снизил бы угрозу негативному лицу собеседника.

⁴Suter M. Op. cit. S. 126.

⁵Beer A. Der letzte Tod. Limes Verlag, 2021. S. 136.

⁶Ibid. S. 92.

⁷Ibid. S. 153.

Среди актов, угрожающих негативному лицу непосредственно адресанта, можно выделить следующие: выражение благодарности (адресант принимает положение должника по отношению к адресату за какую-то услугу и др.):

„Doch wenn Sie Zeit haben, können Sie gerne mit ins Reservat kommen...“

„Gerne. Vielen Dank“, sagte Sam⁸. –

«Но если у Вас есть время, Вы бы могли отправиться со мной в резервацию...»

«С удовольствием. Большое спасибо», – сказала Сэм.

Учитывая нужды негативного лица собеседницы, Сэм в ответ на оказываемую ей услугу выражает женщине благодарность в рамках соответствующей стратегии негативной вежливости.

Еще один пример – принятие благодарности или извинений от адресата (адресанта в неловкое положение ставит оправдание «что вы/не стоит/пустое» и т. д.):

„Es tut mir leid, es ist alles meine Schuld“, sagten beide und stockten.

„Ich war so ein Dummkopf“, sagte er heiser.

„Ich war ungerecht“, sagte Marie...

„Ich war so dumm“, sagte er in ihr Haar...⁹ –

«Мне жаль, это все моя вина», – сказали оба и загнулись.

«Я был таким идиотом», – хрипло сказал он.

«Я была не права», – сказала Мари...

«Я был таким глупым», – сказал он...

Обоюдно извиняясь друг перед другом, коммуниканты поочередно повреждают собственное лицо в попытке учесть нужды лица собеседника. Признавать свою вину и извиняться, как нам кажется, является довольно действенным, простым и распространенным способом соблюсти нормы вежливости в коммуникации. Ср. также:

„Vielen Dank, Dr. Martin“, sagte Sam...

„Gerne“, sagte Dr. Martin. „Keine Ursache“¹⁰. –

«Большое спасибо, доктор Мартин», – сказала Сэм...

«Не за что», – сказал доктор Мартин. – Пустяки».

Выражая благодарность доктору за оказанную услугу, Сэм удовлетворяет потребности его негативного лица, за что тот также благодарит ее в ответ. Таким образом, мы понимаем, что нужды лица адресата соблюдены.

Принятие предложений (о помощи) также ставит адресанта в положение долга перед адресатом:

„Darf ich die mitnehmen?“, fragte Brunetti und wies auf die Kopien.

„Selbstverständlich. Wie gesagt, ich bin Ihnen einen Gefallen schuldig“¹¹. –

«Могу ли я их забрать?» – спросил Брунетти, указывая на копии.

«Разумеется. Как и говорила, я у Вас в долгу».

Для немецкоязычной культуры, относящейся к индивидуалистскому типу, ключевое значение имеют такие ценности, как независимость, личная свобода, невмешательство, избегание коммуникативного давления. Также немаловажным являются выражение симпатии, дружественного и уважительного отношения к собеседнику, демонстрация принадлежности к одной группе – все это, как правило, осуществляется при помощи соответствующих стратегий позитивной вежливости [21], некоторые из которых были проиллюстрированы нами.

Исследователи приходят к выводу, и мы также соглашаемся с ними, что именно вежливость дистанцирования (т. е. негативная вежливость, характерными особенностями которой можно назвать сдержанность, осторожность в высказываниях и проч.) является отличитель-

⁸Buchholz F. Blutrodeo. Pendragon Verlag, 2022. S. 102.

⁹Knobelsdorf R. Ein fremder hier zu Lande. Bastei Entertainment, 2022. S. 399.

¹⁰Buchholz F. Op. cit. S. 148.

¹¹Leon D. Op. cit. S. 138.

ной чертой коммуникации в сегодняшнем немецкоязычном лингвокультурном сообществе [22]. Согласно проанализированным в рамках данного исследования практическим материалам, наибольшую угрозу успешному достижению коммуникативных целей несут в себе такие речевые акты из числа повреждающих негативное лицо собеседника, как просьбы, советы, приказы, угрозы, выражение/принятие благодарности, демонстрация неконтролируемых эмоций.

Употребление данных речевых актов может нарушить нормальный ход коммуникации: собеседник может быть расстроен, смущен или др., что, как правило, затрудняет дости-

жение коммуникативной цели. Существует целый ряд стратегий и механизмов минимизации исходящей от подобных речевых актов угрозы лицу собеседника: это могут быть модальные глаголы, актуализаторы вежливости, неопределенно-личное местоимение «man» и проч. Однако не все они на сегодняшний день в равной степени эффективны и употребимы. Основываясь на этом, мы заключаем, что дальнейшее рассмотрение данного вопроса и применение результатов исследования представляются актуальными в рамках освоения немецкого языка как иностранного, а также в аспекте изучения особенностей межкультурного общения.

Список литературы

1. *Makhmarazhabova R.* On the Relationship Between Indirectness and Politeness // *Cent. Asian Res. J. Interdiscip. Stud.* 2022. № 2. P. 276–281.
2. *Ardila I.* The Analysis of Negative Politeness Strategies Used by the Characters in “Perfume, The Story of a Murderer” Movie // *Al-Risalah.* 2017. Vol. 13, № 1. P. 21–36.
3. *Afriana A., Ambalegin A., Suhardianto S.* Negative Politeness Strategies in Batam Companies’ English Business Letter // *IdeBahasa.* 2023. Vol. 5, № 1. P. 71–80. <https://doi.org/10.37296/idebahasa.v5i1.99>
4. *Кириленко С.В.* Социолингвистические маркеры власти и солидарности в коммуникации говорящих // *Социолингвистика.* 2022. Т. 4, № 12. С. 140–153. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-12-140-153>
5. *Takhtarova S.* Communicative Category of Mitigation and Politeness // *Sci. Eur.* 2019. № 45. P. 59–62.
6. *Ладонина Н.А.* Реализация стратегии негативной вежливости в современном политическом дискурсе (на примере выступлений Б. Джонсона и Д. Корбина) // *Соврем. исслед. соц. проблем.* 2020. Т. 12, № 1. С. 123–134. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-1-123-134>
7. *Surowati R.* The Politeness Strategies Used by the Students with Regional Multicultural Background // *Nobel.* 2021. Vol. 12, № 1. P. 111–135. <https://doi.org/10.15642/NOBEL.2021.12.1.112-135>
8. *Nixdorf N.* Höflichkeit im Englischen, Deutschen, Russischen. Ein interkultureller Vergleich am Beispiel von Ablehnungen und Komplimentenwiderungen. Tectum Verlag, 2002. 236 S.
9. *Zarend A.* Höflichkeit in der interkulturellen Kommunikation Russisch-Deutsch. Frank & Timme, 2015. 324 S.
10. *Aditiawarman M., Elba R.P.* The Politeness Strategies Used in the Movie *The Chronicles of Narnia* // *J. Ilm. Lang. Parole.* 2018. Vol. 2, № 1. P. 32–38. <http://dx.doi.org/10.36057/jilp.v2i1.331>
11. *Lutfullayeva A.Z.* Politeness: Socio-Cultural and Communicative-Strategic Features of the Norm // *Orient. Renaiss. Innov. Educ. Nat. Soc. Sci.* 2023. № 3. P. 231–237.
12. *Мухалева Е.И., Пушкинина И.В.* Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // *Вестн. МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Яз. образование.* 2022. № 1(45). С. 113–124.
13. *Hovsepyan G.* Politeness Strategies in English and Armenian: Directness vs. Indirectness // *Armen. Folia Angl.* 2011. Vol. 7, № 2. P. 30–35. <https://doi.org/10.46991/AFA/2011.7.2.030>
14. *Nurlayli R., Widyastuti W.* Negative Politeness Strategies Used by American Girl in TV Series *Emily in Paris* // *J-Lalite J. Engl. Stud.* 2022. Vol. 3, № 1. P. 85–98. <http://dx.doi.org/10.20884/1.jes.2022.3.1.5935>
15. *Al-Zurfi A.* Politeness Strategies and EFL Context of University // *Int. J. Mech. Eng.* 2022. Vol. 7, № 2. P. 115–122.

16. Соколова Н.Л. Вербальный акт вежливости: корреляция с речевым этикетом (на материале английского языка) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2021. Т. 14, № 8. С. 2523–2528. <https://doi.org/10.30853/phil210406>
17. Шамахмудова А.Ф. Лингвистическая стратегия вежливости как регулятор вербальных взаимодействий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2021. № 7(453). С. 159–167. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10721>
18. Глушкова С.Ю., Аликберова А.Р. Стратегии вежливости в компьютерно-опосредованной связи в публичных чатах WECHAT // Соврем. востоковед. исслед. 2022. Т. 4, № 3. С. 38–45. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-38-45>
19. Khoirunnisa N.Y.L., Hardjanto T.D. Politeness Strategies of Disagreement by English Native Speaker Students // Lexicon. 2018. Vol. 5, № 1. P. 19–27. <http://dx.doi.org/10.22146/lexicon.v5i1.41271>
20. Pristiwati R., Rustono R., Prabaningrum D. Politeness Strategies of Metaphorical Expression in Tegal Short Stories // ISET 2019. EAI, 2019. <http://dx.doi.org/10.4108/cai.29-6-2019.2290424>
21. Gazizov R.A., Lenets A.V., Takhtarova S.S. Electronic Communication in the Aspect of Linguistic Politeness (Based on the Material of German Linguoculture) // Sci. J. Volgogr. State Univ. Linguist. 2019. Vol. 18, № 3. P. 162–171. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.13>
22. Имбер С.Ю. Негативная вежливость в немецкоязычной онлайн-коммуникации (на примере Reddit) // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2023. № 5(873). С. 45–52.

References

1. Makhmarazhabova R. On the Relationship Between Indirectness and Politeness. *Cent. Asian Res. J. Interdiscip. Stud.*, 2022, no. 2, pp. 276–281.
2. Ardila I. The Analysis of Negative Politeness Strategies Used by the Characters in “Perfume, The Story of a Murderer” Movie. *Al-Risalah*, 2017, vol. 13, no. 1, pp. 21–36.
3. Afriana A., Ambalegin A., Suhardianto S. Negative Politeness Strategies in Batam Companies’ English Business Letter. *IdeBahasa*, 2023, vol. 5, no. 1, pp. 71–80. <https://doi.org/10.37296/idebahasa.v5i1.99>
4. Kirilenko S.V. Sociolinguistic Markers of Power and Solidarity in Speakers’ Interaction. *Sociolinguistics*, 2022, no. 4, pp. 140–153 (in Russ.). <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-12-140-153>
5. Takhtarova S. Communicative Category of Mitigation and Politeness. *Sci. Eur.*, 2019, no. 45, pp. 59–62.
6. Ladonina N.A. Realizatsiya strategii negativnoy vvezhlivosti v sovremennom politicheskom diskurse (na primere vystupleniy B. Dzhonsona i D. Korbina) [Negative Politeness Strategy Implementation in the Modern Political Discourse on the Example of Speeches by B. Johnson and D. Corbyn]. *Sovremennye issledovaniya sotsial’nykh problem*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 123–134. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-1-123-134>
7. Surowati R. The Politeness Strategies Used by the Students with Regional Multicultural Background. *Nobel*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 111–135. <https://doi.org/10.15642/NOBEL.2021.12.1.112-135>
8. Nixdorf N. *Höflichkeit im Englischen, Deutschen, Russischen. Ein interkultureller Vergleich am Beispiel von Ablehnungen und Komplimentenwiderungen*. Tectum Verlag, 2002. 236 p.
9. Zarend A. *Höflichkeit in der interkulturellen Kommunikation Russisch-Deutsch*. Frank & Timme, 2015. 324 p.
10. Aditiawarman M., Elba R.P. The Politeness Strategies Used in the Movie *The Chronicles of Narnia*. *J. Ilm. Lang. Parole*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 32–38. <http://dx.doi.org/10.36057/jilp.v2i1.331>
11. Lutfullayeva A.Z. Politeness: Socio-Cultural and Communicative-Strategic Features of the Norm. *Orient. Renaiss. Innov. Educ. Nat. Soc. Sci.*, 2023, no. 3, pp. 231–237.
12. Mikhaleva E.I., Pushinina I.V. Pragmatic Use of Hedging in Academic Discourse. *MCU J. Philol. Theory Linguist. Linguist. Educ.*, 2022, no. 1, pp. 113–124 (in Russ.).
13. Hovsepyan G. Politeness Strategies in English and Armenian: Directness vs. Indirectness. *Armen. Folia Angl.*, 2011, vol. 7, no. 2, pp. 30–35. <https://doi.org/10.46991/AFA/2011.7.2.030>
14. Nurlayli R., Widyastuti W. Negative Politeness Strategies Used by American Girl in TV Series *Emily in Paris*. *J-Lalite J. Engl. Stud.*, 2022, vol. 3, no. 1, pp. 85–98. <http://dx.doi.org/10.20884/1.jes.2022.3.1.5935>
15. Al-Zurfi A. Politeness Strategies and EFL Context of University. *Int. J. Mech. Eng.*, 2022, vol. 7, no. 2, pp. 115–122.
16. Sokolova N.L. Verbal’nyy akt vvezhlivosti: korrelyatsiya s rechevym etiketom (na materiale angliyskogo yazyka) [Verbal Act of Politeness: The Correlation with Speech Etiquette (on the Basis of the English Language)]. *Filologicheskie*

nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2021, vol. 14, no. 8, pp. 2523–2528. <https://doi.org/10.30853/phil210406>

17. Shamakhmudova A.F. Lingvisticheskaya strategiya vezhlivosti kak regulyator verbal'nykh vzaimodeystviy [Linguistic Politeness Strategy as a Regulator of Verbal Interaction]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 7, pp. 159–167. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10721>

18. Glushkova S.Yu., Alikberova A.R. Strategies of Politeness in Computer-Mediated Communications in Chinese Public Chats WECHAT. *Mod. Orient. Stud.*, 2022, vol. 4, no. 3, pp. 38–45 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-3-2022-38-45>

19. Khoirunnisa N.Y.L., Hardjanto T.D. Politeness Strategies of Disagreement by English Native Speaker Students. *Lexicon*, 2018, vol. 5, no. 1, pp. 19–27. <http://dx.doi.org/10.22146/lexicon.v5i1.41271>

20. Pristiwati R., Rustono R., Prabaningrum D. Politeness Strategies of Metaphorical Expression in Tegalan Short Stories. *ISET 2019. EAI*, 2019. <http://dx.doi.org/10.4108/eai.29-6-2019.2290424>

21. Gazizov R.A., Lenets A.V., Takhtarova S.S. Electronic Communication in the Aspect of Linguistic Politeness (Based on the Material of German Linguoculture). *Sci. J. Volgogr. State Univ. Linguist.*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 162–171. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.13>

22. Imber S.Yu. Negative Politeness in German Online Communication on Reddit. *Vestn. Mosc. State Linguist. Univ. Humanit.*, 2023, no. 5, pp. 45–52 (in Russ.).

Информация об авторе

Ю.Ю. Табачников – аспирант кафедры немецкой и французской филологии Уфимского университета науки и технологий (адрес: 450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32).

Information about the author

Yuriy Yu. Tabachnikov, Postgraduate Student, Department of German and French Philology, Ufa University of Science and Technology (address: ul. Zaki Validi 32, Ufa, 450076, Russia).

Поступила в редакцию 27.12.2023

Одобрена после рецензирования 28.03.2024

Принята к публикации 29.03.2024

Submitted 27 December 2023

Approved after reviewing 28 March 2024

Accepted for publication 29 March 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 100–110.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 100–110.

Научная статья

УДК 141:165.12

DOI: 10.37482/2687-1505-V352

Проблема интенциональности в философии сознания Дж. Сёрла

Галина Ивановна Завьялова^{1✉}

Вадим Георгиевич Недорезов²

Леонид Юрьевич Писарчик³

^{1,2,3}Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия,

¹e-mail: lanser35@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5015-1160>

²e-mail: nvad@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9402-3515>

³e-mail: leonidtp@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2169-5932>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности понимания интенциональности в философии Дж. Сёрла. Проблему интенциональности американский философ разрабатывал как ядро философии сознания. Актуальность исследования заключается в том, что философия сознания играет большую роль в аналитической философии, при этом концепция сознания Дж. Сёрла занимает фактически центральную позицию в данном контексте. Цель настоящей работы – раскрыть понимание проблемы интенциональности Дж. Сёрлом, которому пришлось столкнуться с позицией, согласно которой ментальных состояний (сознания) не существует и которую высказывало множество представителей аналитической философии, в частности Г. Райл и Д. Деннет. Последние опирались на идеи бихевиоризма, где была выработана формула «стимул – реакция», а посредник – сознание – в этом процессе как бы не участвовал. В статье показано, какие аргументы приводил Сёрл в защиту существования ментальных состояний. Отмечено также, что Сёрл указал и на критерий существования сознания – интенциональность. Этот критерий позволил провести демаркационную линию между физическими и ментальными состояниями. Дж. Сёрл предпринял попытку преодоления дуализма сознания и физических процессов, что было важно, т. к. дуализм был предметом постоянной критики со стороны представителей натурализма. В статье применяются методы историко-философского анализа, сравнения и теоретической реконструкции. Новизна исследования заключается в том, что в нем показан тот значительный вклад, который внес Дж. Сёрл как в проблему сознания, показав его специфику, так и в проблему интенциональности.

Ключевые слова: концепция сознания, ментальное состояние, речевой акт, интенциональность, искусственный интеллект, Дж. Сёрл

Для цитирования: Завьялова, Г. И. Проблема интенциональности в философии сознания Дж. Сёрла / Г. И. Завьялова, В. Г. Недорезов, Л. Ю. Писарчик // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 100-110. – DOI 10.37482/2687-1505-V352.

Original article

The Problem of Intentionality in J. Searle's Philosophy of Mind

Galina I. Zavyalova¹✉

Vadim G. Nedorezov²

Leonid Yu. Pisarchik³

^{1,2,3}Orenburg State University, Orenburg, Russia,

¹e-mail: lanser35@mail.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5015-1160>

²e-mail: nvad@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9402-3515>

³e-mail: leonidtp@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2169-5932>

Abstract. This paper dwells on the understanding of intentionality by J. Searle, who developed the problem of intentionality as the core of the philosophy of mind. The research is relevant since the philosophy of mind occupies a prominent place in analytic philosophy, Searle's concept of consciousness being central in this context. The purpose of the article is to describe Searle's view on the problem of intentionality. He had to face the position that mental states (consciousness) do not exist, which was expressed by many representatives of analytic philosophy, including G. Ryle and D. Dennett. They relied on the ideas of behaviourism, with its stimulus-response formula, excluding consciousness as the mediator in this process. The paper demonstrates Searle's arguments in defence of the existence of mental states. Moreover, Searle pointed out a criterion of the existence of consciousness, namely, intentionality. This criterion made it possible to draw a demarcation line between physical and mental states. Searle attempted to overcome the dualism of consciousness and physical processes, which was important since dualism was the subject of constant criticism from naturalists. The article uses the method of historical and philosophical analysis, comparative method and theoretical reconstruction. The novelty of the study lies in the fact that it demonstrates Searle's significant contribution both to the problem of consciousness, by showing its specificity, and to the problem of intentionality.

Keywords: *concept of consciousness, mental state, speech act, intentionality, artificial intelligence, J. Searle*

For citation: Zavyalova G.I., Nedorezov V.G., Pisarchik L.Yu. The Problem of Intentionality in J. Searle's Philosophy of Mind. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 100–110. DOI: 10.37482/2687-1505-V352

В 60–70-е годы прошлого века в исследовании сознания акцент делался на сциентистские подходы, физиологию и нейрофизиологию, а также кибернетику. В последние десятилетия появились умеренные варианты, не чисто сциентистские. Так, Дж. Сёрл является сторонником идеи специфичности ментальных состояний, т. е. их несводимости к деятельности мозга. В 1960-х в аналитической философии говорили о том, что о сознании речь вести не

приходится – нет такой сцены, где разыгрываются ментальные состояния. Тем самым все сводилось к необходимости анализа речевых актов и деятельности человека, а сознание рассматривалось как фантом. Установка была такая: эпифеномен (сознание) уже ничего не объясняет в психофизической проблеме, даже мешает исследовать физический мир, т. к. нарушает целостность физического мира. Но Дж. Сёрл остался приверженцем точки зрения, со-

гласно которой нужно говорить о специфике ментальных состояний, и разработал умеренный вариант научного материализма.

Актуальность настоящей работы заключается в том, что проблема сознания стоит в повестке аналитической философии и имеет исключительно дискуссионный характер. В связи с этим показаны аргументация Дж. Сёрла в пользу существования сознания и его трактовка сущности сознания. Рассмотрены те методологические позиции Сёрла, которые помогают ему придерживаться строго научного исследования сознания.

Целью статьи является раскрытие основных положений концепции Дж. Сёрла, доказывающих существование сознания в таких направлениях, как проблема интенциональности и проблема машинного «интеллекта». В ходе исследования применялись методы историко-философского анализа, сравнения и теоретической реконструкции.

Новизна работы состоит в том, что на основе сравнения феномена интенциональности у Э. Гуссерля и Дж. Сёрла устанавливается специфика сёрловского понимания. Практическая значимость заключается в опоре на идеи Сёрла в поиске выхода из тупика, в котором современная философия оказалась в этом вопросе.

В статье использованы идеи и труды таких философов, разрабатывавших проблему сознания, как Г. Райл, Л. Витгенштейн, Д. Деннет и Д. Чалмерс. Особое внимание мы уделили идеям Дж. Сёрла, поскольку именно его концепция находится в центре анализа. Основными источниками стали его книги «Сознание, мозг и программы» (1980), «Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind» (1983), «Открывая сознание заново» (1992), «Сознание» (2000), «Рациональность в действии» (2001).

Кроме того, в основу исследования легли работы С.В. Никоненко [1, 2]. В них дается детальный анализ и философии сознания Сёрла, и проблемы

интенциональности в его понимании. Интересно и то, что Никоненко видит перспективы развития аналитической философии в направлении разработки символического реализма [1, с. 502].

Д.И. Дубровский уточняет и критикует понимание Сёрлом материализма [3]. А.Ф. Грязнов дает весьма ценную информацию об аналитической философии в целом и философии сознания в частности [4]. Полезные данные об аналитической философии сознания содержатся в работе В.В. Васильева, который показал противостояние позиций Д. Чалмерса, Дж. Сёрла и Д. Деннета [5]. Н.С. Юлина существенно помогла прояснить взгляды Д. Деннета на природу сознания [6]. В статье В.А. Ладова мы нашли подтверждение правильности подхода Дж. Сёрла, ориентирующегося на «первичную интенциональность» [7].

Концепция сознания Дж. Сёрла. Дж. Сёрл выступил против понимания сознания с точки зрения бихевиоризма, которого придерживался Г. Райл, а также против «теории типового тождества» Ю. Плейса и Дж. Смарта. Он подверг критике и функционализм «черного ящика» Д. Льюиса и П. Грайса, а также синтез функционализма и компьютерных наук («компьютерный функционализм»). Сёрл окрестил этот подход как «сильный искусственный интеллект»¹. Все эти точки зрения на сознание были редукционистскими, которых придерживались и Г. Фейгель с Х. Патнэмом. Критический взгляд был присущ Сёрлу и в отношении позиции элиминативного материализма таких философов, как П. Фейерабенд, Р. Рорти, П. Черчленд и С. Стич. В качестве причины, по которой материалисты отрицают сознание, Дж. Сёрл называет такое свойство сознания, как субъективность: оно якобы нарушает картину мира². Д.И. Дубровский справедливо заметил, что, применяя понятие «материализм» к вышеназванным подходам, Сёрл обозначает им только научный материализм, не учитывая, что существует

¹Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 60.

²Там же. С. 61.

и диалектический материализм, в котором нет отождествления ментального и физического [3].

Г. Райл критикует Р. Декарта за его дуализм и разоблачает так называемый миф Декарта. Руководствуясь установками бихевиоризма, Райл ставит под сомнение феномен сознания и разума и приходит к выводу, что надо дать новое понимание сознания. Он утверждает, что наше представление о ментальном поле, по которому мы как бы двигаемся, фиксируя наши мысли и чувства, является просто привычкой. Райл предлагает устранить посредника, т. е. ментальные образы, что поможет снять декартовский дуализм мира и сознания [8].

Д. Деннет тоже выступает против существования феномена сознания [9]. Вместо традиционного понимания сознания, которое он называет «внутренним театром», Деннет предлагает натуралистический подход в виде «модели множественных набросков», т. е., по его мнению, некоего единого центра самосознания, самости и принятия решений нет. В мозге есть множество центров, которые обрабатывают чувственную информацию и выдают решение, выражающееся в поведении. Поэтому анализировать ментальные состояния, по Деннету, лучше в терминологии «от третьего лица»: «Деннет едва ли не готов признать сознание иллюзией, а всех нас роботами и зомби» [10, с. 41].

Но другие представители аналитической философии, такие как С. Крипке, Т. Нагель, Н. Блок, Ф. Джексон, Дж. Левин, Д. Чалмерс, весьма скептически отнеслись к физикалистскому редукционизму. Рассматривая дискуссию, сложившуюся в аналитической философии, Д. Чалмерс назвал ее «трудной проблемой сознания» [11]. Не приняв аргументы физикалистского редукционизма, философы, поддерживающие тезис о существовании квалиа, выдвинули ряд своих аргументов: аргумент от летучей мыши (Т. Нагель), аргумент знания (Ф. Джексон), аргумент от представимости

зомби (Д. Чалмерс). А период в разработке проблемы сознания получил название «эпоха квалиа».

О сознании Дж. Сёрл пишет с конца 1970-х годов. В 1992 году вышла важная для него книга «Открывая сознание заново» – в ней он дает полную концепцию сознания [4, с. 340]. Познакомившись с концепцией сознания Г. Райла, точнее с его концепцией несуществования сознания, Сёрл понял, что не разделяет этих идей. Под сознанием он понимает каузально-эмерджентное свойство организма, являющееся результатом его эволюционного развития. Мозг порождает такое свойство, как сознание, – в этом и заключается каузальность: «...сознание есть биологическое свойство мозга человека и определенных животных»³. При этом из деятельности мозга невозможно предсказать такой результат, как сознание. Можно пытаться исследовать связь нейронов, аксонов, сколько угодно фиксировать электрическую активность мозга на энцефалограмме, но из этого нельзя сделать вывод о продуцировании мозгом мыслей. Каузально можно пытаться свести сознание к мозговым процессам, но каковы нейрофизиологические основания сознания, доподлинно неизвестно, считает Сёрл. То есть онтологическая редукция сознания невозможна, поэтому и нельзя элиминировать ментальные состояния из анализа сознания. Сёрл не дуалист, он не поддерживает декартовский дуализм, но настаивает на том, что есть такая способность мозга – продуцировать ментальные состояния. При этом он уточняет, что основы этого до сих пор непонятны.

В исследовании сознания Дж. Сёрл опирается на онтологию «от первого лица» и не поддерживает объективистскую модель «от третьего лица»: «Ментальные состояния существуют только как субъективные феномены от первого лица»⁴. Если в объективистской модели используется онтология «от третьего лица»

³Сёрл Дж. Указ. соч. С. 99.

⁴Там же. С. 81.

(«установлено», «выявлено», «описано», «получено»), то в исследовании сознания мы говорим: «я мыслю», «я фиксирую свои чувства и настроения», «я должен сообщить свою мысль, идею другим» и т. д. То есть это онтология «от первого лица», и иначе рассматривать сознание не представляется, по Сёрлу, возможным.

В своей работе «Открывая сознание заново» Дж. Сёрл рассматривает варианты решения проблемы «сознание–тело» («the mind-body problem»). В отличие от элиминативных материалистов, считающих, что ментальных состояний, т. е. сознания, нет, а есть только поведение, Сёрл считает наличие ментальных состояний доказательством существования сознания, а сознание – свойством мозга. Сам себя он называет представителем биологического натурализма. «Сознание имеет три аспекта, которые отличают его от других биологических явлений и, действительно, от других явлений в мире природы. Этими тремя аспектами являются качественность, субъективность и единство»⁵, – пишет он.

Основное положение онтологии сознания Сёрла заключается в следующем: все ментальные процессы совершаются в мозге человека, т. е. Сёрл тоже устраняет миф Декарта, как и Г. Райл. Он не сводит психологические явления к физиологическим, но утверждает, что дуализма нет. Человеческий мозг – это биологический субстрат, который возник в результате долгой эволюции всего живого и человека. Он имеет сложную структуру: нейроны, аксоны, многообразные связи между ними. Ментальные феномены опираются на эту биологическую основу. Здесь есть каузальная связь между биологическими (физиологическими) и ментальными процессами.

Сёрл объясняет, почему здесь нет дуализма. Физиологические процессы материальны, а ментальные – идеальны (это идеи, образы, т. е. то, что мы осознаем). Дуализма нет потому, что между этими процессами есть каузальная

связь: нейрофизиологические процессы порождают определенные ментальные состояния. Типичные физиологические процессы вызывают типичные ментальные следствия, поэтому можно говорить о каузальной связи. Все-таки в конечном счете Сёрл как научный материалист рассматривает сознание как материальный феномен. Другие научные материалисты устраняют ментальные феномены вовсе, а он пытается понять, что это такое.

В чем разница? Если Сёрл говорит, что сознание материально, то почему он не примыкает к бихевиористам или элиминативным материалистам? Потому что ему претит рассматривать сознание в объективных терминах, «от третьего лица». Он считает, что сознание субъективно и в объективных терминах его описать нельзя. Тут он сам себе вроде бы противоречит. С одной стороны, утверждает, что сознание материально как свойство мозга. С другой стороны, подчеркивает, что сознание субъективно. Дело в том, что решающим для Сёрла является понимание сознания «от первого лица» («я мыслю», «я понимаю»), поэтому оно субъективно.

Сёрл сравнивает два подхода, свой и физикалистский. Если человек хочет яблоко, то он говорит: «Я хочу яблоко», а физикалисты говорят: «Индивид *x* хочет яблоко» [1, с. 298]. В работе «Сознание, мозг и наука» Сёрл возражает физикалистам, отмечая, что основная трудность репрезентативистской теории сходства между чувственными данными и вещами заключается в том, что понятие сходства должно быть неосмысленным, т. к. объект недоступен нашим чувствам. И поэтому Сёрл стремится реабилитировать идею субъективности и понятие «чувственные данные» («sense data») Дж. Мура. Все эмпирические суждения о сознании философы-аналитики рассматривают в форме «Индивид *x* хочет яблоко». Если же я говорю: «Я хочу яблоко», то это относится ко мне одному и только, а больше ни к кому, утверждает

⁵Searle J.R. Consciousness // Annu. Rev. Neurosci. 2000. Vol. 23. P. 557–579. URL: <https://newdualism.org/papers/J.Searle/Searle-annurev-Eneuro2000.pdf> (дата обращения: 22.12.2023).

Сёрл. «Это высказывание “*мое обо мне*”, а не высказывание *мое обо мне*, как если бы я был другим» [1, с. 299]. Поэтому сознание, по Сёрлу, субъективно, «онтология ментального является нередуцируемой онтологией от первого лица»⁶.

Грубая ошибка элиминативных материалистов, по мнению Сёрла, заключалась в том, что они устраняли проблему «я и другой», описывая сознание в объективных терминах, т. е. оставляя только «другого», а это ошибочная установка. Элиминативные материалисты устраняют ментальные состояния, поскольку считают, что невозможно найти метод их проверки. Поэтому они не принимают высказывание от первого лица «Я хочу яблоко», а только от третьего лица – «Индивид *x* хочет яблоко». Тогда этот случай для всех людей становится общим, и они устраняют из науки суждения восприятия, мнения, предпочтения, желания и т. д. Элиминативные материалисты изучают сознание без субъективности. На что Сёрл возражает: «*Мои чувства – это мои чувства, а не чувства китайского императора*» [1, с. 299]. В чем же коренятся, по Сёрлу, индивидуальность и субъективность? Субъективность и специфичность суждений объясняются их интенциональностью.

Проблема интенциональности. В 1970-е годы Сёрл вел исследования в русле устойчивой традиции изучения в США наследия Ф. Brentano, А. Майнонга, Э. Гуссерля и других представителей феноменологии⁷. Разрабатывая свою концепцию интенциональности, Сёрл критикует концепцию интенциональности Д. Деннета и С. Стича⁸, которые отделяют интенциональность от сознания. Согласно их

позиции, она присуща всей природе, всему человеческому организму, речи и т. д., т. е. они понимают интенциональность расширительно [9]. По Сёрлу, интенциональность – это специфика только субъективности, а не всей природы, хотя это свойство и заложено в биологии человека: «...подлинная интенциональность есть феномен, который присущ людям и некоторым другим животным как часть их биологической природы»⁹. Понятие интенциональности определяется Сёрлом как «свойство ментальных состояний, с помощью которого они могут быть направлены на объекты и положения дел в мире»¹⁰. Он пишет: «Интенциональность, в том смысле, в каком его используют философы, имеет отношение к тому аспекту психических состояний, благодаря которому они направлены на положения дел в мире, находящемся вне их»¹¹.

Американский философ понимает сознание как часть материальной системы – мозга, поэтому и интенциональность он выводит из биологической природы организмов. Вместе с тем у него отмечается стремление показать и чисто субъективный характер деятельности сознания. В этом заключается противоречивость его позиции. Но не только. В этом же заключается и развитие его концепции интенциональности по пути преодоления натуралистических установок.

Только через интенциональность мы можем анализировать субъективные суждения, которые объективисты отбрасывают. Через анализ интенциональных состояний и субъективных суждений Сёрл доказывает существование ментальных состояний. Его понимание интенциональности – это доказательство субъективных явлений: «Интенциональность пред-

⁶Сёрл Дж. Открывая сознание заново. С. 103.

⁷Searle J.R. Consciousness.

⁸Сёрль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. М.: Мысль, 1987. С. 96–126.

⁹Сёрл Дж. Открывая сознание заново. С. 89.

¹⁰Searle J. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1983. URL: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/searle-en=intentionality=ann.htm> (дата обращения: 03.01.2024).

¹¹Сёрл Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия и Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 52.

ставляет собой то свойство мышления (мозга), благодаря которому оно способно репрезентировать другие вещи...»¹².

Интенциональность – это отнесение субъекта к самому себе, к своим субъективным состояниям. А элиминативные материалисты, против которых выступал Сёрл, утверждают, что, поскольку сознания нет, такое отнесение не обязательно, и это объясняется тем, что они разрабатывают эпистемологию без субъекта. Сёрл возражает: если говорим «от третьего лица», то нет интенциональности, нет субъективности, нет субъекта. Высказывание «Я считаю, что Сёрл хочет пить» говорит о том человеке, *кто его высказывает*, а не о Сёрле. Интенциональность возможна только в высказывании «от первого лица». Причем высказываться человек может и о внешних объектах, и о самом себе. Он должен говорить о своем самосознании, о том, как он все это видит. Такой тип интенциональности Сёрл называет эпистемологией «от первого лица». В работе «Интенциональность» Сёрл пишет: «Подлинная онтология интенциональных состояний – это онтология “от первого лица”»¹³. Здесь мы видим существенное отличие от эпистемологии без субъекта и считаем, что в этом заключается значительное достижение Сёрла.

Работая над проблемой интенциональности, Сёрл, конечно же, испытал определенное влияние «Логических исследований» Э. Гуссерля. Хотя С.Ю. Гончарова отмечает: Сёрл сетовал на то, что ему практически нечего было почерпнуть у Гуссерля по данному вопросу [12, с. 296–297]. Согласно С.В. Никоненко, позиция Сёрла по проблеме интенциональности очень близка к феноменологической [2, с. 16]. Нам представляется, что точка зрения Никоненко ближе к истине.

Сёрл считает, что язык тоже интенционален, но это «производная интенциональность», т. к. язык вторичен по отношению к сознанию. Д. Деннет в отличие от Сёрла настаивает на том, что у человека отсутствует «первичная интенциональность», а имеется только «производная» [7, с. 88–89]. Сёрл же опирается на феноменологию, благодаря чему он показывает индивидуальность и субъективность суждений, описывающих ментальные состояния. И именно «первичная интенциональность» – критерий существования сознания.

У Гуссерля интенциональность – это направленность сознания на объект, «сознание о чем-либо»: «Под интенциональностью мы понимали свойство переживания “быть сознанием чего-либо”». ... Восприятие есть восприятие чего-то, скажем, вещи; суждение есть суждение о каком-либо положении дел; оценивание – оценивание какой-либо ценностной ситуации; желание – желательного обстоятельства и т. д.» [13, с. 262–263]. Для Сёрла интенциональность – это тоже сознательный акт, направленность на объект. В своей самой оригинальной части учения об интенциональности – учении об аспектуальности – Сёрл также испытал влияние феноменологии Гуссерля. Если немецкий философ пишет о ноэзисе как о вариантах восприятия одного и того же объекта, то американский философ вводит понятие *аспектуальность* интенционального акта [2, с. 17]. То есть важна перспектива и то, с какой точки зрения человек воспринимает объекты. Для Сёрла «*всякая интенциональность аспектуальна*»¹⁴.

Кроме аспектуальности интенционального акта Сёрл пишет и о *коллективной интенциональности*, позволяющей людям «создавать общие институциональные факты»: деньги, собственность, управление, языки¹⁵. Благодаря кол-

¹²Сёрль Дж. Природа интенциональных состояний. С. 121.

¹³Searle J. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind.

¹⁴Сёрл Дж. Открывая сознание заново. С. 131.

¹⁵Сёрл Дж. Рациональность в действии. С. 75.

лективной интенциональности социальные объекты обретают определенный статус и функции. Сёрл называет их «статусными функциями». Это позволило американскому философу повернуть интенциональность от индивида к социуму. Он отмечает, что интенциональность является свойством уникального человеческого Я и объединяется с интенциональностями других Я, делая возможным общение и совместную деятельность.

Своеобразие позиции Сёрла в понимании интенциональности заключается в том, что он не производит такую последовательную феноменологическую редукцию, как Гуссерль, и «более лоялен к “эмпирической” позиции» [2, с. 26]. По мнению С.В. Никоненко, Сёрл постепенно шел в направлении очищения сознания от его натуралистического понимания. Сознание все яснее предстает у него как субъективный интенциональный акт. В концепции Сёрла мы видим сближение аналитической философии и феноменологии, интенциональность в понимании Сёрла максимально сближается с пониманием интенциональности Гуссерлем [2, с. 27]. Проведя сопоставление идей Гуссерля и Сёрла по проблеме интенциональности, С.В. Никоненко резюмирует большое сходство «между учениями об интенциональности Гуссерля и Сёрла в эпистемологическом (гносеологическом) отношении» [2, с. 33].

В конце концов Сёрл, развивая подход человечески ориентированной формы реализма, приходит к своеобразному пониманию intersubjectivity и на этой основе формулирует идею коллективной интенциональности. Гуссерль предложил эту идею в «Парижских докладах», а Сёрл ее реализовал и разработал учение о «качественно отличной интенциональности Человечества» [2, с. 38].

Проблема искусственного интеллекта (Может ли машина мыслить?). С проблемой сознания у Сёрла тесно связана и проблема ма-

шинного «интеллекта», существование которого он категорически отрицает. Объясняет Сёрл это тем, что в машине имеет место онтология «от третьего лица». «Она включена», «в ней идет процесс обработки информации», «уровень напряжения в ней такой-то», «она производит столько-то операций в секунду» – все это онтология «от третьего лица», а в ней нет интенциональности, поэтому машина мыслить не может, в ней нет субъективных процессов, т. е. нет сознания. Это весьма продуктивная демаркация у Сёрла, всегда можно четко различить сознание и так называемый искусственный интеллект. У Сёрла линия демаркации проходит через интенциональность.

Чтобы зафиксировать различие между программой компьютера и человеческим сознанием, американский философ ввел получивший широкую известность аргумент китайской комнаты. Сёрлу нужно было показать на примере, как действует компьютерная программа, понимает ли она рассказ, если после введения в нее текста она дает ответ. Разработчики таких программ и машин утверждали, что машина понимает рассказ. Сёрл показал: программа этого не понимает, что доказывает – у нее нет сознания. Тем самым он подверг критике идею «сильного искусственного интеллекта».

Сёрл полагает, что «слабый искусственный интеллект» вполне допустим как мощный инструмент с большой памятью и способностью производить множество вычислений, как помощник человека, но «сильный искусственный интеллект», который якобы *понимает, мыслит*, т. е. обладает когнитивными состояниями, вызывает у него возражения¹⁶.

Сёрл ставит мысленный эксперимент. Допустим, пишет он, меня заперли в комнате и поочередно дали три текста на китайском языке: «рукопись», «рассказ» и «вопросы». Китайского языка, отмечает Сёрл, я не знаю, поэтому мне также поочередно дали три инструкции

¹⁶Searle J.R. Minds, Brains, and Programs // Behav. Brain Sci. 1980. Vol. 3, № 3. P. 417–457. URL: <https://courses.washington.edu/info300/searle.pdf> (дата обращения: 04.01.2024).

на английском языке, как сопоставить эти китайские тексты. По правилам, написанным на английском, я сопоставлю символы первого с другими текстами на китайском. Появилось ли у меня в результате знание китайского языка? Нет, отвечает Сёрл. Исходя из этого мысленного эксперимента, Сёрл делает выводы: 1) машина не понимает, какие символы через нее проходят, – она их только сопоставляет; 2) из этого мы не получаем знания о том, как работает понимание человека.

Сёрл подчеркивает, что понятие «понимание» часто употребляется в расширительном смысле: фотоэлемент «понимает», когда нужно открывать или закрывать дверь, счетная машинка «знает», как производить сложение и вычитание, а термостат «понимает», как поддерживать температуру. Но американский философ отмечает, что во всех этих случаях «мы распространяем на артефакты нашу собственную интенциональность»¹⁷. Следовательно, критерием понимания у Сёрла является интенциональность, т. е. то, чего нет в программированных компьютерах. Таким образом, Сёрл показал, что компьютерная система, устроенная по функционалистским принципам, не способна породить сознание и понимание. Значит, функционализм несостоятелен.

Д. Чалмерс использует понятие «квалиа» [11], но Сёрл подвергает его критике, поскольку не приемлет ни его, ни функционализм. «Сознание» и «квалиа» у него тождественны,

«мысль и есть квалиа»¹⁸. Чалмерс понимает «квалиа» как некую особенность наших восприятий, но Сёрл не видит в этом смысла, т. к. квалиа и ментальное состояние – одно и то же. Более подробное сопоставление концепций сознания Дж. Сёрла, Д. Деннета и Д. Чалмерса можно найти в работе В.В. Васильева «Трудная проблема сознания» [5].

Заключение. Конечно, не все позиции Сёрла безупречны и одинаково добротны обоснованы. Но, безусловно, они более предпочтительны в силу того, что бихевиоризму, который используют в своих построениях критики Сёрла, очень трудно конкурировать с интенциональностью. Феноменология – фундаментальная философская наука, тщательно обосновывающая проблему интенциональности, а бихевиоризм – направление в психологии, имеющее непреодолимый разрыв между стимулом и реакцией. Бихевиористы не могут объяснить, почему происходит реакция, и если происходит, то почему она разумна.

В науке и философии имеется большая потребность в обновлении методологии исследований по проблемам сознания и интенциональности. Одним из продуктивных вариантов решения данной проблемы и выступает концепция Сёрла. Его заслугой является то, что сегодня благодаря его усилиям есть и другие представители аналитической философии, признающие реальность сознания и приписывающие ему реальную каузальную силу.

Список литературы

1. *Никоненко С.В.* Аналитическая философия: основные концепции. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 546 с.
2. *Никоненко С.В.* Интенциональность: американская точка зрения // HORIZON. Феноменол. исслед. 2017. Т. 6, № 1(11). С. 9–44. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2017-6-1-9-44>

¹⁷Сёрл Д. Сознание, мозг и программы. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6661?ysclid=lrvxqtyze0765128332> (дата обращения: 17.01.2024).

¹⁸Сёрль Дж. Проблема сознания / пер. с англ. А. Шухова. М., 2003. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6849> (дата обращения: 15.12.2023).

3. Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново») // Вопр. философии. 2003. № 7. С. 92–111. URL: https://old.virtualcoglab.ru/html/ddi_2.html (дата обращения: 04.01.2024).
4. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высш. шк., 2006. 375 с.
5. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 269 с.
6. Юлина Н.С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета. М.: Канон+, 2004. 544 с.
7. Ладов В.А. Понятие «производная интенциональность» в современной американской философии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 295. С. 87–90. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000474468> (дата обращения: 11.02.2024).
8. Райл Г. Понятие сознания: пер. с англ. / общ. науч. ред. В.П. Филатова. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. кн., 1999. 408 с.
9. Деннет Д.С. Виды психики: На пути к пониманию сознания / пер. с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
10. Белянин М.Н. Джон Серл и «трудная проблема сознания» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2011. № 4. С. 38–50.
11. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. 2-е изд. М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2015. 512 с.
12. Гончарова С.Ю. Интенциональность сознания как биологическое свойство мозга // Психология и Психотехника. 2014. № 3. С. 295–303. <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2014.3.10612>
13. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Акад. проект, 2009. 489 с.

References

1. Nikonenko S.V. *Analiticheskaya filosofiya: osnovnye kontseptsii* [Analytic Philosophy: Basic Concepts]. St. Petersburg, 2007. 546 p.
2. Nikonenko S.V. Intentional'nost': amerikanskaya tochka zreniya [Intentionality: An American Point of View]. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 9–44. <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2017-6-1-9-44>
3. Dubrovskiy D.I. Novoe otkrytie soznaniya? (Po povodu knigi Dzhona Serla "Otkryvaya soznanie zanovo") [A Rediscovery of Consciousness? (On John Searle's Book *The Rediscovery of the Mind*). *Voprosy filosofii*, 2003, no. 7, pp. 92–111. Available at: https://old.virtualcoglab.ru/html/ddi_2.html (accessed: 4 January 2024).
4. Gryaznov A.F. *Analiticheskaya filosofiya* [Analytic Philosophy]. Moscow, 2006. 375 p.
5. Vasil'ev V.V. *Trudnaya problema soznaniya* [The Hard Problem of Consciousness]. Moscow, 2009. 269 p.
6. Yulina N.S. *Golovolomki problemy soznaniya: kontseptsiya Deniela Denneta* [The Enigmas of the Problem of Consciousness: Daniel Dennett's Concept]. Moscow, 2004. 544 p.
7. Ladov V.A. Ponyatie "proizvodnaya intentsional'nost'" v sovremennoy amerikanskoy filosofii [The Concept "Derivate Intentionality" in Contemporary American Philosophy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 295, pp. 87–90. Available at: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000474468> (accessed: 11 February 2024).
8. Ryle G. *The Concept of Mind*. New York, 1950. 334 p. (Russ. ed.: Rayl G. *Ponyatie soznaniya*. Moscow, 1999. 408 p.).
9. Dennett D.C. *Kinds of Minds: An Understanding of Consciousness*. London, 1996. 184 p. (Russ. ed.: Dennet D.S. *Vidy psikhiki: Na puti k ponimaniyu soznaniya*. Moscow, 2004. 184 p.).
10. Belyanin M.N. Dzhon Serl i "trudnaya problema soznaniya" [John Searle and the "Hard Problem of Consciousness"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 7: Filosofiya*, 2011, no. 4, pp. 38–50.
11. Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. New York, 1996. 414 p. (Russ. ed.: Chalmers D. *Soznayushchiy um. V poiskakh fundamental'noy teorii*. Moscow, 2015. 512 p.).

12. Goncharova S.Yu. Intentsional'nost' soznaniya kak biologicheskoe svoystvo mozga [Intentionality of Consciousness as a Biological Property of the Brain]. *Psikhologiya i psikhotehnika*, 2014, no. 3, pp. 295–303. <https://doi.org/10.7256/2070-8955.2014.3.10612>

13. Husserl E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kn. 1. Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book 1. A General Introduction to Pure Phenomenology]. Moscow, 2009. 489 p.

Информация об авторах

Г.И. Завьялова – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (адрес: 460018, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13).

В.Г. Недорезов – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (адрес: 460018, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13).

Л.Ю. Писарчик – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета (адрес: 460018, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13).

Information about the authors

Galina I. Zavyalova, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University (address: prosp. Pobedy 13, Orenburg, 460018, Russia).

Vadim G. Nedorezov, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University (address: prosp. Pobedy 13, Orenburg, 460018, Russia).

Leonid Yu. Pisarchik, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University (address: prosp. Pobedy 13, Orenburg, 460018, Russia).

Поступила в редакцию 29.01.2024
Одобрена после рецензирования 29.03.2024
Принята к публикации 02.04.2024

Submitted 29 January 2024
Approved after reviewing 29 March 2024
Accepted for publication 2 April 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 111–120.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 111–120.

Научная статья

УДК 141.4:004.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V353

Комментарий в блогосфере как религиоведческий источник (по материалам православного сегмента Интернета)

Александр Михайлович Прилуцкий

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,

e-mail: alpril@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

Аннотация. Интернет-материалы религиозной тематики активно комментируются пользователями, в результате чего формируется текстовое пространство религиозного интернет-комментария. Будучи формой оперативной реакции на информационный повод, комментарий в блогосфере представляет собой важный источник, позволяющий при учете критериев репрезентативности анализировать тенденции в динамике религиозной ситуации практически в режиме реального времени. Авторы подобных комментариев чаще всего задействуют следующие роли: строгий приверженец религиозных правил; склонный к радикализму (экстремизму) фанатик; модернист, ратующий за «комфортную церковь»; миротворец-молитвенник, призывающий всех к миру и согласию; обличитель различных (реальных и мнимых) пороков «церковной жизни»; претендующее на авторитетность суждений духовное лицо. От реализуемой роли зависят используемые коммуникативные стратегии, однако комментирование исходного текста часто не предполагает наличия достаточной компетентности и даже банальной осведомленности. На уровне жанра комментария происходит фактическое упразднение требования компетентности: часто кто угодно может комментировать что угодно. Анализ текстов комментариев позволяет выявить специфику ценностно-оценочной деятельности, в т. ч. религиозных предпочтений пользователей и осуществляемых ими попыток формирования общественного мнения. Это достигается посредством применения особых способов подачи информации, специфики текста, его способности формировать нужные ассоциации и образы. Особо надлежит отметить стратегию создания отрицательного образа «врага». В плане содержания и прагматики можно выделить следующие виды комментариев: информативный, оценочный, деструктивный, апологетический (полемический) и манипуляционный. Данная типология комментариев может использоваться при осуществлении контент- и интент-исследований религиозной блогосферы, при проведении анализа динамики религиозной ситуации и различных процессов религиозной семиосферы.

Ключевые слова: цифровизация религии, религиозная блогосфера, религиозный интернет-комментарий, социальная мифология, информационные технологии

Для цитирования: Прилуцкий, А. М. Комментарий в блогосфере как религиоведческий источник (по материалам православного сегмента Интернета) / А. М. Прилуцкий // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 111-120. – DOI 10.37482/2687-1505-V353.

Original article

Comments in the Blogosphere as a Source for Religious Studies (Based on the Orthodox Segment of the Internet)

Aleksandr M. Prilutskiy

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia,

e-mail: alpril@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

Abstract. Online materials on religious topics are actively commented on by users, resulting in the formation of a textual space of religious Internet comments. As a form of rapid response to the news, comments in the blogosphere are an important source that allows us, taking into account representativeness criteria, to analyse trends in the dynamics of the religious situation in near-real time. The authors of such comments primarily adopt the following roles: a strict adherent of religious rules; a fanatic prone to radicalism (extremism); a modernist advocating a “comfortable church”; a prayerful peacemaker calling for peace and harmony; an exposé of various (real or imaginary) vices of “church life”; a cleric making a pretence to be an expert. The communicative strategies depend on the role assumed; however, sufficient competence or even simple awareness is oftentimes not expected from a commenter. In fact, the genre of commenting does not require competence: in most cases anyone can comment on anything. The analysis of comments allows us to identify the specifics of value-based evaluative activity, including users’ religious preferences and their attempts to form public opinion. This is achieved through the use of special methods of presenting information as well as through the specifics and ability of a text to establish the necessary associations and images. Particular attention is paid to the strategy of creating a negative image. From the point of view of content and pragmatics, the following types of comments can be distinguished: informative, evaluative, destructive, apologetic (polemical), and manipulative. This typology of comments can be used when conducting content and intent studies of the religious blogosphere as well as analysing the dynamics of the religious situation and various processes of the religious semiosphere.

Keywords: *digitalization of religion, religious blogosphere, religious Internet comment, social mythology, information technology*

For citation: Prilutskiy A.M. Comments in the Blogosphere as a Source for Religious Studies (Based on the Orthodox Segment of the Internet). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 111–120. DOI: 10.37482/2687-1505-V353

Сегодня социальные медиа выступают одним из наиболее эффективных механизмов управления общественным мнением и массовым сознанием населения, и особенно молодежи [1, с. 15]; одним из главных инструментов формирования и трансляции идеологием и мифологием, причем это относится как к исходным, так и вторичным текстам медиасреды, т. е. комментариям. Несмотря на то что религиозная проблематика не является основной темой со-

циальной коммуникации, реализуемой посредством цифровых технологий, объем религиозного сектора Интернета достаточно существенен. Информационные материалы религиозной тематики активно комментируются интернет-пользователями, в результате чего формируется текстовое пространство религиозного интернет-комментария, а автор комментария зачастую предстает как анонимный медиаобраз, персонализированный набор оценочных суждений

о предмете коммуникации, авторе исходного текста, условиях коммуникативной ситуации и т. д., раскрывающийся через интернет-коммуникацию.

Комментарий в блогосфере как форма оперативной реакции на информационный повод представляет собой важный источник, позволяющий при учете критериев репрезентативности анализировать тенденции в динамике религиозной ситуации практически в режиме реального времени. При этом его использование в современном отечественном религиоведении остается весьма ограниченным, прежде всего по причине теоретико-методологической непроработанности. Среди немногочисленных исследований, затрагивающих данную проблему, следует выделить статью В.Д. Коваленко, посвященную медиатизации современного русского православия [2], и публикации К.В. Лученко, посвященные анализу методов освоения информационного пространства, используемых религиозными организациями [3, 4]. Однако в этих работах преимущественно рассматриваются вопросы, связанные с медиа-активностью религиозных организаций, а не отдельных пользователей Интернета, непосредственно реагирующих на медиаповоды. Вопросы использования комментариев в блогосфере для анализа динамики религиозных процессов были раскрыты в монографии «Семантика и семиотика мифологизированного информационного скандала» [5] и статье об интернет-активности адептов квазицерковного сообщества, возглавляемого «патриархом-царем-пророком Зосимой» – личностью с криминальным прошлым [6]. Теоретико-методологические исследования использования комментариев в блогосфере в качестве религиоведческого источника нуждаются в продолжении.

Отличительной особенностью интернет-комментария, в т. ч. относящегося к религиозной тематике, является то, что данный тип коммуникации предполагает виртуализацию социально-психологической презентации личности автора: «...у участника блога есть возможность презентации любого “я”, моделиро-

вания своего собственного образа» [7, с. 359] в зависимости от того, как развивается полемика и какие коммуникационные стратегии реализуют коммуниканты. При этом динамика виртуальной коммуникации во многом определяет специфику вербального поведения ее участников: влияние наблюдается на уровне как типологии реализуемых речевых тактик, так и значимых актов самопрезентации. В связи с этим могут быть задействованы роли:

- строгого приверженца религиозных правил;
- склонного к радикализму (экстремизму) фанатика;
- модерниста, ратующего за «комфортную церковь»;
- миротворца-молитвенника, призывающего всех к миру и согласию;
- обличителя различных (реальных и мнимых) пороков «церковной жизни»;
- претендующего на авторитетность суждений духовного лица и т. д.

Диалогичность жанра формирует представления о «доступной персоне» автора комментария, с которой можно взаимодействовать, полемизировать, которой можно доверять [8, с. 23] и которая может дать ценный духовный совет, направить на путь истинный. Разумеется, в данном случае имеет место создание семиотических фикций: сам тон комментариев должен создавать видимость авторитетного суждения человека, чей опыт позволяет ему выносить категоричные оценки, давать рекомендации и советы, в т. ч. в вопросах духовной жизни. «Виртуальный» авторитет автора подобных комментариев может вступать в конкурентные отношения с «формальным» авторитетом иерархов и вообще священнослужителей. Поскольку тексты виртуальной коммуникации объединены на уровне темы и хронотопа, их можно рассматривать как коммуникативное или дискурсивное событие [9], имеющее свою прагматику.

Особая эмотивность блогосферы обусловлена не в последнюю очередь реализуемыми в ней коммуникативными стратегиями [10, с. 118] и спецификой этики виртуального общения:

«...в отличие от дискуссий в академической среде интернет-общение не является формализованным, а значит, следование этическим нормам и ценностям регулируется иными способами и в иной степени. Слабые, предвзятые, селективные механизмы социального контроля проявляются в количестве реакций (лайков и дизлайков) на пост и комментариях к нему» [11, с. 17]. Острота полемики, частотность обвинений в различных «ересях», «отступлениях», «расколах», «отступничестве», реализуемых посредством комментариев, намного превосходят остроту и частотность подобных обвинений, реализуемых в иных коммуникативных форматах. Отчасти это обусловлено спецификой жанра – комментарий отличается повышенной эмотивностью: по нашему наблюдению, дискурс последнего в большей степени отражает эмоциональное состояние участников коммуникации, нежели содержание текста, послужившего поводом для комментирования, поскольку часто сам комментарий порожден эмоциональной реакцией комментатора [6]. Отмеченная особенность виртуальной коммуникации распространяется и на фиксируемые в дискурсе индикаторы речевой агрессии, которые могут целенаправленно и эффективно использоваться для повышения интереса к материалам блогосферы [12]. Известно, что дискурс скандала обладает способностью привлекать внимание реципиентов информационного продукта. Обвинение иерархов в «ересях» и «отступничестве» часто используется как способ привлечения внимания безотносительно обоснованности этих обвинений.

Следует согласиться с тем, что «комментарий является неким дискурсом, где само понимание начинается уже на уровне эмоций – в начале любого процесса восприятия имеет место соответствующая реакция на ситуацию и эмоциональное состояние партнера, и только затем происходит декодирование смысла на когнитивном уровне» [13, с. 34]. В связи с этим автору комментария, рассчитывающему на благожелательное восприятие в рамках заданного хронотопа, надлежит хвалить то, что принято хвалить, но прежде всего – ругать то,

что принято ругать, например ИНН, цифровые технологии, «зашестеренные паспорта», биометрию, экуменизм, «киприанизм» и т. д.

Комментирование исходного текста часто не предполагает наличия достаточной компетентности и даже банальной осведомленности, на уровне жанра комментария требования компетентности фактически упраздняются – кто угодно может комментировать что угодно: часто «принадлежность авторства рядовым пользователям, обладающим минимальными компьютерными навыками и не обязательно высоким уровнем образованности, а также достоверным знанием о комментируемом и оцениваемом материале, наличие оценочного компонента, высокой степени пользовательской субъективности» становятся своеобразной нормой жанра [14]. Поэтому сложнейшие вопросы церковно-канонических отношений на уровне комментариев предстают как простые и легко разрешимые. Сам факт размещения комментария в открытом доступе оказывается своего рода авторской декларацией ценности последнего. Феномен «диванного эксперта» реализуется в формате «диванного канониста» и (или) «диванного теолога».

Анализ текстов комментариев позволяет выявить особенности ценностно-оценочной деятельности пользователей, в т. ч. их религиозных предпочтений и осуществляемых ими попыток формирования общественного мнения [6]. Последнее достигается спецификой текста, его способностью формировать нужные ассоциации и образы [15].

Коммуникативная интенция автора блога проявляется в применяемых им коммуникационных стратегиях, которые во многом определяют тип и структуру дискурса, оказывая влияние и на дискурс комментариев [16, с. 42]. Особо надлежит выделить стратегию создания отрицательного имиджа и дискредитирующего контекста, неактивные ассоциации, сравнения, различные инсинуации, демонизацию «виртуального» и «реального» врагов, для чего враги целенаправленно наделяются «демоническими/бесовскими качествами, такими как: коварство,

злора, льстивость, искусительство» [17, с. 81]. Для демонизации врагов часто используются фейковые комментарии, для которых характерны неоправданные обобщения, немотивированные оценки, дезинформация, а также противоречия и непоследовательность в коммуникативном поведении автора и стилистике речи, наличие эмоциональных несоответствий внутри речевой ситуации, нарушения в логике оценочных суждений, ошибки лингвокультурного кода, нарушения религиозной традиции [18, с. 210]. Такой комментарий может быть продуктивен для создания и разрушения «реальной» и «цифровой репутации» [19, с. 139].

Очевидно, что фейковый комментарий активно используется и для формирования нарративов социальной мифологии. Известно, что социально-политическое мировоззрение общества в целом и индивида в частности формируется комплексом социальных мифов [20, с. 62], помогающих человеку ориентироваться в социальном пространстве. При этом социальный миф благодаря наличию достаточно широкого спектра мифологем активно развивает эпистемологический потенциал [21, с. 24], объясняя логику социальных процессов в соответствии с законами мифологического сюжета и шире – мифологической онтологии, упрощающей мир и, соответственно, поведение человека в нем. Востребованность социального мифа обусловлена его способностью выступать в качестве средства самореализации идеологии в социальном коммуникативном пространстве, при том что идеология все больше функционирует именно как социальная мифология, апеллирующая к эмоциям, а не к разуму людей [22, с. 68].

С точки зрения содержания и прагматики нам представляется целесообразным выделить следующие виды комментариев: информативный, оценочный, деструктивный, апологетический (полемический), манипуляционный.

Информативный комментарий имеет своей целью сообщение участникам коммуникации

сведений, известных автору и так или иначе связанных с темой (содержанием) комментируемого материала. Данный тип комментария может использоваться для дополнения или корректировки (уточнения) комментируемых материалов. Иногда (но далеко не всегда) подобный комментарий содержит ссылку на источник информации. Градация степени достоверности (надежности) таких комментариев простирается от достоверных до откровенно фейковых.

Приведем примеры подобных комментариев: «К слову о троеперстии можно еще добавить троеперстное сложение пальцев у прп. Георгия Хозевита VII в. Его мощи и до сих пор открыты, и десница всем видна. Говорят и у прп. Илии Муромского также»; «По поводу креста Святой Равноапостольной Нины, преподобноисповедник Гавриил (Ургебадзе) говорил (это написано в книге о нем), что он (крест) приобрел такую форму после неправильного хранения его, во влажном помещении. Когда некоторые святые Грузинской Церкви были привезены в Россию на хранение, в начале XIX века»¹.

Оценочный комментарий выражает субъективные оценки и изменения, которые отражают не столько объективную реальность, сколько отношение к ней автора комментария. Предметом оценивания может быть содержание комментируемого текста, его оригинальность, новизна, актуальность, структурированность и т. д. Кроме того, часто оценивается личность автора комментируемого текста – подобные оценки основываются на различных инсинуациях. Семантика оценочных комментариев может соответствовать реакции одобрения, неодобрения, нейтрального удивления или недоверия [23, с. 113].

Примеры оценочных комментариев, отражающих фактически весь спектр оценок: «Лайк и аминь»; «Очень интересно и познавательно!»; «Отличный ролик. Тот момент, когда реальность превысила ожидания»; «Ничего нового... Масло

¹Здесь и далее приведены комментарии к различным видеоматериалам. *Максимов Г., свящ.* В чем неправда старообрядчества? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MIzkL8Ztv4s&t=322s> (дата обращения: 01.12.2023).

масленное... И Соборы поместные для тебя не авторитет, Отец!!!»; «Лекция рассчитана на очень невежественную аудиторию»².

Деструктивный комментарий используется для целенаправленного причинения вреда, в т. ч. символического, объекту комментирования, в качестве последнего может выступать автор или герой комментируемого материала, автор других комментариев, авторитет, на которого ссылается автор комментируемого текста или других комментариев, а также непосредственно не упоминающиеся в исходном тексте, но подразумевающиеся лица. Кроме того, деструктивный комментарий может касаться организаций и социальных групп. Будучи формой негативной и одновременно эмоциональной реакции со стороны адресанта, подобный комментарий может преследовать цель прямого или косвенного оскорбления. Деструктивный комментарий в контексте нашего исследования содержит:

- ложные обвинения в отступничестве, скрытом атеизме, аморализме, различные инсинуации;
- проклятия, угрозы различными «карами небесными», запугивание;
- призывы к насилию;
- пародирование, высмеивание;
- уничижительные сравнения, метафоры и аллегории;
- навешивание ярлыков;
- негативные обобщения и т. д.

Отдельным видом деструктивного комментария является комментарий агрессивный.

Примеры деструктивных комментариев: «Помнишь, как арий закончил свою жизнь? В туалете. Ты идешь тем же путем»³; «Тебе надоело грязью поливать? Какой же ты противный мужик, а слушать тебя это себя не любить. Лучше расскажи, с кем ты спишь и какой ты ориентации и сколько ТЕБЕ платят за эти ролики – бесам понравится. Ты весь кишишь злобой. Зосима и Селафиил никого не осуждают и не обзывают, от них исходит благодать и любовь, а от тебя один негатив. Твой канал даже называется “некто”... Правильно ты никто и ничто по сравнению с Зосимой и его братьев во Христе. Тыфу на тебя и твой канал – ты служба антихриста»⁴; «Это больше похоже на сходку сумасшедших»⁵; «Я – человек с развитым чувством юмора, если ты этого еще не понял. Вы, конечно, правы: если от мужа-бездельника и недоумка, живущего в доме типа “нужник”, ушла жена, то виноваты в этом все без исключения священники»⁶.

Апологетический (полемический) комментарий используется в целях защиты религиозных доктрин, практик, религиозно-конфессиональных и юрисдикционных сообществ и их официальных и неформальных лидеров от обвинений, содержащихся в критических и разоблачительных конкурентных текстах. Часто в таком комментарии присутствуют встречные обвинения и инсинуации согласно правилу «нападение – лучший вид защиты». Апологети-

²Максимов Г. свящ. В чем неправда старообрядчества?

³Отпевание Некто Русского, Суббота и лжецарь... URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kmut1UXoy38&t=285s> (дата обращения: 01.05.2023).

⁴Комментарий автора под ником «Надежда» обусловлен критическим материалом, разоблачающим авантюриста Зосиму, объявившего себя «патриархом», «пророком» и «царем». См.: Разоблачение отрока Павла, Селафиила и иных с театра Зосимы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=azMpCQHV57I&t=2805s> (дата обращения: 01.12.2023).

⁵Праздник девства 23.09.21. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=au6CBqj4sq4&t=2267s> (дата обращения: 01.12.2023).

⁶Комментарий обусловлен видеоматериалом так называемой Службы духовной безопасности, обвиняющей священнослужителей в собственных семейных проблемах. См.: Дело Павла Тимченко. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I0m0-vsB-lk> (дата обращения: 01.12.2023).

ческий комментарий, как нами было показано ранее, может реализовывать инвективные, императивные, вокативно-кооперативные стратегии и констатирующие заявления [6].

Приведем несколько примеров подобных комментариев: «Не слушайте этих заблудших людей! Слушайте Православную Церковь! Она истину говорит, а эти люди заблудшие и потому ложь говорят. Они себя называют православными христианами, но Церкви не слушают. Не слушают они ни Церкви, ни священников, а водятся своими заблудшими мудрованиями. Сами заблуждаются и тех кто слушает их ведут в пагубу!»⁷; «Я как-то спросила американца протестанта, что думают они о заявлении президента Буша о том, что он разговаривает с Богом и так он получает инструкции бомбить, в частности, Ирак. На что получила ответ, мол, конечно, все мы, христиане, говорим непосредственно с Богом, и тот внутренний голос, который мы слышим внутри нас – голос Бога. Мне стало не по себе. Не дай нам Бог такого сомнения и самооправдания. Что бы я ни сделала, я всегда могу сослаться на внутренний голос как на последнюю инстанцию. Не надо нам такого учения»⁸.

Манипуляционный комментарий используется для управления поведением коммуникантов, т. е. для направления его в нужное русло. В качестве фраз-манипуляторов часто применяются эмоциональные призывы к смирению, молитве, неосуждению, объединению усилий ради общего дела, формирующие семиотические фикции искренности и открытости. Подобные манипуляции используются для внушения определенных поведенческих паттернов, и этого легко добиться, потому что при поверхностном восприятии такие комментарии

могут показаться соответствующими христианской этике, а их авторы – благочестивыми миротворцами. Часто целью подобных комментариев является попытка вызвать у адресата чувство смущения, в идеале – раскаяния, а в итоге – смену поведенческого паттерна.

Примеры манипуляционных комментариев: «Миленький, не нужно что-то говорить против Зосимы. Ты умничка, многое говорил и говоришь о хорошем, Иисус Христос и Мамочка Богородица любит тебя. Зосима ничему плохому не учит, только говорит о любви к Великому Духу Святому, о любви к Боженьке Иисусу Христу и Великой Мамочке Богородице. Если ошибаешься? Если ты народ отвернешь от правды, Иисус Христос будет плакать за тебя. Братик, не иди против того, кто славит Иисуса Христа и Богородицу!»⁹; «Вот именно: лучше не судить священство! Это большой грех»¹⁰.

Следует отметить такую характерную особенность информационного массива анализируемых комментариев, как сравнительно незначительный объем откровенно провокационных текстов, прагматика которых определяется как целенаправленное провоцирование информационного скандала (так называемый троллинг). Данное явление ранее было проанализировано нами в монографии, посвященной семиотической специфике мифологизированного информационного скандала [5]. Можно предположить, что низкая частотность подобных комментариев обусловлена как практикой модерирования соответствующих ресурсов, так и спецификой коммуникативной этики, характерной для общения на религиозные темы. Несмотря на то что в качестве религиозоведческого источника подобные комментарии малоинфор-

⁷Новые вызовы духовной безопасности. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oIAkTWFrFko> (дата обращения: 01.12.2023).

⁸Максимов Г., свящ. Разгул модернизма на Всесибирском форуме православной молодежи. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=P5y8QzomWxI&t=1s> (дата обращения: 01.12.2023).

⁹Разоблачение отрока Павла, Селафиила и иных с театра Зосимы.

¹⁰Осторожно, ряженные лжемонахи. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=khWhr6Ht16w> (дата обращения: 01.12.2023).

мативны, связанные с ними количественные показатели и их динамика могут использоваться при анализе религиозной ситуации.

Кроме того, часто встречаются комментарии рекламного характера и комментарии, не связанные с предметом комментирования. Однако их рассмотрение не представляет интереса в рамках данного исследования.

Предложенная классификация комментариев с точки зрения их содержания и прагматики может использоваться при проведении контент- и интент-исследований религиозной блогосферы для анализа специфических процессов меняющейся религиозной ситуации. Данные типологического анализа комментариев могут стать основанием для качествен-

ных оценок динамики религиозной ситуации и информационной активности различных религиозных сообществ. При этом необходимо учитывать возможность создания информационно-семиотических фикций, формирующих эффект завышенной валидности: количественные показатели информационного присутствия не всегда соответствуют реальному положению дел. В любом случае использование интернет-комментариев в качестве религиозоведческих источников позволит описывать актуальное состояние религиозной информационной среды практически в режиме реального времени и делать выводы об информационной политике религиозных сообществ с точки зрения ее прагматической направленности.

Список литературы

1. Аймалова Ю.А. YouTube как канал влияния на общественное мнение // Вестн. науки. 2022. Т. 1, № 3(48). С. 10–23.
2. Коваленко В.Д. Медиатизация православия как исследовательское поле // Концепт: философия, религия, культура. 2023. Т. 7, № 4(28). С. 76–97. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-76-97>
3. Лученко К.В. Интернет и религиозные коммуникации в России // Медиаскоп. 2008. № 1. С. 3–10.
4. Лученко К.В. Религия как тематический сегмент интернет-телевещания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2009. № 4. С. 104–108.
5. Прилуцкий А.М., Лебедев В.Ю. Семантика и семиотика мифологизированного информационного скандала: моногр. СПб.: ООО «МедиаКросс», 2021. 159 с.
6. Прилуцкий А.М. Апологетический комментарий в Интернет-дискурсе «Царя-схимитрополита Зосимы» // Тр. каф. богословия С.-Петерб. Дух. Акад. 2023. № 3(19). С. 106–117.
7. Ульянова М.А. Основные особенности Интернет-блога и комментария к блогу // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Серия: Гуманитарные науки. Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2015. С. 358–362.
8. Гук О.А., Кульчейко И.С. Социальные сети как инструмент взаимодействия с клиентами и продвижения товаров и услуг // МедиаВектор. 2023. № 7. С. 21–25.
9. Горобец А.Ф. Эмотивная составляющая компьютерного дискурса на материале публикаций страницы фейсбука Натали Штуцман и Ютуб канала Московского филармонического общества // Русистика без границ. 2023. Т. 7, № 2. С. 7–15.
10. Ульянова М.А., Васильев Л.Г. Лексические средства выражения эмотивности в спортивном блоге и комментарии // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2016. Т. 26, № 2. С. 117–127.
11. Никулчиц Ю.В. Рискогенность публичной истории в цифровой среде (на примере российского видеоблогинга 2020-х гг.) // Цифр. социология. 2023. Т. 6, № 3. С. 11–20. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-11-20>
12. Балахонская Л.В., Быков И.А. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Яз. и лит. 2018. Т. 15, № 3. С. 492–506. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.313>
13. Крутова И.Н. Эмотивно-дискурсивное пространство «комментария» к публицистическому блогу // Гуманит. исслед. 2019. № 1(69). С. 32–36.
14. Дахалаева Е.Ч. Интернет-комментарий и интернет-отзыв: параметры жанрового разграничения // Соврем. проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16222> (дата обращения: 20.05.2024).

15. Кораблева Г.Б., Кульминская А.В. Интернет-дискуссии как инструмент формирования общественного мнения // *Дискуссия*. 2011. № 9(17). С. 143–148.
16. Шляховой Д.А. Коммуникативные стратегии и способы выражения языковой личности блогера (на материале немецкой военной блогосферы) // *Филология и человек*. 2019. № 3. С. 41–54. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)3-04)
17. Пащенко М.А. Оценочный потенциал мифологической лексики в русскоязычных текстах общественно-политической тематики // *Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы XI Междунар. науч. конф. Чита: ЗабГУ, 2018. С. 80–83.*
18. Глазкова С.Н. Речевое саморазоблачение в фейк-роликах // *Наука XXI века: проблемы, поиски, решения: материалы XLVI науч.-практ. конф. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. С. 208–218.*
19. Жафярова М.Н. О практических подходах к формированию цифровой этики современного педагога в социальных сетях // *Ценности и смыслы*. 2022. № 6(82). С. 136–151. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-6-136-151>
20. Девнина Г.С. Роль социального мифа во внутригосударственных политических кризисах России: социально-философский анализ // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки*. 2017. № 4. С. 61–69. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.4.61>
21. Ельчанинов А., Эрн В., Флоренский П. *История религии*. 2-е изд. М.; Париж: Рус. путь – YMCA Press, 2004. 256 с.
22. Лукьянов Г.И., Митрофанов А.А. Современные социальные мифы в деятельности социального субъекта // *Экон. и гуманит. исслед. регионов*. 2017. № 6. С. 85–88.
23. Егорова М.А. Оценочный комментарий в социальных сетях (на материале комментариев к новостным постам) // *Современная филология: теория и практика: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. М.: Спецкнига, 2013. С. 112–117.*

References

1. Aymalova Yu.A. YouTube как канал vliyaniya na obshchestvennoe mnenie [YouTube as a Channel of Influence on Public Opinion]. *Vestnik nauki*, 2022, vol. 1, no. 3, pp. 10–23.
2. Kovalenko V.D. Mediatization of Orthodoxy as a Research Field. *Concept Philos. Relig. Cult.*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 76–97 (in Russ.). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2023-4-28-76-97>
3. Luchenko K.V. Internet i religioznye kommunikatsii v Rossii [The Internet and Religious Communication in Russia]. *Mediaskop*, 2008, no. 1, pp. 3–10.
4. Luchenko K.V. Religiya kak tematicheskii segment internet-televeshchaniya [Religion as a Thematic Segment of Internet Telecasting]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*, 2009, no. 4, pp. 104–108.
5. Prilutskiy A.M., Lebedev V.Yu. *Semantika i semiotika mifologizirovannogo informatsionnogo skandala* [Semantics and Semiotics of the Mythologized Information Scandal]. St. Petersburg, 2021. 159 p.
6. Prilutskiy A.M. Apological Commentary in the Internet Discourse of the “Tzar-Schemetropolit Zosimas”. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoy Dухovnoy Akademii*, 2023, no. 3, pp. 106–117 (in Russ.).
7. Ul'yanova M.A. Osnovnye osobennosti Internet-bloga i kommentariya k blogu [Main Features of an Internet Blog and Blog Commentary]. *Nauchnye trudy Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.E. Tsiolkovskogo. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski. Series: Humanities]. Kaluga, 2015, pp. 358–362.
8. Guk O.A., Kul'cheyko I.S. Sotsial'nye seti kak instrument vzaimodeystviya s klientami i prodvizheniya tovarov i uslug [Social Networks as a Tool for Interacting with Customers and Promoting Goods and Services]. *MediaVektor*, 2023, no. 7, pp. 21–25.
9. Gorobets A.F. Emotivnaya sostavlyayushchaya komp'yuternogo diskursa na materiale publikatsiy stranitsy feysbuka Natali Shtutsmann i Yutub kanala Moskovskogo filarmonicheskogo obshchestva [Emotive Constituent of Computer Discourse Based on the Materials of Nathalie Stutzmann's Official Facebook Page and Moscow Philharmonic Society Channel on YouTube]. *Rusistika bez granits*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 7–15.
10. Ul'yanova M.A., Vasil'ev L.G. Leksicheskie sredstva vyrazheniya emotivnosti v sportivnom bloge i kommentarii [Lexical Means of Emotiveness Expression in Sport Blog and Comment]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriya i filologiya*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 117–127.

11. Nikulich Yu.V. Risk-Generating Aspect of Public History in Digital Environment (on the Example of Russian Video Blogging in the 2020s. *Digit. Sociol.*, 2023, vol. 6, no. 3, pp. 11–20 (in Russ.). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-3-11-20>

12. Balakhonskaya L.V., Bykov I.A. Verbal Aggression in Political Blogs: A Case of the “Echo of Moscow”. *Vestn. St. Petersburg Univ. Lang. Lit.*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 492–506 (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.313>

13. Krutova I.N. Emotivno-diskursivnoe prostranstvo “kommentariya” k publitsisticheskomu blogu [Emotive-Discursive Space of the “Comments” to Publicistic Blog]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2019, no. 1, pp. 32–36.

14. Dakhalaeva E.Ch. Internet-kommentariy i internet-otzyv: parametry zhanrovogo razgranicheniya [The Internet Commentary and the Internet Opinion: The Parameters of the Genres Differentiation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2014, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16222> (accessed: 20 May 2024).

15. Korableva G.B., Kul'minskaya A.V. Internet-diskussii kak instrument formirovaniya obshchestvennogo mneniya [Internet Discussions as a Tool for Public Opinion Conformation]. *Diskussiya*, 2011, no. 9, pp. 143–148.

16. Shlyakhovoy D.A. Kommunikativnye strategii i sposoby vyrazheniya yazykovoy lichnosti blogera (na materiale nemetskoj voennoj blogosfery) [Communication Strategies and Ways of Expressing the Linguistic Personality of a Blogger (Based on German Military Blogosphere)]. *Filologiya i chelovek*, 2019, no. 3, pp. 41–54. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2019\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2019)3-04)

17. Pashchenko M.A. Otsenochnyy potentsial mifologicheskoy leksiki v russkoyazychnykh tekstakh obshchestvenno-politicheskoy tematiki [Evaluative Potential of Mythological Vocabulary in Russian-Language Texts on Socio-Political Topics]. *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskiy, literaturovedcheskiy i metodicheskiy aspekty* [Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodological Aspects]. Chita, 2018, pp. 80–83.

18. Glazkova S.N. Rechevoe samorazoblachenie v feyk-rolikakh [Verbal Self-Exposure in Fake Videos]. *Nauka XXI veka: problemy, poiski, resheniya* [Science of the 21st Century: Problems, Search, Solutions]. Chelyabinsk, 2022, pp. 208–218.

19. Zhafyarova M.N. About Practical Approaches to the Formation of Digital Ethics of a Modern Teacher in Social Networks. *Tsennosti i smysly*, 2022, no. 6, pp. 136–151 (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2022-6-136-151>

20. Devnina G.S. Role of Social Myth in Russia’s Internal Political Crises: A Social and Philosophical Analysis. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 4, pp. 61–69. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.4.61>

21. El'chaninov A., Ern V., Florenskiy P. *Istoriya religii* [History of Religion]. Moscow, 2004. 256 p.

22. Luk'yanov G.I., Mitrofanov A.A. Sovremennye sotsial'nye mify v deyatelnosti sotsial'nogo sub'yekta [Modern Social Myths in Activity of a Social Subject]. *Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya regionov*, 2017, no. 6, pp. 85–88.

23. Egorova M.A. Otsenochnyy kommentariy v sotsial'nykh setyakh (na materiale kommentariyev k novostnym postam) [Evaluative Comments in Social Networks (Based on Comments to News Posts)]. *Sovremennaya filologiya: teoriya i praktika* [Modern Philology: Theory and Practice]. Moscow, 2013, pp. 112–117.

Информация об авторе

А.М. Прилуцкий – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, корп. 20).

Information about the author

Aleksandr M. Prilutskiy, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the History of Religion and Theology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (address: nab. reki Moyki 48, korp. 20, St. Petersburg, 191186, Russia).

Поступила в редакцию 14.02.224

Одобрена после рецензирования 29.03.2024

Принята к публикации 02.04.2024

Submitted 14 February 2024

Approved after reviewing 29 March 2024

Accepted for publication 2 April 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 121–133.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 121–133.

Научная статья

УДК 141:111

DOI: 10.37482/2687-1505-V354

Опыт истолкования соотношения созерцания и преобразования в учении И. Канта¹

Михаил Михайлович Прохоров

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород, Россия,
e-mail: mmpo@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6170-3816>

Аннотация. Проблему исследования автор статьи видит в отказе И. Канта от онтологического обоснования теории познания на основе концепции «созерцания» и переходе к ее обоснованию на базе концепции «преобразования», когда «преобразование» рассматривается как главный фактор, определяющий способ познания и конструирующий предмет знания. И. Кант – родоначальник немецкой классической философии – использует термины «созерцание» и «преобразование» в гносеологическом смысле с учетом определенного мировоззренческого основания, заданного культурно-историческими условиями эпохи, которые отразились в его учении. В то время в культуре утверждается идея господства субъекта, которая правит миропониманием новоевропейского человека. Согласно И. Канту, человек есть существо, для которого нормой, т. е. обычным состоянием, является то, что соответствует его сознанию. Состояние должно быть создано им самим. Речь идет о мире, в котором явления природы преобразованы самим человеком. С этого момента история стала двигаться быстрее окружающей природной среды. Формируется центр нового, ускоренного по сравнению с природными процессами развития, что позволяет человеку вырваться из-под влияния чисто природных процессов, но оставаться с ними в одном и том же пространстве. Активность перешла «из рук» природы в руки человека. Обновленная периодизация исторического процесса, если она объективна и ухватывает собственный ритм процесса ускорения, по Б.Ф. Поршневу, «оказывается акселерацией – ускорением». Этот контекст является материнским лоном, в котором И. Кант развивает свой гносеологический подход. Утверждение господства субъекта переносило мыслителей в онтологически новый мир, где правит уже не голая необходимость природы, обрекающая человека на созерцательное положение, подвергнутое критике К. Марксом в первом тезисе о Л. Фейербахе, но необходимость в связке с сознанием. Она устанавливается сознанием, становится осознанной необходимостью, заново переопределяется И. Кантом и самим человеком с опорой на самого себя.

Ключевые слова: концепция созерцания, концепция преобразования, господство субъекта, гносеологический подход, теория познания, И. Кант

¹Статья посвящается 300-летию юбилею Иммануила Канта.

Для цитирования: Прохоров, М. М. Опыт истолкования соотношения созерцания и преобразования в учении И. Канта / М. М. Прохоров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 121-133. – DOI 10.37482/2687-1505-V354.

Original article

The Experience of Interpreting the Relationship Between Contemplation and Transformation in I. Kant's Teaching

Mikhail M. Prokhorov

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: mmpro@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6170-3816>

Abstract. The author of this article sees the research problem in the fact that I. Kant in his ontological substantiation of the theory of knowledge shifted from the concept of *contemplation* to the concept of *transformation*, considering transformation to be the main factor that determines the method of cognition and constructs the object of knowledge. Kant – the founder of classical German Philosophy – uses the terms *contemplation* and *transformation* in an epistemological sense, taking into account a certain ideological foundation laid by the cultural and historical conditions of the epoch that were reflected in his teaching. At that time, the idea of the subject's dominance, that was ruling the worldview of the new European man, was being established in culture. According to Kant, humans are beings whose normal state is that which corresponds to their consciousness. This state must be created by a person him/herself. Kant is talking about a world in which the phenomena of nature are transformed by humans. From that moment on, history began to move faster than the natural environment. The centre of a new, accelerated (compared with natural processes) development started to take shape, which allowed humans to escape from the influence of purely natural processes while remaining in the same space with them. Nature handed activity to humans. According to B.F. Porshnev, an updated periodization of a historical process, if it is objective and captures the process's own rhythm, turns out to be acceleration. This was the context in which Kant's epistemological approach originated. The assertion of the subject's dominance transported thinkers to an ontologically new world, ruled not by the naked necessity of nature, condemning humans to a contemplative position that was criticized by K. Marx in his first thesis on Feuerbach, but by necessity linked with consciousness. This necessity is established by consciousness and becomes a conscious necessity, redefined by Kant and by a person him/herself.

Keywords: *concept of contemplation, concept of transformation, subject's dominance, epistemological approach, theory of knowledge, I. Kant*

For citation: Prokhorov M.M. The Experience of Interpreting the Relationship Between Contemplation and Transformation in I. Kant's Teaching. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 121–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V354

В природной истории сознание оказывалось на положении «созерцания» в субстанциональном мире. Его положение в обновленной истории вырастает до «преобразования». Это понятие указывает на утверждение идеи господства субъекта, доминирующей в миро-

понимании человека. Человек есть существо, для которого обычным состоянием становится то, которое соответствует его сознанию; оно должно быть создано им в ходе преобразования явлений природы, что предполагает формирование ускоренного развития и позволяет чело-

веку вырваться из-под влияния чисто природных процессов, но оставаться с ними в одном и том же пространстве. К. Маркс в первом тезисе о Л. Фейербахе, преодолевая стремление брать предмет, действительность, чувственность только в форме опыта или созерцания, указал на необходимость вовлечь в орбиту анализа практику, чтобы брать их «субъективно». Эта деятельная сторона была абстрактно развита идеализмом. В чем состоит такое развитие, продемонстрировала в своей книге А.П. Белик [1]. Она пишет, что сознание не только очищает и обостряет материальные противоречия, используя их в своих интересах. Сверх того, оно стремится доказать материи свое всеисие, «безграничность своего могущества» в онтологическом отношении, доказать, что, «может быть, и само материальное единство имеет объективное содержание, глубочайший смысл именно благодаря бытию духа, сознания», возводимого в ранг «некоего абсолютного демиурга» [1, с. 246–247], заняв место материальной субстанции. Это показывает, насколько дух далеко заходит в своем стремлении оторваться от материи как субстанции, рассматривая познание как деятельность, протекающую по иным, собственным законам, «чтобы вознестись над нею и управлять» [1, с. 248]. Нередко такой подход интерпретируется как конструктивизм [2, с. 211–216], оценивается по положению «между» идеализмом и реализмом [3, с. 157–172]. Указывается, что философия И. Канта рассматривается в статусе проекта, либо утверждается, что «вечный Кант» становится злободневным [4, с. 9–15] и остросовременным [5, с. 63–74]. Таким образом, можно констатировать многообразие интерпретаций кантовской концепции [6, 7], которое продолжает предлагать предлагаемая статья.

Погруженность исследований И. Канта в иной мир, чем внешняя, субстанциальная природа, доступная лишь (внешнему) созерцанию, о котором писали старые материалисты, выразилась в философии И. Канта в переходе

от тезиса «всякие наши знания должны сообразоваться с предметами» к тезису «предметы должны сообразоваться с нашим познанием»². Такую перемену И. Кант характеризует как революцию в способе мышления, указывая на ее истоки в математике, опытным естествознании и сравнивая ее с «коперниканским переворотом» в науке. Благодаря этому перевороту идеология новоевропейской культуры проникает в теорию познания И. Канта.

Русская философия со времен Вл. Соловьева указанную особенность называла догматизмом субъективизма, верно подчеркивая абсолютизацию субъективного момента в философском мировоззрении. Подобная оценка учения И. Канта сделалась у русских философов общим местом, например у Е.Н. Трубецкого. По его словам, И. Кант «догматически предполагает, что человеческий субъект – центральное светило в познании – верховное начало всего познавательного процесса – источник всех познавательных принципов, с которыми должны сообразоваться не только его мысль, но и сама предметная действительность» [8, с. 13]. Русская философия указала на противоречивость «коперниканского переворота» И. Канта, поскольку он отказался от взгляда с точки зрения субстанциального мира самого по себе, отстаивая в этом плане агностицизм [9].

Чтобы понять суть «коперниканского переворота» И. Канта, нужно вдуматься в то, что стоит за первым и вторым тезисами, каково их взаимоотношение. Первый тезис («знания должны сообразоваться с предметами») неоднозначен. Он предполагает, во-первых, объективное существование предмета по отношению к знаниям людей. Это значение ведет к понятию объективной истины как знания, содержание которого соответствует, «сообразуется» с предметами, хотя, разумеется, не того, как (в какой форме) реализуется этот процесс по своему существованию. Во-вторых, он означает изоляцию предмета от преобразующей деятельности субъекта; как известно, в ней предметы «сообразуют»

²Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 87.

(преобразуют) в соответствии с человеческими представлениями (вне зависимости от их истинности или ложности). Таким образом, в первом значении можно говорить о *созерцании*, хотя форма его осуществления здесь не раскрыта. Во втором значении – о *созерцательности*, имеющей место при характеристике мировоззренческого отношения человека к субстанциальному миру. В созерцательном материализме оба значения «склеиваются» в утверждении о существовании предмета «до, вне и независимо от субъекта», ибо этот «материализм признает существование объекта, независимо от сознания субъекта, доводит до изоляции объекта от деятельности субъекта», и, наоборот, изолированное от преобразующей деятельности субъекта существование объекта воспринимал как его объективное существование [10, с. 65]. В результате противоположный тезис («предметы должны сообразоваться с нашими представлениями») отвергается, связь (отношение) между обоими тезисами разрывается. К другому тезису можно перейти только как к другому, т. е. запредельному, но не как к «своему другому». Это – переход через бездну, хотя каждый здравомыслящий человек знает, что мы сплошь и рядом «сообразуем» предметы с нашими «познаниями», когда преобразуем предметы (в самых разных целях). И. Кант сохраняет разорванность созерцания и преобразования как философско-мировоззренческих характеристик и переходит (перепрыгивает через бездну) в мир преобразования, в «эфире» которого он ведет разработку собственной гносеологии, в которой находит место и категория созерцания в узкогносеологическом смысле. Как отмечает Ж. Делез, Кант заменяет предустановленную гармонию между субъектом и объектом принципом необходимого подчинения объекта самому субъекту [11, с. 168].

Перенесение созерцания как гносеологической категории в область преобразования мира человеком привело Канта к ошибочному тезису,

будто мы познаем лишь то, что сами творим. И, напротив, объекты в субстанциальном мире, символизирующие объективную реальность, непознаваемы. В итоге создается видимость обоснованности отбрасывания тезиса о необходимости «сообразовывать» наши знания с предметами [12]. И. Кант утверждает: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразоваться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то установить априорно относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны... Подобную же попытку можно предпринять в метафизике, когда речь идет о созерцании предметов. Если бы созерцания должны были согласоваться со свойствами предметов, то мне непонятно, каким образом можно было бы знать что-либо а priori об этих свойствах; наоборот, если предметы (как объекты чувств) согласуются с нашей способностью к созерцанию, то я вполне представляю себе возможность априорного знания. Но я не могу остановиться на этих созерцаниях, и для того, чтобы они сделались знанием, я должен их как представления отнести к чему-либо как к предмету, который я должен определить посредством этих созерцаний. Отсюда следует, что я могу допустить одно из двух: либо понятия, посредством которых я осуществляю это определение, также сообразуются с предметом, и тогда я вновь впадаю в прежнее затруднение относительно того, каким образом я могу что-то узнать а priori о предмете; либо же допустить, что предметы, или, что то же самое, *опыт*, единственно в котором их (как данные предметы) и можно познать, сообразуются с этими понятиями»³.

³Кант И. Указ. соч. С. 87–88.

Чтобы снять остающуюся гипотетичность и выяснить, как именно И. Кант осуществляет описанный переход к утверждению господства субъективного начала, в «эфире» которого он рассматривает переносимое туда созерцание, мы должны (в методологическом отношении) воспользоваться содержанием первого из тезисов К. Маркса о Л. Фейербахе. И. Кант должен был «перекачать» первичные свойства, которые классическая онтология материализма признавала атрибутами объекта как сущего, подлежащего созерцанию, в субъект. Что касается вторичных свойств, то они представлялись не как свойства объекта, обладающего субстанциальным существованием, или, как говорит И. Кант, самого по себе. Они представляются как свойства, возникающие «на стыке» между объектом и субъектом. Поэтому они относились не к области сущего, а к области явления.

Далее мы приведем размышления А.Ф. Лосева, на которые будем опираться для обоснования того, что материя, мир есть объективная реальность и субстанция. Согласно А.Ф. Лосеву, последовательное продумывание объекта, существующего в субстанциальном мире, предполагает сущность, которая объективна, будучи не объектом, а лишь системой атрибутов (первичных свойств и законов) внутри субъекта. Эта система есть совокупность различительных атрибутов внутри объекта. Поэтому объект созерцаем, даже если фактически его, быть может, никто и не познавал бы. Субъект специфичен, обладая в первую очередь сознанием и мышлением. Созерцая объект, субъект создает все новое и новое в форме субъективного знания; оно мысленно, идеально. Отражение объекта субъектом не нарушает природы объекта. Ведь он представляет собой явления объективной реальности и субстанции как основы и всеобщего содержания любых ее конкретных проявлений и форм. И субъект, сознание, мышление не могут сыграть здесь существенной роли, поскольку исторически появились на земном шаре. И если земной мир погибнет, например вследствие космических эволюций, то погибнут и человек, и сознание,

и мышление. Но это нисколько не мешает говорить о созерцательной природе субъекта, сознания, мышления, поскольку они связаны с материей как объективной реальностью и субстанцией, они пребывают в самой же действительности, берут ее в целом и в частностях, т. е. объектах как проявлениях субстанции, сравнивают ее с ней же самой тоже в целом, приходя к очевидному выводу: «действительность есть именно действительность». Последняя объективна и субстанциальна, поскольку у нас сейчас вообще нет ничего, «кроме объективной действительности (потому что мы уже заранее включили в нее все существующее)» [13, с. 108]. Если объективность берется как субстанциальная действительность, то нам уже некуда дальше двигаться: можно только сравнивать весь объект с ним же самим, давать ему определения, устанавливая его закономерную структуру.

Точно так же мы должны действовать, имея дело с областью сознания и мышления. Когда мы берем мышление в целом, мы должны переходить от мышления к его внутреннему содержанию. При этом выясняется, что это содержание не зависит, как правило, от субъекта, будучи обусловленным объективностью и субстанциальностью объекта, т. е. системой внутренне присущих ему атрибутов, свойств и законов. В противном случае мы оказываемся перед необходимостью изъять из сознания и мышления людей объективную истину, отказаться от взгляда на субстанциальный мир как единый и с единой точки зрения. Даже если присмотреться к парадигме рассуждения оппонентов, то обнаруживается, что они рассуждают, оставаясь в рамках действия категорий истины и заблуждения или лжи, исходя из наличия объективной истины как предпосылки: тот, кто догматически утверждает субъективизм сознания и мышления, только делает вид, что он отвергает объективную истину, поскольку без ее существования он не мог бы формулировать свои утверждения о субстанциальности мироздания. Если из них изъять объективную истину (как предпосылку), то они лишатся «какой бы

то бы то ни было истинности, так что и вы своим суждением об абсолютном субъективизме мышления, в сущности, ровно ничего не доказываете» [13, с. 97]. Такова суть «довода от объекта». Не изменяет сути дела и «довод от субъекта». Ведь субъект также есть конкретное проявление субстанции. Если субъект не существует, то не существует ни сознания, ни мышления. Наоборот, если он существует, то он есть не только субъект, но и объект, который познаваем как другая разновидность бытия объективной реальности и конкретное проявление субстанции [14, с. 204–218].

Изложенное делает ясным, что И. Кант осуществляет «коперниканский переворот» перекачиванием системы атрибутов из объекта в субъект, чтобы лишить их объективности и субстанциальности: «Что о множестве предикатов внешних вещей, не отрицая их действительного существования, можно сказать: они не принадлежат к этим вещам самим по себе, а только к их явлениям и вне нашего представления не имеют собственного существования, – это еще задолго до Локка, но в особенности после него считается общепринятым и признанным. Сюда относится теплота, цвет, вкус и пр.». К ним же И. Кант причисляет и остальные качества тел. Он называет их *primarias*, относя к ним протяжение, место и вообще пространство со всем тем, что ему присуще. И «точно так же, как тот, кто признает, что цвета не свойства, присущие объекту самому по себе, а только видоизменения чувства зрения, не может за это называться идеалистом, так и мое учение не может называться идеалистическим только за то, что я считаю принадлежащими лишь к явлению тела не одни эти, а *даже все свойства, составляющие созерцание этого тела*; ведь существование являющейся вещи этим не отрицается в отличие от настоящего идеализма, а показывается только, что посредством чувств мы никак не можем познать эту вещь, какая она есть сама по себе»⁴.

В результате И. Кант противопоставляет

объективному идеализму и созерцательному материализму, которые сливаются для него в единый фронт оппонентов, свою концепцию, объединяющую материализм с агностицизмом.

В реестре первичных свойств И. Кант оставляет то единственное свойство, с признанием которого формально связан материализм, т. е. признает существование объектов самих по себе, переводя систему атрибутов объекта в категорию вторичных свойств: «Все тела вместе с пространством, в котором они находятся (временем, законами и т. п. – *М. П.*), должны считаться только представлениями в нас самих и существуют они только в наших мыслях»⁵. Тем самым отрицается субстанциальность мира. Сама собой отпадает, так сказать, надобность во «внешнем созерцании», о котором говорят представители созерцательного материализма, указывающие на объективность как систему атрибутов внутри объекта. По И. Канту, объективность не есть система атрибутов «внутри» объекта. Она означает только объект как таковой, находящийся вне пределов досягаемости созерцания. Созерцание является «внутренним созерцанием» – по отношению к субъекту, – которое имеет дело со вторичными свойствами. Система атрибутов выражает природу субъекта и его деятельности как «некий трансцендентальный субъект», выступающий «подлинной основой вещей» [15, с. 13], а не явлений субстанции в мироздании.

На первый взгляд, И. Кант следует традиционному словоупотреблению выражения «трансцендентальный субъект». Согласно философу, не субстанция, а субъект лежит в основе эмпирической действительности, природы: «Объект же есть трансцендентальная конструкция, то есть конструкция, продукт деятельности субъекта» [16, с. 5]. Так был сделан решительный шаг в истории философии. Вплоть до И. Канта понятия «субъект» и «объект» «имели прямо противоположный смысл, то есть субъект означал объект, а объект – субъект» [17, с. 121].

⁴Кант И. Указ. соч. М., 1965. Т. 4[1]. С. 106.

⁵Там же. С. 105.

В соответствии с проведенным изменением И. Кант возражал против обвинений в идеализме. Он упрекал оппонентов в извращении его идей, что его учение превращает вещи чувственно воспринимаемого мира в простую видимость. Отрицая субстанцию, как и присущие ей атрибуты, И. Кант стремился сформировать у читателей убеждение, что его «учение об идеальности пространства и времени не только не превращает весь чувственно воспринимаемый мир в чистую видимость, но, напротив, есть единственное средство, гарантирующее применение одного из важнейших познаний, а именно познания априорной математики, к действительным объектам и не допускающее, что такое познание есть одна лишь видимость»⁶. И. Кант утверждал, что попытка «превращать вещи (а не явления) просто в представления есть действительно неприемлемый идеализм», но «я, – настаивал философ, – оставляю вещам... их действительность и только ограничиваю наше чувственное созерцание... оно во всех своих частях, даже в чистых созерцаниях пространства и времени, представляет только явления вещей – сомневаться в этом мне и в голову не приходило... Слово же *трансцендентальный*, которым я обозначаю отношение нашего познания не к вещам, а только к познавательным способностям... заменяю словом *критический*»⁷.

Как видно, И. Кант строит теорию такого познания, которое отличается от познания внешних предметов, отвергая соответствующую ему идею «внешнего созерцания», предполагающую понимание действительности мира как объективной реальности и субстанции. Мир человека, его познавательной деятельности не имеет у И. Канта выхода к вещи-в-себе: «...все созерцаемое... все предметы возможного опыта... явления, т. е. только представле-

ния, которые в том виде, как они представляются нам, а именно как протяжение сущности или ряды изменений, не имеют существования сами по себе, вне нашей мысли... Это учение я называю *трансцендентальным идеализмом*... Трансцендентальный *реалист* превращает эти модификации нашей чувственности в вещи, существующие сами по себе, и потому считает *представления* вещами в себе»⁸. Идеализм И. Канта связан с разрывом его связей между гносеологией и классической онтологией, поскольку познание оказывается «поглощенным», втянутым в мир преобразующей деятельности человека, в мир «антропологии». «Все, что нам дается как предмет, – многократно повторяет философ, – должно быть дано нам в представлении, в созерцании. Но всякое наше созерцание происходит только посредством чувств: рассудок ничего не созерцает, а только рефлектирует. А... чувства никогда и ни в каком отношении не дают нам познания вещей самих по себе». Поэтому явления «суть лишь представления нашей чувственности»⁹. Здесь налицо явное отрицание субстанции мироздания, стремление ограничить себя трактовкой мира в границах гносеологического понятия объективной реальности, что ведет к отрицанию философской онтологии. В этой своей концепции И. Кант не был вполне оригинален, следуя за опытом философии Р. Декарта, в которой важное место занимало исследование взаимосвязи «предмет-представление» на основе принципа «мыслью, следовательно, существую». Место «предмета» у И. Канта занимает «явление». «Сознание моего собственного существования, – утверждает он, – есть вместе с тем непосредственное сознание существования других вещей»¹⁰.

Кантовский термин «представление» двузначен, он им двусмысливается. Во-первых, он обо-

⁶Кант И. Указ. соч. Т. 4[1]. С. 109.

⁷Там же. С. 109–111.

⁸Там же. С. 450–451, 734–736.

⁹Там же. С. 101, 105.

¹⁰Там же. Т. 3. С. 287.

значает самый «акт представления», во-вторых, «что-то представленное». Он предполагает не только представленное актом представления, но и само это представление, самый акт, его совершение. Данное обстоятельство характерно для декартовского «мыслю, следовательно, существую». Это – «раздумье», сомнение, которое намерено, однако, признавать только несомненное, представленное, а не нагромождать сомнения друг на друга. Такое размышление признает в качестве истинного, установленного и достоверного лишь то, что было бы установлено и удостоверено самим субъектом. В данном размышлении обнаруживается отрицание субстанции: место онтологии занимает гносеология. Как раз в этом пункте содержится то, что И. Кант называет «коперниканским переворотом» в способе мышления: всякое «я представляю нечто», оказывается, выставляет вперед «меня», «представляющего», когда акт представления презентует представляющему представленное, приостанавливая тем самым самостоятельное существование представляемого (предмета). Оно берет его в свое владение и обеспечивает ему дальнейшее существование – в качестве представляемого. Представляющее Я (мышление) представляется в каждом «я представляю» и вместе с ним. Оно представляется как то, при чем и около чего (даже – перед чем) выставлено всякое представляемое: в непосредственном созерцании чего-либо представляемое актом представления представляется «мне», оно ставится передо «мною». Оно представляется так, что я сам при этом предметом представления не становлюсь. Раз представление предоставляет созерцаемый предмет представляющему человеку, то созерцающий тоже оказывается «со-представлен» указанным неприметным образом. Оказывается, что представляющий принадлежит к структуре представления: представлению присуща самость созерцающего человека как нечто, лежащее в основе созер-

цания – субъект созерцания, – к чему и отнесены, во-первых, представление и, во-вторых, предмет. Отнесенность (относительность) к этому субъективному началу оказывается мерой всего, что выступает в представлении – как по-ставлении сущего, что равнозначно отрицанию субстанциальности мироздания. И только в таком виде, по Р. Декарту, и вслед за ним И. Канту, возможно сознание, созерцание предметов. Термин «созерцание» указывает на способность понимать, хотеть, вообразить, но также и чувствовать.

Отстаивая трансцендентальный идеализм, И. Кант пишет, что «может допустить существование материи, не выходя за пределы самосознания и признавая только достоверность представлений во мне, т. е. *cogito, ergo sum*, и ничего больше», значит, считает, что материя есть «только вид представлений (созерцание), называемых внешними не в том смысле, будто они относятся к предметам, внешним самим по себе, а потому, что они относят восприятия к пространству, в котором все находится вне друг друга, тогда как само пространство находится в нас»¹¹. Материя и даже ее внутренняя возможность признаются И. Кантом лишь явлением, которое «в отрыве от нашей чувственности есть ничто». Это явное отрицание субстанции, стремление ограничить себя трактовкой мировых явлений в рамках гносеологической категории объективной реальности.

Исходя из альтернативы онтологизма созерцательности и антропологической концепции преобразования, Д. Юм утверждал, защищая последнюю: «...можно признать принципом разума, что все чувственные качества существуют в уме, а не в объекте. Лишите материю всех ее представимых качеств как первичных, так и вторичных, и вы до некоторой степени уничтожите ее, оставив только какое-то неизвестное, необходимое *нечто* в качестве причины наших восприятий; а это такое несовершенное понятие, что ни один скептик

¹¹Кант И. Указ. соч. Т. 4[1]. С. 735–736.

не сочтет нужным возражать против него» [18, с. 158–159]. На этом основании он, а позже И. Кант, пришел к выводу, что непротиворечивое включение учения о бытии и его созерцании в структуру научно-философского знания принципиально невозможно: онтология и соответствующее ей понятие внешнего созерцания, о котором говорят материалисты, не могут быть составными частями философии. Они утверждают, что бытие зависит от сознания, познания, в ходе которых бытие подвергается преобразованию. У И. Канта это выразилось в утверждении, что если вещь-в-себе не зависит от познания (= преобразования), то она несозерцаема, что созерцаемое, т. е. явление, есть продукт деятельности субъекта. При этом отвергалось мировоззрение. Ведь миро-воззрение кладет в основу понятие «мир», понятый как объективная реальность и субстанция, а не понятия «объект» и «субъект», которые сами выступают составными элементами «мира» объективной реальности и проявлениями субстанции.

Согласно В.А. Лекторскому и В.С. Швыреву, И. Кант ориентирует развитие философии иначе: «...единственный род бытия, который он считал возможным исследовать, это – внутреннее бытие человека... Так, пространство и время, традиционно считавшиеся формами бытия внечеловеческого мира, превращаются в формы человеческой чувственности (деятельности. – М. П.), фрагменты внешнего бытия – вещи – становятся явлениями, и т. д.» [19, с. 13].

При всех трудностях, порожденных разладом между гносеологией и мировоззрением в системе И. Канта, следует отметить как достижение философа то, что ему удалось обнаружить пределы «внешнего созерцания», о котором говорили старые материалисты, и показать необходимость «внутреннего созерцания». В докантовской концепции «внешнего созерцания» объект разрастался до значения всей действительности. Сравнивая ее самое с собой, философы получали вывод, что «объект есть объект», «действительность есть именно действительность». Как было показано ра-

нее, из этого утверждения удавалось получить важный результат, переходя к определениям (категориям) действительности, понимаемым как *отражение* действительности. Однако этим процесс отражения не ограничивается. Он носит сложный иерархический характер. В процессе познания мы обретаем возможность отражения самого отражения, что переводит нас от первичного отражения к самосознанию и вторичному отражению самого отражения. На этом уровне и «работают» Р. Декарт и И. Кант, абстрагируясь от первичного отражения и присущего ему «внешнего созерцания» вещей. Поскольку человек способен к самосознанию, постольку он в состоянии сделать отражаемым и свою собственную деятельность, и ее продукты, включая знания о материальных объектах, существующих в форме знания, следовательно, «субъективно», мысленно, идеально, в своих «вторичных свойствах», или даже как явление, создаваемое человеком в эксперименте. И. Кант и обращается к анализу этой ступени (части) созерцания, выдавая в то же время ее за *все* содержание понятия созерцания.

Современные исследования самопознания, т. е. обращения познания к самому себе, свидетельствуют, что познавательная деятельность есть единство объективного и субъективного, единство, в котором имеет место первичность объекта относительно субъекта. Ведь, как признают отечественные философы, познать объект «значит построить какое-то знание о нем, а сделать это невозможно без деятельности: и в знании, и в деятельности проявляется *отношение* объекта к субъекту». При этом создается впечатление, что «объект и субъект неразрывно связаны», но такое представление «неизбежно ведет к солипсизму» [20, с. 52]. Чтобы противостоять солипсизму, требуется трактовка мироздания как единства объективной реальности и отрицаемой И. Кантом субстанции и ее конкретных проявлений. Это предполагает опору на метод восхождения от абстрактного к конкретному, обеспечивающему установление перехода от субстанции к явлениям объективной реальности.

Как показал Л.К. Науменко, если взять за объект теоретическое знание, оно есть, с одной стороны, такое умозрительное знание, которое имеет в качестве следствий некоторое эмпирическое знание. С другой стороны, это такое эмпирическое знание, которое имеет своими исходными посылками некоторое умозрительное знание. Раздвоение объекта на сущность и явление отражается в раздвоении теоретического знания на эмпирическое и умозрительное, конструируемое путем творческого воображения (вопреки некоторому прежнему опыту). Оно не выводится как эмпирическое, из определенного опыта. Однако научного понимания объекта нет до тех пор, пока нет теории этого объекта. Следовательно, пока нет вторичного отражения, знания о знании. Пока нет понятия о теории. Л.К. Науменко показал, что сущности «соответствует не только определенное содержание, но и определенный тип истинного суждения об этом содержании. Гносеологическая характеристика входит в самое определение предмета, и без этого никакая другая диалектика просто невозможна» [21, с. 255]. Добавим, что в определение предмета входит и онтологическая его характеристика как явления субстанции, присущей мирозданию, в состав которого он входит.

На частичность анализа созерцания, которое ограничено только уровнем отражения второго порядка у И. Канта, указал Гегель, анализируя в «Энциклопедии философских наук» три типа отношения мысли к объективности. Докантовскую философию он относит к первичному отражению, раскрывая слабые и сильные стороны характерной для этого уровня установки. Согласно Гегелю, «мышление постигает вещи, как они существуют сами в себе», причем только мышление добирается до их сути: «вещи лишь в качестве мыслимых суть поистине» [22, с. 134]. Кантовский подход Гегель относит к уровню вторичного отражения. Он констатирует, что «критическая философия требовала, чтобы, раньше чем мы приступим

к познанию (на первичном уровне. – М. П.), мы подвергли исследованию способность познания» [22, с. 154]. Сам Гегель выходит к отражению третьего уровня, на котором ставится вопрос о взаимосвязи вторичного отражения с первичным. При этом рассматривается их тождество, тождество противоположностей и отрицание отрицания – по отношению к первичному отражению (докантовской философии) как исходному тезису и одновременно по отношению ко вторичному отражению как антитезису. Отражение третьего уровня Гегель рассматривает как их синтез, схватывающий все три стороны (момента) логического: абстрактно-рассудочное; диалектическое, или отрицательно-разумное; спекулятивное, или положительно-разумное. Они представляют собой «моменты всякого логически реального, т. е. всякого понятия или всего истинного вообще», хотя при рассудочном подходе они и «могут быть удержаны в своей обособленности», но тогда они рассматриваются «не в их истине» [22, с. 201–292].

Таким образом, при оценке наследия И. Канта Н.К. Вахтомин подчеркнул, что, разрабатывая концепцию «внутреннего созерцания», И. Кант стремился преодолеть обычное представление о пассивном характере созерцания объектов [23]. Пассивность создает трудности при познании сущности того или иного класса предметов, которая не совпадает с ними по содержанию, при познании еще не наблюдавшегося и при выработке целостных образов несуществующих объектов. Ю.Б. Мелих предложила рассматривать учение И. Канта как «обращение проблем сущего в проблемы ценностей» [24, с. 7–12], А.Н. Фатенков выразил проблему, подчеркивая различие понятия «субъекта» у Канта и Гегеля [25, с. 30–35]. В целом преодоление И. Кантом так называемого главного недостатка созерцательного материализма продвинуло философию вперед; это оказалось очень трудоемким процессом, обремененным немалыми искажениями, касающимися сути взаимоотношения категорий созерцания и преобразования в мировоззренческом отношении.

Список литературы

1. *Белик А.П.* Социальная форма движения. Явления и сущность. М.: Наука, 1982. 270 с.
2. *Богданова В.О.* Философия Канта и современный конструктивизм: точки соприкосновения // *Личность. Культура. О-во.* 2011. Т. XIII, № 2(63–64). С. 211–216.
3. *Полянский Д.В.* Кант и современная философия международных отношений: между идеализмом и реализмом // *Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики: материалы междунар. семинара / под ред. А.С. Зильбера, А.Н. Саликова.* Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 157–170.
4. *Вяткина А.Г.* Кант и современная наука: спор или согласие? // *Вестн. ВГУ. Сер.: Философия.* 2023. № 3. С. 9–15.
5. *Бажанов В.А.* Кантианские мотивы в современной нейронауке // *Философия науки и техники.* 2020. Т. 25, № 2. С. 63–74. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2021-25-2-63-74>
6. *Ясперс К.* Кант: Жизнь, труды, влияние / пер. А.К. Судакова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 416 с.
7. *Кузнецова И.С.* Иммануил Кант = Immanuel Kant. 2-е изд., доп. / пер. на нем. Г. Хорста. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. 222 с.
8. *Трубецкой Е.Н.* Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М.: Тип. «Рус. печатня», 1917. 337 с.
9. *Богомолов А.С.* Буржуазная философия США XX века. М.: Мысль, 1974. 343 с.
10. *Копнин П.В.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев: Наук. думка, 1966. 288 с.
11. *Делез Ж.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
12. *Бриллюэн Л.* Научная неопределенность и информация / пер. с англ. Т.А. Кузнецовой; под ред. и с послесл. д-ра филос. наук. проф. И.В. Кузнецова. М.: Мир, 1966. 271 с.
13. *Лосев А.Ф.* Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.
14. *Ерахтин А.В.* 4.3. Материя как объективная реальность и субстанция // *Ерахтин А.В.* *Онтология в системе философского знания: моногр.* М.: Флинта: Наука, 2017. С. 204–219.
15. *Любутин К.Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии: моногр. М.: Высш. шк., 1981. 264 с.
16. *Лекторский В.А.* Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии. М.: Высш. шк., 1985. 118 с.
17. *Гусейнов А.А.* Мораль и насилие // *Вопр. философии.* 1990. № 5. С. 127–136.
18. *Юм Д.* Исследование о человеческом познании / пер. С.И. Церетели // *Юм Д.* *Соч.: в 2 т. / под общ. ред. И.С. Нарского.* М.: Мысль, 1966. Т. 2. С. 5–169.
19. *Лекторский В.А., Швырев В.С.* Единство мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов в марксистской философии // *Гносеология в системе философского мировоззрения.* М.: Наука, 1983. С. 9–31.
20. *Материалистическая диалектика: в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова.* Т. 1. Объективная диалектика. М.: Мысль, 1981. 374 с.
21. *Науменко Л.К.* Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата: Наука, 1968. 328 с.
22. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 452 с.
23. *Вахтомин Н.К.* Теория научного знания Иммануила Канта. Опыт современного прочтения «Критики чистого разума». М.: Наука, 1986. 206 с.
24. *Мелих Ю.Б.* Онтология и мировоззрение или «обращение проблем сущего в проблемы ценностей» // *Мировоззренческая парадигма в философии: взаимоотношение онтологии и гносеологии как философская проблема (к 300-летию юбилею И. Канта): сб. ст. по материалам XIX Междунар. науч. конф. Н. Новгород: ННГАСУ, 2024. С. 7–12.*
25. *Фатенков А.Н.* Трансцендентальный субъект Канта и абсолютный субъект Гегеля // *Мировоззренческая парадигма в философии: взаимоотношение онтологии и гносеологии как философская проблема (к 300-летию юбилею И. Канта): сб. ст. по материалам XIX Междунар. науч. конф. Н. Новгород: ННГАСУ, 2024. С. 31–35.*

References

1. Belik A.P. *Sotsial'naya forma dvizheniya. Yavleniya i sushchnost'* [Social Form of Movement. Phenomena and Essence]. Moscow, 1982. 270 p.

2. Bogdanova V.O. *Filosofiya Kanta i sovremennyy konstruktivizm: tochki soprikosnoveniya* [Kant's Philosophy and Modern Constructivism: Points of Intersection]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2011, vol. 13, no. 2, pp. 211–216.
3. Polyanskiy D.V. *Kant i sovremennaya filosofiya mezhdunarodnykh otnosheniy: mezhdru idealizmom i realizmom* [Kant and Modern Philosophy of International Relations: Between Idealism and Realism]. Zil'ber A.S., Salikov A.N. (eds.). *Kantovskiy proekt vechnogo mira v kontekste sovremennoy politiki* [Kant's Project of Perpetual Peace in the Context of Modern Politics]. Kaliningrad, 2013, pp. 157–170.
4. Vyatkina A.G. *Kant i sovremennaya nauka: spor ili soglasie?* [Kant and Modern Science: Disagreement or Agreement?]. *Vestnik VGU. Ser.: Filosofiya*, 2023, no. 3, pp. 9–15.
5. Bazhanov V.A. *Kantianskie motivy v sovremennoy neyronauke* [Kantian Motives in Modern Neuroscience]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2020, vol. 25, no. 2, pp. 63–74. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2021-25-2-63-74>
6. Jaspers K. *Kant: Leben, Werk, Wirkung*. Munich, 1975. 230 p. (Russ. ed.: Yaspers K. *Kant: Zhizn', trudy, vliyanie*. Moscow, 2014. 416 p.).
7. Kusnezova I. *Immanuel Kant*. Kaliningrad, 2013. 222 p.
8. Trubetskiy E.N. *Metafizicheskie predpolozheniya poznaniya. Opyt preodoleniya Kanta i kantianstva* [Metaphysical Assumptions of Knowledge. Experience of Overcoming Kant and Kantianism]. Moscow, 1917. 337 p.
9. Bogomolov A.S. *Burzhuaznaya filosofiya SShA XX veka* [Bourgeois Philosophy in 20th-Century USA]. Moscow, 1974. 343 p.
10. Kopnin P.V. *Vvedenie v marksistskiyu gnoseologiyu* [Introduction to Marxist Epistemology]. Kiev, 1966. 288 p.
11. Deleuze G. *Empirizm i sub"ektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and Subjectivity: An Essay on Hume's Theory of Human Nature. Kant's Critical Philosophy: The Doctrine of the Faculties. Bergsonism. Spinoza]. Moscow, 2001. 480 p.
12. Brillouin L. *Scientific Uncertainty and Information*. New York, 1964. 179 p. (Russ. ed: Brillyuen L. *Nauchnaya neopredelennost' i informatsiya*. Moscow, 1966. 271 p.).
13. Losev A.F. *Derzanie dukha* [The Daring of the Spirit]. Moscow, 1988. 366 p.
14. Erakhtin A.V. 4.3. *Materiya kak ob"ektivnaya real'nost' i substantsiya* [4.3. Matter as Objective Reality and Substance]. Erakhtin A.V. *Ontologiya v sisteme filosofskogo znaniya* [Ontology in the System of Philosophical Knowledge]. Moscow, 2017, pp. 204–219.
15. Lyubutin K.N. *Problema sub"ekta i ob"ekta v nemetskoj klassicheskoy i marksistsko-leninskoy filosofii* [The Problem of Subject and Object in German Classical and Marxist-Leninist Philosophy]. Moscow, 1981. 264 p.
16. Lektorskiy V.A. *Problema sub"ekta i ob"ekta v klassicheskoy i sovremennoy burzhuaznoy filosofii* [The Problem of Subject and Object in Classical and Modern Bourgeois Philosophy]. Moscow, 1985. 118 p.
17. Guseynov A.A. *Moral' i nasilie* [Morality and Violence]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 5, pp. 127–136.
18. Hume D. *Issledovanie o chelovecheskom poznanii* [An Enquiry Concerning Human Understanding]. Hume D. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1966. Vol. 2, pp. 5–169.
19. Lektorskiy V.A., Shvyrev V.S. *Edinstvo mirovozzrencheskogo i teoretiko-poznavatel'nogo aspektov v marksistskoy filosofii* [The Unity of Worldview and Theoretical-Cognitive Aspects in Marxist Philosophy]. *Gnoseologiya v sisteme filosofskogo mirovozzreniya* [Epistemology in the System of Philosophical Worldview]. Moscow, 1983, pp. 9–31.
20. Konstantinov F.V., Marakhov V.G. (eds.). *Materialisticheskaya dialektika. T. 1. Ob"ektivnaya dialektika* [Materialist Dialectic. Vol. 1. Objective Dialectic]. Moscow, 1981. 374 p.
21. Naumenko L.K. *Monizm kak printsip dialekticheskoy logiki* [Monism as a Principle of Dialectical Logic]. Alma-Ata, 1968. 328 p.
22. Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopaedia of the Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic]. Moscow, 1974. 452 p.
23. Vakhtomin N.K. *Teoriya nauchnogo znaniya Immanuila Kanta. Opyt sovremennogo prochteniya "Kritiki chistogo razuma"* [Immanuel Kant's Theory of Scientific Knowledge. Reading the Critique of Pure Reason Today]. Moscow, 1986. 206 p.
24. Melikh Yu.B. *Ontologiya i mirovozzrenie ili "obrashchenie problem sushchego v problemy tsennostey"* [Ontology and Worldview or "Turning the Problems of Existence into the Problems of Values"]. *Mirovozzrencheskaya*

paradigma v filosofii: vzaimootnoshenie ontologii i gnoseologii kak filosofskaya problema (k 300-letnemu yubileyu I. Kanta) [Worldview Paradigm in Philosophy: Relationship Between Ontology and Epistemology as a Philosophical Problem (to I. Kant's 300th Anniversary)]. Nizhny Novgorod, 2024, pp. 7–12.

25. Fatenkov A.N. *Transtsendental'nyy sub'ekt Kanta i absolyutnyy sub'ekt Gegelya* [Kant's Transcendental Subject and Hegel's Absolute Subject]. *Mirovozzrencheskaya paradigma v filosofii: vzaimootnoshenie ontologii i gnoseologii kak filosofskaya problema (k 300-letnemu yubileyu I. Kanta)* [Worldview Paradigm in Philosophy: Relationship Between Ontology and Epistemology as a Philosophical Problem (to I. Kant's 300th Anniversary)]. Nizhny Novgorod, 2024, pp. 31–35.

Информация об авторе

М.М. Прохоров – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (адрес: 603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, д. 65).

Information about the author

Mikhail M. Prokhorov, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof. at the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (address: ul. Il'inskaya 65, Nizhny Novgorod, 603950, Russia).

Поступила в редакцию 10.01.2024

Одобрена после рецензирования 28.03.2024

Принята к публикации 02.04.2024

Submitted 10 January 2024

Approved after reviewing 28 March 2024

Accepted for publication 2 April 2024

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ/REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 134–137.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 134–137.

Рецензия на книгу

УДК 811.111

DOI: 10.37482/2687-1505-V355

Константы национальной лингвокультурной картины мира

Рецензия на книгу: *Багана Ж. Национальные особенности межкультурной коммуникации (теория и практика): учеб. пособие / Ж. Багана, Н.И. Дзенс, И.Н. Мельникова. М.: ФЛИНТА, 2020. 384 с.*

Татьяна Николаевна Федуленкова

Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,

e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Аннотация. Рецензируемая книга интересна тем, что в ней представлены образцы кросс-культурного анализа этноконцептов и этнокультурных номинаций, и тем, что этот труд может служить надежным руководством к исследованию национальной специфики языковой картины мира.

Ключевые слова: этноконцепт, этнокультурная номинация, межкультурная коммуникация, лингвокультурная картина мира, кросс-культурный анализ

Для цитирования: Федуленкова, Т. Н. Константы национальной лингвокультурной картины мира / Т. Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 134-137. – DOI 10.37482/2687-1505-V355.

Book review

Constants of the National Linguocultural Worldview

Review of the book: *Bagana J., Dzents N.I., Mel'nikova I.N. National Peculiarities of Intercultural Communication (Theory and Practice). Moscow, 2020. 384 p. (in Russ.).*

Tat'yana N. Fedulenkova

Vladimir State University, Vladimir, Russia,

e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Abstract. The book under review is of interest since it presents examples of cross-cultural analysis of ethnic concepts and ethnocultural names. Moreover, this publication can serve as a reliable guide to the study of national features of the linguistic worldview.

Keywords: *ethnic concept, ethnocultural name, intercultural communication, linguocultural worldview, cross-cultural analysis*

For citation: Fedulenkova T.N. Constants of the National Linguocultural Worldview. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 134–137. DOI: 10.37482/2687-1505-V355

Для выявления национальных особенностей межкультурной коммуникации важно определить константы национальной лингвокультурной картины мира. К таким константам автор рецензируемой книги профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета Жером Багана относит прежде всего концепт, значение и ряд национально-культурных номинаций.

В рамках отечественной теории межкультурной коммуникации еще не сложился специфический метод комплексных сопоставительных концептуально-лингвокультурных исследований, поэтому она опирается на методику анализа, практикуемую в рамках лингвокультурологии, лингвострановедения, лингвокогнитивистики и перевода.

При лингвокультурологическом подходе выявляются национально-специфические значения слова, наслаивающиеся на денотативное значение и обозначаемые терминами *фонное значение, этнокультурная коннотация, лексический фон, (этно)лингвокультурное значение*. Языковые единицы в единстве денотативного и национально-культурного значений трактуются как *лингвокультуремы, лингвокультуронимы, этнокультурные таксоны, национально-культурные номинации* и т. д.

При лингвокогнитивном подходе исследуются этнокультурные концепты, многообразные представления и форматы знания, воплощаемые посредством номинации, лексикализующей концепт, дающей ему *имя* (концепт «Счастье», концепт «Толерантность» и т. д.), и других многочисленных языковых средств (слов, фразеологизмов, паремий, афоризмов, синтаксических моделей) и авербальных средств: картин(ок), схем, чертежей, карт и т. п. Следовательно, подчеркивает Жером Ба-

гана, необходимо различать понятия *концепт* и *значение*.

Рассматривая понятия концепт и значение как компоненты лингвокультурной картины мира, автор выявляет следующие их характеристики.

Концепт представляет собой единицу *ментального лексикона* (единицу мышления), *кодированную* в сознании, структурах мозга в виде психологических образований (энграмм), и может быть выражен одним словом или гнездом слов и других языковых единиц (фразеологических, например), но может не иметь языкового выражения и существовать в сознании в имплицитном состоянии. Концепты воплощают собою различные форматы знания: представления, научные понятия (логические категории), обиходные/повседневные понятия, образы, гештальты (некоторые размытые, приблизительные представления), фреймы или фреймы-сценарии (представления об объекте, имеющие более или менее четкую структуру в виде *рамки*, очерчивающей признаки предмета и определенных действий, *сцен*, связанных с его функционированием в социуме). Концепт определяет семантику слова, но проявляется в нем лишь одной или несколькими сторонами, поскольку все признаки и компоненты концепта могут быть полностью представлены лишь *суммой* значений многих слов и других языковых единиц.

Значение понимается автором как единица семантической структуры слова, являющая только определенные стороны некоторого концепта, поэтому оно есть лишь часть концепта, репрезентирующая мотивационный признак и сигнификат (коннотации). Языковые значения формулируются в терминах сем: денотативные, эмоциональные, оценочные, этнокультурные/лингвострановедческие и др.

Таким образом, автор разграничивает сферы рассматриваемых понятий: концепт относит-

ся к сфере мышления, которое отражает мир, а значение – к сфере языка, который отображает мир. Национальное языковое сознание – это та линза, через которую преломляется реальная действительность, формируя своеобразное языковое видение мира: язык – это *окно* во внутренний мир этноязыкового сообщества; слово – эквивалент того, как объекты и явления реальной действительности воспринимались или воспринимаются народом на определенном этапе развития социума и его культуры.

Далее автор приводит основные классификации национально-культурных номинаций (НКН) и этноконцептов, которые в разной степени могут представлять лингвокультурные барьеры в процессе вербальной межкультурной коммуникации.

Жером Багана выявляет следующие основные подходы к анализу универсального и идиоэтнического в семантике языковых единиц.

1. В работах основателей теории лингвострановедения Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова разграничиваются «универсалии ↔ фоновая лексика», при этом под лексическим/лингвострановедческим фоном понимается страноведческая информация лексических единиц, именуемая также как фоновое знание (ФЗ). Авторский тандем предпринимает попытку разграничить различные виды ФЗ:

– региональные (знания членов ограниченной территории, ограниченного коллектива: города, района, провинции, континента);

– страноведческие (знания членов этносоциума, некоторого национального сообщества: племени, народа, народности, нации);

– общечеловеческие (знания, лежащие в основе слов, обозначающих реалии-«вещи», характерные для многих или всех стран).

В лингвострановедческих словарях, систематизирующих реалии той или иной страны, порой даются комментарии, превышающие объем обыденных знаний среднего носителя языка, поэтому лингвострановедческая информация, фоновое значение слов трактуются как *энциклопедическое* значение. Некоторые исследователи пытаются разграничивать *фоновое значение* и *энциклопедическое значение*, однако преобладающей является тенденция к идентификации данных

понятий: эти термины выступают как синонимы, не получая четкого разграничения.

2. Поскольку значительное внимание уделялось также сугубо национальным объектам и явлениям реальной действительности, в ряде работ (например, в концепции Г.Д. Томашина, 1987) используется термин *реалия* для обозначения как самих национально-специфических денотатов, так и обозначающих их слов. Появляются новые попытки разграничения слов с этнокультурным значением. Ведутся дискуссии о том, какие со-значения следует считать лингвострановедчески релевантными.

3. Более дифференцированной по признаку наличия/отсутствия этнокультурного (страноведческого) компонента значения в семантической структуре слова является классификация А.Д. Райхштейна, которая способна вобрать в себя другие типы лексем с этнокомпонентом, выявляемых в рамках исследований по переводоведению и сопоставительной лингвистике. В данной классификации также разграничиваются два типа лексических единиц: «универсалии ↔ национально-культурные номинации», и на основе этой оппозиции выделяются разряды лексических единиц по признаку наличия/отсутствия страноведческого компонента значения.

Лингвострановедческие универсалии понимаются как слова общекультурного характера, обозначающие некоторые общие явления действительности и отражающие общее знание, адекватное или близкое видение соответствующего фрагмента мира. Это страноведчески нейтральные лексемы, совпадающие во всех языках по всем параметрам семантической структуры. В аспекте перевода универсалии трактуются как *межъязыковые эквиваленты, межъязыковые синонимы*. Они рассматриваются как лингвострановедчески нерелевантные языковые единицы.

Ж. Багана дифференцирует понятийные НКН как обозначения *предметных* реалий, характерных только для одной культуры и отсутствующих в другой: обозначаемые денотаты единичны, уникальны. Они соответствуют языковым единицам, которые в рамках других подходов обозначаются терминами *уникалии, собственно реалии, денотативные реалии*,

национальные реалии, этнокультурные реалии, этнореалии. Понятийные НКН являются лингвострановедчески релевантными лексическими единицами, культурологически нагруженными лексемами, семантизация которых требует энциклопедических страноведческих знаний соответствующей культуры, которые должны усваиваться вместе с изучаемыми вокабулами. Автор подчеркивает, что в переводоведении понятийные НКН относятся к числу абсолютных безэквивалентов (лакун): в другом языке они не имеют соответствия ни в плане денотата, ни в плане лексического аналога.

Анализируя НКН, профессор Багана отмечает, что они довольно многообразны, что позволяет их классифицировать по тематическому принципу:

- национальные реалии (этнореалии);
- региональные/локальные реалии;
- исторические реалии (историзмы);
- профессиональные реалии (термины, профессиональные жаргонизмы, корпоративные языки, эвфемизмы и проч.).

Фоновые НКН (фоновая лексика) представляют собой лексические единицы, имеющие эквиваленты в других языках по лексическому/денотативному значению, но различающиеся этнокультурными коннотациями, или фоновыми значениями.

В качестве иллюстрации различной степени несоответствий семантической структуры лексических единиц разных языков, обусловленной различиями лингвокультурных картин мира, автор приводит следующие основные типы фоновых НКН:

Информация об авторе

Т.Н. Федулénkова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

1) полионимы – квазиуниверсалии, универсалии с национально-вариативным денотатом (с. 56–58);

2) полионимы с аллегорическим или символическим фоном;

3) межъязыковые омонимы и межъязыковые паронимы.

На многочисленных примерах автор показывает, как дословное восприятие фразеологизмов или стереотипных речевых клише с позиций современных значений слов, без исследования культурно-исторического фона, может вести к искажению не только смысла фразы либо текста, но и исторической картины мира. Исследование приводит к выводу, что знание этноэдемической лексики (слов, фразеологизмов, их значений) необходимо в межкультурной коммуникации во избежание непонимания, конфликтов и срыва коммуникации.

Вторая часть книги посвящена вопросам этнической истории и культуры народов Европы, становлению наций, национальных культур и характеров. В третьей ее части рассматриваются вопросы национальной специфики восточных культур.

По широте охвата объекта изучения и по глубине его анализа данная книга (представленная читателю как «учебное пособие»), несомненно, является новаторским произведением, достойным внимания исследователей, занимающихся проблемами этнической истории, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Для преподавателей, читающих лекции о национальных особенностях кросс-культурного общения, эта работа есть бесценный источник информации как в методологическом плане, так и в плане уникального языкового материала.

Information about the author

Tat'yana N. Fedulenkova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 19.05.2024

Одобрена после рецензирования 29.05.2024

Принята к публикации 30.05.2024

Submitted 19 May 2024

Approved after reviewing 29 May 2024

Accepted for publication 30 May 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 3. С. 138–144.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 138–144.

Редакционная статья

УДК 94(47).084.3:061.3

DOI: 10.37482/2687-1505-V356

Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России (1917–1922): опыт истории и уроки для современности

Владислав Иванович Голдин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. Проведен анализ материалов круглого стола, посвященного истории иностранной военной интервенции в России, состоявшегося в марте 2024 года в Москве. Подчеркивается актуальность избранной для диалога историков темы вызовов, которые стоят перед современной Россией. Характеризуется содержание выступлений участников круглого стола, в рамках которого были раскрыты причины интервенции, состав ее участников, их цели и интересы, хронология иностранного военного вторжения и его основные вехи и события, конечные результаты, исторический опыт борьбы с интервентами. Отмечается, что огромная иностранная военная и другая помощь антибольшевистским силам в России обострила и продлила Гражданскую войну в стране. Рассматриваются исторические уроки, вытекающие из опыта борьбы с иностранной интервенцией, для современности, а также проблемы формирования и сохранения исторической памяти о Гражданской войне и военной интервенции в Россию.

Ключевые слова: иностранная военная интервенция, Гражданская война в России, исторические уроки, историческая память

Для цитирования: Голдин, В. И. Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России (1917–1922): опыт истории и уроки для современности / В. И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 138-144. – DOI 10.37482/2687-1505-V356.

Editorial

Allied Intervention in the Russian Civil War (1917–1922): Historical Experience and Lessons for the Present

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Abstract. The article analyses the materials on the Allied military intervention in Russia presented at the round table that took place in Moscow in March 2024. This topic is relevant due to the challenges faced by Russia nowadays. The presentations covered the reasons for the Allied intervention, its participants, their goals and interests, the chronology of the invasion, its milestones, key events and final results, as well as the historical experience of fighting against the intervention. It was emphasized that the huge foreign military and other assistance to the anti-Bolshevik forces in Russia escalated and prolonged the Civil War. In addition, the round table participants discussed the relevant historical lessons drawn from the experience of fighting against the intervention, as well as the formation and preservation of historical memory of the Civil War and Allied intervention in Russia.

Keywords: *Allied intervention, Russian Civil War, historical lessons, historical memory*

For citation: Goldin V.I. Allied Intervention in the Russian Civil War (1917–1922): Historical Experience and Lessons for the Present. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 138–144. DOI: 10.37482/2687-1505-V356

15 марта 2024 года в Доме Российского исторического общества (РИО) в Москве состоялся круглый стол, посвященный истории иностранной военной интервенции в годы Гражданской войны в России. Актуальность этой темы обусловлена современными реалиями, в которых оказалась наша страна, – ей вновь угрожают иностранными интервенциями. Поэтому осмысление исторического опыта и уроков истории представляется весьма значимым. Круглый стол собрал ведущих специалистов по указанной теме из разных городов страны. Участие в его работе принял и ряд видных ученых, академиков Российской академии наук (РАН) и Российской академии образования (РАО) и организаторов науки.

Заседание круглого стола открыл председатель РИО С.Е. Нарышкин. Он отметил тесную взаимосвязь событий столетней давности, иностранной военной интервенции в Россию и нашей современности. Был сделан экскурс в историю международной интервенции в нашей стране, показаны тесная взаимосвязь ее и Гражданской войны, попытки раздела страны, грабеж и вывоз ее природных ресурсов, организация тюрем и концлагерей на ее территории. Особо прозвучала тема Мудьюга – концлагеря, который был создан интервентами на территории этого острова в Белом море, и упомянуты восстановительные работы, ведущиеся сегодня на Мудьюгском мемориале жертвам интервенции, а также было отмечено осуществляемое

комплексное обновление Волгоградского мемориально-исторического музея – в перспективе первого в стране музея, полностью посвященного истории Гражданской войны.

С.Е. Нарышкин подчеркнул в своем выступлении, что под видом помощи в борьбе с большевиками, а то и попросту создавая марионеточные правительства, иностранные державы настойчиво преследовали собственные цели – в ущерб интересам России. Со временем даже самые непримиримые деятели Белого движения, поначалу доверившиеся интервентам, отметил он, приведя в качестве примера генерала Деникина, осознали ошибочность этой ставки. Попытка опереться на иностранные штыки не могла обернуться ничем, кроме горького разочарования.

В связи с этим С.Е. Нарышкин провел параллели с нынешней ситуацией, когда погрязшая во внутриэлитных дрязгах Украина оказалась под властью марионеточного режима, от имени которого орудуют его иностранные хозяева. Их так называемая помощь, заметил он, оборачивается лишь усугублением ситуации и перетоком последних оставшихся ресурсов за рубеж. Финальным штрихом в этой неприглядной картине Нарышкин назвал заявление президента Франции Э. Макрона, предложившего отправить на Украину воинский контингент.

Начиная большой разговор об иностранной военной интервенции, С.Е. Нарышкин призвал извлечь из него востребованные исторические

уроки, главный из которых состоит в том, что развитие России может быть обеспечено лишь при условии надежной защиты ее суверенитета.

По видеосвязи к участникам круглого стола обратился научный руководитель Института всеобщей истории РАН, сопредседатель РИО, академик РАН А.О. Чубарьян. Он рассказал о деятельности британского посла в России Дж. Бьюкенена после Октябрьской революции, англо-французском соглашении (декабрь 1917 года), разделе сфер влияния в России, действиях Локкарта и Робинса и их переговорах с Лениным и Троцким, вынужденном подписании Брестского мира и балансировании руководства Советской России между двумя противоборствовавшими в мировой войне коалициями. Академик охарактеризовал развертывание военной интервенции в России – начиная с высадки британских войск в Мурманске в марте 1918 года и кончая последующими интервенционистскими действиями стран Антанты и Четверного союза. Он указал, что война России не объявлялась и что это было преступное вооруженное вмешательство. А.О. Чубарьян подчеркнул актуальность исторических уроков борьбы с интервентами в свете современных событий и угроз, которые звучат в адрес России из-за рубежа.

Президент РАО О.Ю. Васильева, указав на несомненную актуальность обсуждаемой темы, поставила перед участниками круглого стола вопрос о необходимости помощи школе и учителям в изучении сложных проблем Гражданской войны и интервенции в России и целесообразности подготовки специального пособия для учителей истории по этой тематике. Данное предложение получило поддержку историков, специалистов по указанной теме.

Председатель правления РИО, исполнительный директор фонда «История Отечества», доктор исторических наук Р.Г. Гагкуев обратил внимание на актуальность комплексного изучения интервенции в годы Гражданской войны. В СССР данная тема была одной из приоритетных при рассмотрении всего периода 1917–1922 годов. Название периода междоусобной войны приводилось исключительно как слово-

сочетание «Гражданская война и иностранная военная интервенция».

В советское время, отметил Гагкуев, был накоплен огромный фактический и документальный материал по теме интервенции. Вместе с тем при рассказе об интервенции 14 стран в Россию ее масштабы, по его мнению, нередко значительно преувеличивались, а силы русской контрреволюции, по сути, лишались какой-либо самостоятельной роли.

В трудах большинства современных российских историков, подчеркнул Гагкуев, иностранная военная интервенция находится, как правило, на периферии. Нет специального исследования, которое бы осмысливало интервенцию в масштабах страны. Если посмотреть описание хода Гражданской войны в России в учебной литературе, общих работах по истории, то можно заметить, что интервенции уделяется минимум внимания.

По мнению Гагкуева, сегодня не стоит ни преувеличивать, ни преуменьшать роль интервенции. Гражданская война была прежде всего внутренним конфликтом, но вмешательство иностранных государств заметно увеличило его продолжительность. Огромную роль играли поставки вооружения и боеприпасов для белых армий, причем вооружения наиболее современного, включая артиллерию, танки и самолеты. В то же время непосредственное участие интервентов в боях против Красной армии было довольно ограниченным в масштабах войны.

Гагкуев подчеркнул, что помощь, которая оказывалась странами Антанты Белому движению, была далеко не бескорыстной. Союзники не только рассчитывали закрепить свое влияние в России по окончании Гражданской войны, но и хищнически использовали ее ресурсы, вывозя сырье и продовольствие. Первое коммерческое использование Северного морского пути произошло в 1919 году для вывоза сибирского хлеба в Европу.

Задавшись вопросом, была ли помощь интервентов белым в борьбе с большевиками действительной, Гагкуев заметил, что белые военачальники оценивали ее как недостаточную, ибо

поставок не хватало для полноценного снабжения армий, как несвоевременную, ввиду того что многие грузы оказались в России, когда война была белыми уже проиграна, и как некачественную, т. к. многие орудия прибывали с расстрелянным ресурсом стволов, самолеты – с неисправностями, а танки – без нужных запчастей. Вместо ожидаемой бескорыстной помощи от союзников, которых белые считали должниками России за ее роль в Первой мировой войне, они встречали точный расчет, что вело их к разочарованию. Генерал Деникин указывал в письме Ллойд Джорджу о проводимой последним с жестокой последовательностью политике расчленения России, что ярко проявлялось в Закавказье. Своеобразным символом отношения Антанты к своим союзникам в России стали выдача верховного правителя адмирала А.В. Колчака и его расстрел большевиками.

Гагкуев подчеркнул важность скорого выхода в свет XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» (в 2 книгах) многотомной «Истории России». В заключение он указал, что сегодня изучение истории интервенции более чем актуально для нашего общества, сославшись на то, что президент России В.В. Путин не раз говорил, что события специальной военной операции носят в т. ч. и черты Гражданской войны. Не меньше аналогий с событиями вековой давности вызывают сегодня и действия западных стран в отношении России.

Профессор В.И. Голдин, президент Ассоциации исследователей Гражданской войны в России и ответственный редактор упомянутого XII тома, отметил сложность анализа иностранной интервенции, ибо она во времени и пространстве Гражданской войны эволюционировала и качественно отличалась по масштабам, количеству участников и характеру их действий. В различных форматах, с общими и разными целями и интересами в ней участвовали как военно-политические коалиции, так и отдельные государства.

Голдин продемонстрировал парадокс изучения этой темы в нашей стране, поскольку в советское время именно с интервенцией свя-

зывали развязывание, жесточенность и длительность Гражданской войны, а в постсоветский период, в условиях новой политической конъюнктуры и надежды, что Запад поможет России, обо всем плохом во взаимоотношениях с ним старались забыть, и тема интервенции ушла на периферию общественного интереса и исследовательской повестки. Реалии современной конфронтации с Западом актуализировали тематику иностранных нашествий на нашу страну, опыт и уроки борьбы с ними.

Была подчеркнута необходимость комплексного анализа международной интервенции, т. е. всех ее форм и видов (информационной, идеологической, дипломатической, политической, финансово-экономической), а не только высшей и самой острой – насильственного вооруженного вмешательства. Был назван комплекс факторов, которые делали иностранную интервенцию фактически неизбежной, а также ее причины, цели и мотивы, сплетавшиеся воедино.

На слайдах, сопровождавших выступление, были представлены хронология и вехи интервенции Четверного союза, Антанты и отдельных государств, когда ослабевшую Россию делили на сферы влияния, поощряли сепаратистские тенденции, мятежи и насильственно вторгались, оккупируя ее территории.

В.И. Голдин напомнил некоторые забытые или неизвестные даже специалистам события интервенции, например: украинский Брестский мир и подписание членом делегации Центральной рады подготовленного немцами «Обращения к германскому народу» о вводе войск на Украину; вехи так называемой дружественной интервенции на Мурман с разрывом отношений между Мурманским Советом и Москвой, что обернулось оккупацией войсками Антанты Кольского полуострова, а затем и обширной территории Русского Севера; действия Румынии, Финляндии и Польши, стремившихся стать «великими» за счет аннексии исконных российских земель, и др.

В выступлении Голдина были указаны более 20 стран и британских зависимых территорий,

участвовавших в интервенции в Россию, когда в общей сложности около 2 млн иностранных солдат прошли по российской земле, занимаясь грабежами и насилием, но вынуждены были бесславно ее покинуть. Подчеркивалось, что Гражданская война в России обострялась и огромными поставками оружия, боеприпасов и амуниции противникам большевиков, без чего война закончилась бы уже к началу 1919 года, что напоминает в этом отношении и современную ситуацию в Украине. На слайдах были продемонстрированы масштабы ущерба и потерь России и ее населения в результате интервенции.

В заключительной части выступления В.И. Голдин обозначил исторические уроки борьбы с интервентами. Во-первых, во внутриполитической борьбе нельзя прибегать к помощи иностранцев, которые, вмешиваясь, преследуют в первую очередь собственные интересы. Во-вторых, важны консолидация усилий государства, общества и граждан в борьбе с внешними угрозами и готовность к их отражению, необходимость деморализовать внешнего врага изнутри посредством воздействия на зарубежное общественное мнение и поиска союзников за рубежом, как было с движением «Руки прочь от России!» в ту историческую эпоху. В-третьих, существует потребность глубокого раскрытия истории интервенции в школьных и вузовских учебниках и курсах истории. В.И. Голдин акцентировал внимание на важности формирования и сохранения корректной исторической памяти о тех печальных событиях и на использовании в полной мере потенциала исторических памятников, которые напоминают о той эпохе и должны поддерживаться в должном состоянии.

Директор Института российской истории РАН профессор Ю.А. Петров в своем выступлении подчеркнул актуальность изучения истории интервенции в России в связи с современными вызовами и угрозами, с которыми столкнулась страна. Он отметил, что в честь 100-летия окончания Гражданской войны и интервенции в Россию прошла серия научных

конференций, посвященных рассматриваемой тематике, и на последней из них, в октябре 2022 года во Владивостоке, ведущие специалисты подвели итоги изучения этих проблем, проанализировали актуальные сегодня исторические уроки. Кроме того, в рамках работы над 20-томной академической «Историей России», осуществляемой под эгидой Института российской истории РАН, сдан в издательство «Наука» и готовится к печати XII том в двух книгах, в которых большое внимание уделено истории иностранной военной интервенции в Россию.

Профессор Санкт-Петербургского государственного университета А.Ю. Павлов обозначил, что занимался прежде всего политикой Франции, правительство и высшее командование которой стали одними из основных инициаторов интервенции в Россию. Он указал, что с позиции Антанты период интервенции можно разделить на два основных этапа. Первый из них продлился до окончания Первой мировой войны, и все действия стран этой коалиции были подчинены главной цели – победе в войне. Антанта готова была поддерживать на территории бывшей Российской империи все силы, способные оказывать сопротивление Германии, Австро-Венгрии и Турции.

Именно эту проблему, отметил Павлов, обсуждали представители правительств Англии и Франции 23 декабря 1917 года на совещании в Париже, закончившемся подписанием соглашения о разделе сфер влияния в южных регионах распавшейся Российской империи. Соглашение предполагало разделение между Англией и Францией ответственности по оказанию поддержки всем, кто мог и хотел сопротивляться проникновению немцев, австро-венгров и турок на Украину, Дон, Кубань и Кавказ. В этот период времени планы отправки войск также были связаны с действиями против блока Центральных держав.

До тех пор пока сохранялась хоть малейшая надежда на возобновление боевых действий между Советской Россией и Германией, даже

правительство большевиков рассматривалось как возможный тактический временный союзник, которому страны Антанты готовы были оказывать помощь. Только в начале лета 1918 года утвердилось, по мнению А.Ю. Павлова, убеждение в том, что правительство большевиков – союзник Германии, а значит – враг. К моменту окончания мировой войны это представление комбинировалось и с другим – с опасностью олицетворяемого советским правительством «большевизма». И на втором этапе интервенции главной целью стран Антанты стала поддержка всех антибольшевистских сил.

А.Ю. Павлов обратил внимание на то, как воспринимали будущую интервенцию различные российские политические деятели и политические группы. В дипломатическом архиве Франции сохранилось множество поступивших от них в первой половине 1918 года обращений с призывом как можно быстрее отправить союзные войска в Россию. Иллюзорные ожидания спасения России как от немцев, так и от большевиков при помощи иностранной интервенции стали впоследствии источником глубоких разочарований.

Кандидат исторических наук Ю.М. Галкина (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург) обратилась к рассмотрению предпосылок французской интервенции в Россию. Она заметила, что к началу Октябрьской революции на территории России сложилась централизованная структура французского военного представительства, которая по факту изменения политической обстановки в стране – углубления революционного процесса – перешла на позиции вмешательства во внутренние дела Советской республики. Помощь и поддержку военной миссии Франции оказывали гражданские служащие: коммерсанты, ученые, представители финансового капитала.

Галкина подчеркнула, что еще летом 1917 года на территории России сформировалась разведывательная служба Франции, которая на протяжении 1917–1918 годов занималась проведением диверсионных операций, работой с

агентами влияния, вербовкой национальных контингентов и др. По мере разочарования французов в собственных возможностях по дестабилизации обстановки в Москве и Петрограде военные и дипломаты Третьей республики предпочли сделать ставку на «откалывание» от России национальных окраин и южных областей в собственных интересах. Представители МИД Франции в конце 1918 года отмечали необходимость наращивания активности в Тифлисе, Киеве, Одессе и Харькове.

Ю.М. Галкина резюмировала, что изучение иностранного присутствия на территории России в годы Первой мировой войны, его масштабов и возможностей влиять на политическую обстановку является перспективным исследовательским направлением.

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А.В. Ганин отметил, что в условиях раскола в обществе внешние силы выступали союзниками всех сторон Гражданской войны. Так, красных поддержали сотни тысяч иностранных граждан, которые именовались интернационалистами. Основную часть своего выступления ученый посвятил проблемам, с которыми сталкиваются исследователи истории интервенции. Среди них – языковой барьер, затрудняющий ознакомление с иностранными источниками и литературой, в особенности на редких языках. В интервенции участвовали контингенты многих стран, и одному исследователю не под силу овладеть всеми языками, на которых существуют источники и исследования по этой тематике. Множество важных источников, даже англоязычных, не переведено на русский язык и, соответственно, практически не используется в научных работах. Необходимо готовить научные публикации по этой теме на иностранных языках, для чего может оказаться перспективным объединение усилий историков-русистов и специалистов-страноведов. Важно также переводить на русский язык наиболее значимые исследования по различным аспектам истории интервенции.

Сложность, подметил А.В. Ганин, представляет доступ ученых к зарубежным архи-

Голдин В.И.

Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России (1917–1922)...

вам. Вместе с тем большие перспективы связаны и с освоением материалов российских архивов. Расширение научной базы и систематизация знаний по истории интервенции значимы для дальнейшего изучения истории Гражданской войны.

На круглом столе также выступили директор Музея-заповедника «Сталинградская битва» А.В. Дементьев (Волгоград) и генеральный директор Музея политической истории С.Е. Рыбаков (Санкт-Петербург), рассказавшие о том, как в их музейных экспозициях представлена тематика иностранной интервенции в Россию.

Информация об авторе

В.И. Голдин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2).

Поступила в редакцию 10.04.2024
Одобрена после рецензирования 23.04.2024
Принята к публикации 25.04.2024

Итоги круглого стола подвел заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации, сопредседатель РИО К.И. Могилевский, поблагодаривший участников за содержательные выступления и выразивший уверенность, что специалисты смогут более полно раскрыть актуальную сегодня проблематику иностранной интервенции в Россию в своих исследованиях, учебной литературе, а также подготовить учебное пособие для учителей истории по этой теме. Он подчеркнул и важность работы по сохранению исторической памяти о Гражданской войне и интервенции в Россию.

Information about the author

Vladislav I. Goldin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Submitted 10 April 2024
Approved after reviewing 23 April 2024
Accepted for publication 25 April 2024

ОН БЫЛ НАСТОЯЩИМ ИСТОРИКОМ: ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.Н. ЗАШИХИНА

23 мая 2024 года ушел из жизни известный архангельский историк, доктор исторических наук, профессор Андрей Николаевич Зашихин.

Коренной архангелогородец, он родился в 1960 году. После окончания 21-й гимназии Архангельска поступил в 1977 году на отделение истории и английского языка историко-филологического факультета Архангельского педагогического института имени М.В. Ломоносова. Автор этих строк познакомился с Андреем Зашихиным осенью 1980 года, когда приступил к чтению лекций по истории СССР советского периода. Это был яркий, думающий, творческий и очень ответственный студент. В 1982 году, уже в качестве декана, я вручал ему диплом с отличием.

У преподавателей Андрея Зашихина не было сомнений в том, что из него вырастет настоящий историк. Он был рекомендован для поступления в аспирантуру Ленинградского

государственного педагогического института имени А.И. Герцена и в 1986 году подготовил и защитил кандидатскую диссертацию по отечественной истории под научным руководством выдающегося советского историка, профессора В.И. Старцева. Вернувшись в родной вуз, А.Н. Зашихин приступил к преподавательской деятельности на кафедре истории СССР. В 1989–1992 годах он был деканом исторического факультета Архангельского пединститута.

В 1994 году ему было присвоено ученое звание доцента. Но в это время А.Н. Зашихин уже активно работал над докторской диссертацией, прошел стажировку в Оксфордском университете США. В 1994 году в Институте всеобщей истории РАН он защитил докторскую диссертацию на тему «Россия в общественной мысли Британии второй половины XIX – начала XX вв. (Британская *Rossica*)», отмеченную Президиумом ВАК, и в следующем году ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук. Таким образом, А.Н. Зашихин стал одним из самых молодых докторов наук в Поморском государственном университете имени М.В. Ломоносова (ПГУ). В 1996 году ему было присвоено ученое звание профессора, и с тех пор по начало 2020 года он работал профессором кафедры отечественной истории ПГУ, а позднее Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ).

Как настоящий профессор А.Н. Зашихин создал под своим руководством научное направление, а потом научную школу «Россия и *Rossica* XIX–XX вв.: проблемы истории, источниковедения, историографии», и его научная деятельность приобрела не только российскую, но и международную известность. Он плодотворно и ответственно занимался подготовкой и аттестацией научных и научно-педагогических кадров. Под его руководством был подготовлен один доктор и 6 кандидатов исторических наук.

А.Н. Зашихин являлся членом, а с 2007 по 2015 год – заместителем председателя докторского диссертационного совета по историческим наукам ПГУ/САФУ. В 2007–2011 годах был сопредседателем одного из ведущих научных направлений ПГУ «История и культура Европейского Севера с древнейших времен до наших дней». Им было опубликовано три монографии.

А.Н. Зашихин был блестящим знатоком и прекрасным преподавателем отечественной истории XIX – начала XX века, любимцем студентов-историков, пользовался их глубоким уважением и был для них непререкаемым научным авторитетом. Он опубликовал 6 методических пособий, активно занимался историко-краеведческой деятельностью. В последние годы своей преподавательской деятельности в САФУ А.Н. Зашихин много работал над созданием учебно-методического комплекса «История Архангельского Севера». При его участии в 2017 году был подготовлен Региональный историко-культурный стандарт Архангельской области, а в 2019-м вышло в свет учебное пособие «История Архангельского Севера, 1801–1914 гг.» для 9-го класса общеобразовательных организаций, в котором он был основным автором.

Историков много, но настоящих историков, к сожалению, мало. Дело в том, что историками гордо называет себя целая армия выпускников исторических факультетов вузов, учителей, преподавателей колледжей, институтов и университетов, краеведов, но настоящий историк – это прежде всего исследователь, человек, который способен заниматься настоящим научным творчеством на историческом поприще, который любит, знает, глубоко понимает, ценит и ответственно изучает науку под высоким и гордым названием История. И сегодня, когда в России восстанавливается интерес к историческому прошлому страны, осознается его значение для формирования гражданских начал и патриотизма в обществе, происходит сложный процесс возрождения исторической науки, нам будет остро не хватать таких специалистов, как Андрей Николаевич Зашихин.

Он останется в нашей памяти как прекрасный историк-исследователь, блестящий преподаватель, честный и ответственный человек.

***В.И. Голдин, доктор исторических наук,
профессор, главный редактор журнала***

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Березина О.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Виноградова С.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, директор института гуманитарных и социальных наук Мурманского арктического университета;

Воропаев Н.Н., кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук (Москва);

Калинин О.И., доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры дальневосточных языков Военного университета имени князя Александра Невского (Москва);

Каримов А.Р., доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социальной философии Казанского федерального университета;

Косов А.П., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь);

Красухин К.Г., доктор филологических наук, заведующий сектором общей компаративистики Института языкознания Российской академии наук (Москва);

Кузнецов Д.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета;

Кузьминых А.Л., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний;

Лысенков С.Г., доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации;

Мед Н.Г., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии Санкт-Петербургского государственного университета;

Михеева Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва);

Моисеенко Л.В., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета;

Никоненко С.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета;

Реент Ю.А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры философии и истории Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (г. Рязань);

Сидоренко В.П., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения;

Федулов С.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург);

Хижняк С.П., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии;

Чалый В.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Чугаева Т.Н., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и философии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук;

Чупров А.С., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета;

Щипицина Л.Ю., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии, заместитель директора высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации по научной работе и инновациям Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Яковлюк А.Н., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Национального государственного Университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];</p> <p>в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;</p> <p>в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.